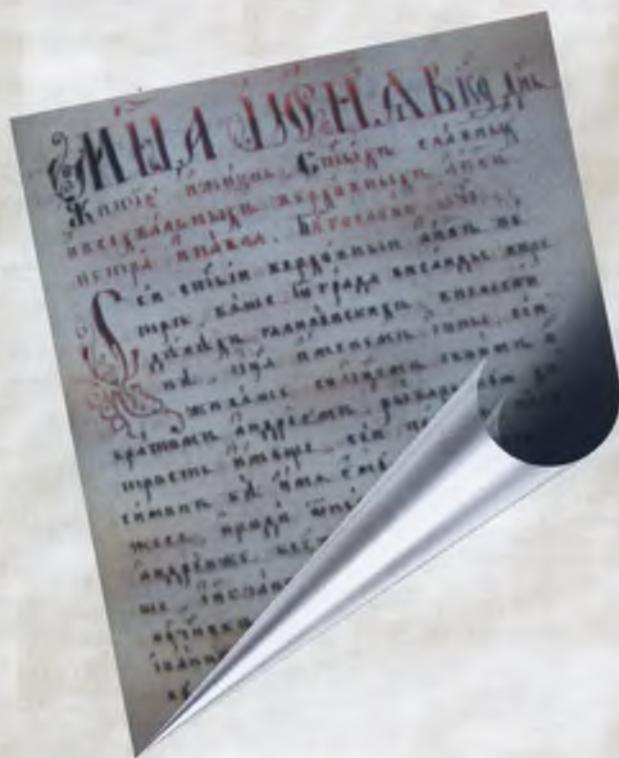

ПЕРВЫЕ МЯНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы республиканской
научно-практической конференции

Сыктывкар 2009

Министерство национальной политики Республики Коми
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской Академии наук
ГОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»
Муниципальный район «Усть-Цилемский»
Межрегиональное общественное движение «Русь Печорская»

ПЕРВЫЕ МЯНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы республиканской
научно-практической конференции

с. Усть-Цильма
12 июля 2008 г.

Сыктывкар 2009

Рекомендовано к изданию организационным комитетом конференции,
министерством национальной политики Республики Коми, ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

Редакколегия:

Волкова Т.Ф., к. ф. н. доцент (ответственный редактор),
Чупров В.И., д. и. н. профессор (член редакколлегии),
Попов А.А., д. и. н. профессор (член редакколлегии).
Рожкин Е.Н., к.э.н. (член редакколлегии).
Дронова Т.И., к. и. н (член редакколлегии).
Нейфельд Г.Д. (член редакколлегии).
Герасимова Е.И. (член редакколлегии).
Габов П.В. (ответственный секретарь).

Первые Мяндинские чтения: материалы республиканской научно-
П 26 практической конференции. 12 июля 2008 г., с. Усть-Цильма. – Сыктывкар.
2009. – 176 с.

ISBN 978-5-87237-677-4

Настоящий сборник открывает серию публикаций по материалам научно-практических конференций под общим названием «Горочные чтения». Сборник получил название «Первые Мяндинские чтения». Авторы – научные сотрудники, преподаватели, краеведы, руководители фольклорных коллективов, работники Министерства культуры и национальной политики Республики Коми. Конференция посвящена И.С. Мяндину – наиболее известному из печорских книжников XIX века. Из числа крестьян-старообрядцев, профессионально занимавшийся переписыванием старинных рукописей и редактированием древнерусских повестей, И.С. Мяндин обладал незаурядными литературными способностями, невероятным трудолюбием, широтой литературных интересов. Он автор целого ряда переработок древнерусских сочинений – сказаний, житий, исторических сочинений, торжественных слов, сказаний о чудесах, многие из которых до сих пор еще не изучены и не изданы. Данные чтения были приурочены к 185-летию И.С. Мяндина. Многие доклады посвящены именно И.С. Мяндину, а также традиционной культуре Усть-Цильмы. Во второй раздел сборника вошли доклады, посвященные истории Печорского края и Республики Коми.

Сборник открывает новую страницу в исследовании богатейшего фольклорного наследства Печоры. Участники конференции приняли решение проводить «Мяндинские чтения» один раз в два года.

УДК 398+94(470.13) «18/19»
ББК 82+63.3(2РосКом)51/6

ISBN 978-5-87237-677-4

© Министерство национальной политики РК. 2009
© ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. 2009

От редакколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник составлен из докладов, прочитанных на республиканской научно-практической конференции «Первые мяндинские чтения», проходившей в с. Усть-Цильме и посвященной 185-летию со дня рождения знаменитого усть-цилемца Ивана Степановича Мяндина.

И.С. Мяндин (1823-1894 гг.) – наиболее известный из печорских книжников XIX в. из числа крестьян-старообрядцев, профессионально занимавшийся переписыванием старинных рукописей и редактированием древнерусских и старообрядческих сочинений – сказаний, житий, исторических сочинений, торжественных слов, сказаний о чудесах от икон, многие из которых до сих пор еще не изучены и не изданы.

И.С. Мяндин обладал незаурядными литературными способностями, невероятным трудолюбием, широтой литературных интересов, любознательностью и стремлением донести до своих земляков – основных читателей его произведений – важнейшие христианские идеи, вычитанные им в средневековых сочинениях разных жанров. Переписанные и переделанные И.С. Мяндиным старинные повести и поучения помогали печорским крестьянам преодолевать низменные проявления человеческой природы – зависть, лень, неблагодарность, недоверие, ревность, сварливость, давали примеры всепобеждающего терпения, смиренния, трудолюбия, преданности.

Благодаря книгописной деятельности И.С. Мяндина для современных усть-цилемов стали доступны многие шедевры средневековой литературы, а его переработки древнерусских повестей помогают лучше понять склад души и мировоззрение печорских крестьян XIX в.

Творчество И.С. Мяндина нуждается в дальнейшем изучении, популяризации, издании не только в научных, но и в научно-популярных изданиях.

**Приветственное слово главы муниципального района
«Усть-Цилемский» – руководителя администрации района
А.Ф. Чупрова**

Уважаемые участники конференции! Уважаемые гости, уважаемые усть-цилемцы! Сегодня в этом зале происходит очень важное для Усть-Цилемского района событие – «Первые Мяндинские чтения», посвященные нашему земляку печорскому книжнику, профессиональному писцу и писателю – Ивану Степановичу Мяндину.

Низовая Печора издавна славилась рукописной стариной. Мы можем гордиться тем, что особенно богаты рукописями были Усть-Цильма и населенные пункты, расположенные по рекам Цильме и Пижме, и в настоящее время рукописные книги XV-XX веков составляют основу Печорских собраний Пушкинского дома в г. Санкт-Петербурге Усть-Цилемского собрания рукописей библиотеки Сыктывкарского университета. Редчайшая коллекция книг, составляющих эти собрания, доказывает высокий уровень культуры наших предков-старообрядцев.

Выдающийся археограф Владимир Иванович Малышев, посвятивший более 30 лет своей научной деятельности изучению Печорской книжности, писал: «Сборники – показатель значительной культуры печорцев. Основываясь на их материале, мы имеем право утверждать, что в Усть-Цилемском крае «на конце света», как в старину говорили о Печоре, в XVIII-XIX ввах было своеобразное «культурное гнездо». Оно имело свои, только ему присущие особенности, свои вкусы и запросы. Пусть в основе они были отсталыми и односторонними (защищали старообрядческую идеологию), но они приучали жителя глухих печорских лесов любить и ценить книгу, знания».

Имя нашего талантливого земляка Ивана Степановича Мяндина открыто исследователями еще в 50-х годах XX столетия. По всем данным – это был очень грамотный и начитанный человек, ему принадлежит большая заслуга в создании печорского полуустава – особого, характерного только для нашего района, способа написания.

Сегодняшнее мероприятие посвящено творчеству одного из выдающихся земляков, но в истории района есть еще очень много других имен и тем, также требующих детального изучения и представляющих интерес не только для населения, но и для представителей науки. Надеюсь, что эти «Мяндинские чтения» станут традиционными и послужат еще одним шагом в популяризации, сохранении и развитии традиционной культуры Усть-Цилемского района.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, содержательных докладов, интересного общения и дальнейших творческих успехов! Пусть Усть-Цильма, её неповторимая история и самобытная культура еще долгие годы будут служить источником творческого вдохновения, научного поиска, интересных открытий.

Приветственное слово председателя Комитета Государственного Совета по бюджету, налогам и экономической политике, председателя Сыктывкарского отделения межрегионального общественного движения «Русь Печорская» Б.Л. Забровской

Дорогие друзья!

На встрече с творческой интеллигенцией в декабре 2007 года Президент Российской Федерации В. Путин рекомендовал собравшимся почтить употребление словосочетание «русский мир». «В наше сложное время, – сказал он, – русский мир как форма исторической общности людей, может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура».

К сожалению, 15 лет нам усиленно вешали через средства массовой коммуникации, кинематограф, современную литературу, будто все, связанное с корневой русской почвой является олицетворением темноты, косности по сравнению с плодами европейского развития. И потому нечего там искать, нечем там обогатиться духовно и как результат в будущем – отказаться от этого наследия, сбросить его в Лету.

Состоявшиеся в Усть-Цильме в июле 2008 года «Первые Мяндинские чтения», посвященные памяти народного самородка Ивана Степановича Мяндина, еще раз подтвердили: Россия имеет все основания для того, чтобы гордиться своей историей и ее деятелями. Без этой законной гордости нет, и не может быть России современной, сильной, гордой и культурной. И в этой связи маленькая Усть-Цильма в лице рукописца-книжника, проводника христианской веры Ивана Степановича Мяндина занимает достойное место в истории государства Российского.

I. И.С. Мяндин и традиционная культура Усть-Цильмы

В.И. Малышев

Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин*

В истории Усть-Цилемской рукописно-книжной традиции XIX в. почетное место принадлежит И.С. Мяндину. Можно, пожалуй, смело сказать, что это был один из самых крупных книгописцев края того времени. На протяжении почти трех четвертей столетия протекала его обширная книгописная деятельность в Усть-Цильме. Его имя как переписчика рукописных книг произносится до сих пор с почтением и уважением на низовой Печоре среди лиц старшего поколения, хотя со дня его смерти прошло около 70 лет (статья написана в 1960-х гг., – ред.). Книги, переписанные И.С. Мяндиным, встречаются и сейчас еще во всем Печорском крае, от Нарьян-Мара до Троицка-Печорска. Но И.С. Мяндин был не только плодовитым переписчиком готовых текстов. Известны его переделки старинных русских произведений и собственные его сочинения историко-этнографического содержания. И.С. Мяндина по праву можно назвать первым местным писателем и популяризатором памятников древнерусской письменности.

О времени появления первых Мяндиных на Печоре и, в частности, в Усть-Цильме точных сведений пока еще не найдено. Сейчас об этом можно говорить лишь предположительно, с точностью в рамках десятилетия. Может быть, дальнейшие архивные разыскания, которые мы не прекращаем производить, позволят более определенно ответить на этот вопрос.

Наиболее раннее известное нам упоминание фамилии Мининых в Усть-Цильме находится в Переписной книге Пустозерского уезда 1725 г. Здесь, на основании ревизской сказки 1719 г., казаны чрезвычайно важные для истории этого рода сведения [1].

Из них мы прежде всего узнаем, что родоначальники современной печорской династии Мяндиных – мезенцы из деревни Белоельской [2]. Затем сообщается, что они значатся в числе недавно приезжих людей». В 1782 г., как видно из ревизской сказки, в Усть-Цильме уже отчетливо наметились две родовые ветви Мяндиных. Одна, более к этому времени обширная, ведет свое начало от Евтихия Мяндина. Самого родоначальника давно уже не было в живых, но его жена, Марфа Логинова, еще

здравствовала, имея от рода 80 лет. Другая ветвь прямых родичей И.С. Мяндина состояла из потомков Захара Мяндина [3]. Среди упомянутых в сказке лиц этой ветви мужского и женского пола имя Василия Захарова Мяндина – деда И. С. Мяндина – не значится. Он отбывал срок воинской службы. Обосновавшись в Усть-Цильме, Мяндины, однако, не теряли связи с Мезенью. Женою Архипа Захарова показана в сказке мещанка Настасья Ивановна, уроженка д. Вожгарской Койнасской волости.

К началу XIX в. семейство Мяндиных так разрослось, что в некоторых документах этого времени о составе населения Усть-Цильмы на ее территории; иногда указывается: «Деревня Мяндиных».

Согласно имеющимся данным, Василий Захарович Мяндин родился около 1739 г. В самом конце 50-х гг. он был взят на военную службу во флот. Отбыв долгий по тому времени срок службы, он около 1785 г. вернулся в родную Усть-Цильму со званием «отставного матроза» (последние годы во флоте он был корабельным плотником). В год смерти В.З. Мяндина (1807 г.) его семейство состояло из жены Марины Киприяновны, около 52 лет, сына Авраама 18 лет и дочери Ирины 8 лет, будущей матери И.С. Мяндина [4].

Ирина Васильевна, мать И.С. Мяндина, родилась в 1799 г. и умерла в октябре 1850 г. [5] Это была, как видно из сохранившихся документов, женщина грамотная, начитанная, твердого, решительного характера и стойкая в своих убеждениях. За эти качества она пользовалась почетом и уважением среди усть-цилемцев. За участие в погребении и отпевании односельчан и исполнение треб по усопшим она имела прозвище «панихидница». В своем доме она долгое время с большим риском для себя содержала нелегально молельню. В 1847 г. молельня, принесшая И.В. Мяндиной известность далеко за пределами Усть-Цильмы, была по доносу местного священника закрыта с тяжелыми последствиями и для семьи «панихидницы». Все книги и иконы были отобраны, а хозяйка дома и ее сын Иван едва-едва избежали тюрьмы.

Во время расследования, продолжавшегося почти пять лет, Ирина Васильевна вела себя стойко и мужественно, чего, впрочем, нельзя сказать про ее сына, временами проявлявшего колебания, шедшего на уступки, правда, может быть, ради спасения матери и семьи, но не по убеждению. В судебном «Деле» сохранились ее ответы, отметавшие всякие компромиссные сделки с совестью, предлагавшиеся ей светскими и духовными властями, «Лучше соглашусь голову отрубить, чем идти в православие», – говорила она неизменно на допросах следователям. Может быть, эти неприятности из-за молельни, подорвав здоровье Ирины Васильевны, и послужили причиной преждевременной смерти этой еще сравнительно молодой женщины.

Официальной семьи, т. е. зарегистрированного брака, дававшего право именоваться в документах женой, И.В. Мяндина не имела. Как боль-

* Статья переиздается по ее первой публикации, вышедшей уже после смерти В.И. Малышева в сборнике: Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома: сборник научных трудов. Л., 1985. С. 323-337.

шинство старообрядцев Усть-Цилемского края в то время, она не признала законность закрепленных регистрацией и венчанием браков и придерживалась безбрачного сожительства. По всем делопроизводственным бумагам она значится как «девка». За это и ее сын, И.С. Мяндин, по этим бумагам всю жизнь сопровождался приставкой «незаконнорожденный».

Мужем (или, по терминологии тогдашних усть-цилемцев, сожителем) И.В. Мяндиной и отцом И.С. Мяндина был наставник, пинежец родом, Степан Никифорович Еремин, человек также твердых убеждений и смелый, во всем под стать своей супружнице [6]. Знакомство их состоялось, по-видимому, еще в Великопоженском ските, в молодые годы. И.В. Мяндина обучалась там старообрядческой грамоте (семья Мяндиных все время поддерживала тесные связи с этим скитом), а С.Н. Еремин, старше ее лет на 18, обучившись также в ските грамоте, жил при главном наставнике Иване Томилове, его помощником.

Переехав в самом конце десятих годов XIX в. в Усть-Цильму, С.Н. Еремин большую часть времени прожил в доме Мяндиной, занимаясь сапожничеством и перепродажей хлеба, привозимого чердынцами. Одновременно он тайно совершил требы и был одним из главных местных наставников. Профессии сапожника и торговца хлебом он умело использовал для маскировки своей наставнической деятельности, особенно во время поездок по деревням. Среди усть-цилемцев он был известен под именем «попа Степана хромого» (Еремин прихрамывал на одну ногу). В доме Мяндиной Еремин вел службу и был застигнут за ней во время закрытия молельни. Обвиненный в связи с этим в распространении старообрядчества среди местных жителей, он только благодаря дружной поддержке усть-цилемцев во время следствия и на суде избежал строгого наказания.

Все же распоряжением архангельского губернатора С.Н. Еремин был выслан из Усть-Цильмы по месту рождения в д. Ценогорскую, под надзор духовных и светских властей (в Усть-Цильме он до этого жил 30 лет без записи в сельское общество, на правах временного жильца).

С него, кроме того, взята была подписка о том, что он больше никогда не будет заниматься совращением в старую веру.

31 января 1851 г. С.Н. Еремин уже находился в своем Ценогорском приходе, на Пинеге. Тяжелые душевые переживания, вызванные возбужденными против него обвинениями, и высылка из Усть-Цильмы не прошли, очевидно, для него бесследно. Вскоре по приезде в родную деревню его, по-видимому, разбил паралич. По сведениям канцелярии Архангельского губернского правления от 4 июля 1851 г., С.Н. Еремин лежал «больной всеми членами». Дальнейшая судьба отца И.С. Мяндина неизвестна. В 1851 г. ему был 71 год.

Среди местных жителей распространено предание, согласно которому отец И.С. Мяндина был отставной суворовский солдат. Основываясь на

предании, я повторил эту версию в своей книге об усть-цилемских сборниках и в статье в XVII томе ТОДРЛ [7]. Но, как теперь выяснилось, — эти сведения совершенно неверны. Факт пребывания на солдатской службе ошибочно перенесен на отца И.С. Мяндина с какого-то другого лица: или с деда И.С. Мяндина, или же с отца его первой жены, военных в прошлом. Установленный же нами действительный отец И.С. Мяндина — С.Н. Еремин (его имя в Усть-Цильме никто не помнит) не только никогда не был военным, но по состоянию здоровья (хромой) и не мог им быть. Мальчиком он был увезен наставником И. Томиловым в Великопоженский скит и до 1851 г. безвыездно жил в Усть-Цилемском крае, сначала в скиту, а потом в Усть-Цильме.

Единственное, что правильно сохранила народная память, это то, что отец И.С. Мяндина был не местный, а приезжий, по одним рассказам — из Шенкурска, по другим — из Архангельска. С.Н. Еремин, как мы видели, был пинежанин по происхождению. Будший известный печорский книгописец И.С. Мяндин был, кажется, единственным ребенком в семье С.Н. Еремина и И.В. Мяндиной. Во всяком случае о других их детях никаких известий не встречалось.

И.С. Мяндин родился в Усть-Цильме в 1823 г. [8] О детских и юношеских годах его жизни ничего не известно. Можно, однако, почти с уверенностью сказать, что они прошли дома, в родном селе, в кругу уже хорошо известных нам лиц его семьи.

Вероятно, в условиях семьи происходило и обучение его первоначальной грамоте. Все родичи Мяндина отличались грамотностью. Неясно, где И.С. Мяндин так рано овладел прекрасным писарским скорописным почерком [9]. В старообрядческих школах этому не учили. Остается неясным также, кто привил ему интерес к «мирской» литературе еще в молодые годы. По словам П.Г. Чупрова, знавшего И.С. Мяндина около двадцати лет, последний признавался, что с молодости почтывает «гражданскую литературу». Не обучался ли И.С. Мяндин некоторое время в домашней школе у сельского учителя, может быть, даже из ссылочных? В 30-х годах XIX в., насколько нам известно, государственной школы в Усть-Цильме еще не имелось. Правда, попытки завести такую школу были, но не встретили сочувствия со стороны усть-цилемцев и очень быстро закончились из-за отсутствия средств.

Местное предание сообщает, что для совершенствования своих знаний И.С. Мяндин ездил учиться в Выговское общежительство [10]. Другая устная версия, бытующая только среди его потомков — называет таким местом Москву [11]. Насколько верны эти сведения сказать трудно. Предания не уточняют времени поездок. О пребывании И.С. Мяндина в юношеские годы на Выге известно так же, из одного письменного источника [12]. Но это известие устанавливает только факт посещения им, совместно с Т.В.

Антоновым, великопоженским наставником, Выговского общежительства и не дает никаких оснований для заключения о его учебе там. Версия же относительно Москвы вообще не имеет никаких подтверждений. Однако не исключена возможность поездок Мяндина в Москву в более позднее время по поручению хозяина Прокопия Чупрова, которые вошли в позднейшее предание как поездки для обучения грамоте.

Определенную роль в расширении знаний И.С. Мяндин по древнерусской письменности сыграло, несомненно, его знакомство с библиотекой Великопоженского скита, в первой половине XIX в. большой и разнообразной по составу. Дом Мяндиных, как мы уже отмечали, поддерживал со скитом тесные связи, был одним из опорных его пунктов в Усть-Цильме, и юноша Мяндин, надо думать, провел в скиту немало дней.

В библиотеку Великопоженского скита, как мы ее знаем по сохранившимся книгам, находящимся ныне в собрании Пушкинского Дома и во владении усть-цилемцев, а также по уцелевшим описаниям этой библиотеки [13], юноша Мяндин мог найти сочинения по самым различным областям старинных изданных знаний, и в первую очередь, конечно, по вопросам старой веры и ее защиты. Однако основную массу сведений по древнерусской письменности он приобрел не здесь, а в результате чтения книг свои односельчан, у которых в первой половине XIX в., да и позднее, еще имелось огромное количество всякой старинной литературы, любых жанров и видов. Эти книги ходили по рукам, читались и переписывались, и семье Мяндиных, пользовавшихся уважением в среде усть-цилемцев, отказа, наверное, не было.

В 1850 г. после смерти матери И.С. Мяндин становится полноправной главой семейства. Семья его теперь состояла из жены Прасковьи Григорьевны Поздеевой и дочери Татьяны. Самому ему в это время минуло 27 лет. Вероятно, уже в эти годы, столкнувшись один на один с жизнью, И.С. Мяндин подумывает о приобретении постоянного надежного заработка в дополнении к своим знаниям хлебопашеством и скотоводством, которые не давали прожиточного минимума семье. Возможно, уже в этой обстановке он, по примеру знакомых ему лиц, делает первые попытки писать рукописные книги по заказу, или, как говорят, на сбыт; для себя он начал переписывать книги еще раньше.

К середине XIX в. Усть-Цилемском крае книгописание приобрело широкий размах. Толчком этому была возросшая грамотность среди местного старообрядчества, вызванная отчасти активной деятельностью двух местных скитов, Великопоженского и Цилемского.

Наряду с хорошо организованной церковной службой в этих скитах неплохо было поставлено обучение грамоте: многие усть-цилемцы тайно обучались здесь письму и чтению, а скитские наставники, особенно грамотные иконники, частенько выезжали в Усть-Цильму и в ее деревни и

также тайно учили детей старообрядцев. Перепиской рукописей в Усть-Цилемском крае занимались в Великопоженском ските, где к этому доходному для скитян ремеслу был причастен не один человек. Переписчики рукописей, как видно из имеющихся в нашем распоряжении рукописного материала, работали в Цилемском ските

Они имелись и в самой Усть-Цильме. В 40-х годах XIX в. в Усть-Цильме было известно, имя И.П. Козьмина, про которого в следственном «Деле о молельне Мяндина» сказано, что он для потребностей граждан «занимается переписыванием книг на манер печатного» [14]. Из цилемских писцов первой половины XIX в. можно назвать Антипа Марковича Ларионова и его сына Ивана, а из великопоженских – некоего Тимофея Ивановича и Ивана Стакиевича Томилова. Первый из великопоженцев известен также как писатель-полемист. Сборник его сочинений имеется в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ (№ 209).

К сожалению, имена других писцов этого времени, предшественников И.С. Мяндина, нам установить пока не удалось. Но о том, что они имелись, свидетельствуют Многие рукописи местной переписки первой половины XIX в. Забвению имен многих писцов способствовало то обстоятельство, что деятельность переписчика рукописей в условиях Усть-Цилемского края была очень опасной. Она обычно проходила скрытно, так как расценивалась местными духовными и светскими властями как пропаганда старой веры, как распространение старообрядчества. За переписку рукописных книг чуть не угодил в тюрьму И.П. Козьмин, избежавший заключения только благодаря дружной и самоотверженной защите со стороны усть-цилемцев. Наличие в Усть-Цильме в середине XIX в. большого числа грамотных среди старообрядцев и значительного количества рукописей «свежей» переписки отметил еще С.В. Максимов [15].

Переписка рукописей была сопряжена для молодого И.С. Мяндина с самого начала с большим риском. После закрытия молельни за их семью установили строгий негласный надзор. Кроме того, И.С. Мяндин по своему, по-видимому отзывчивому, характеру постоянно вступался в какое-нибудь дело, то написанием заявления (жалобы) для других, то сам писал жалобы, ища справедливости и ожесточая этим местные власти. Они искали всякого повода для расправы с ним. В 1850 г. за жалобу на несправедливые действия старосты он получил от него 20 ударов розгами [16]. Известно также «дело» по обвинению его в написании «ложного» прошения (в 1854 г.) на помощника пинежского окружного начальника Меттерского, отличавшегося жестокими и несправедливыми поступками. И на этот раз его выручили дружно выступавшие за него земляки [17].

И.С. Мяндину хорошо были памятны допросы с угрозами, вызовы на суд, настойчивые попытки оторвать его от старообрядчества и выдвинутые против него обвинения в совращении жены в раскол, в клятвонару-

шении (венчание их в 1843 г. происходило в церкви, с обоих была взята подпись о выходе из старообрядчества) и в клевете на местных духовных лиц, обвинения, сулившие тюрьму или высылку на поселение в Сибирь. В положении, когда постоянно приходилось оглядываться по сторонам, когда постоянно ощущалась зависимость от своих же единоверцев-богачей, и началась самостоятельная жизнь И.С. Мяндина, полная тревог и волнений за судьбу семьи и свою собственную.

О жизни И.С. Мяндина в эти годы ничего достоверного пока найти не удалось. Семья его, по-видимому, занималась хлебопашеством и скотоводством. Сам он, наверное, уделял этому немного внимания, отвлекаясь на другие работы. По его припискам на рукописных книгах, хранящихся в ИРЛИ, можно заключить, что он уже в эти годы был своим человеком в семье местного богача Прокопия Чупрова и, может быть, уже теперь состоял у него письмоводителем и уставщиком молельни. Были ли у И.С. Мяндина родственные связи с этой семьей, как нам кто-то говорил в Усть-Цильме, проверить не удалось.

Однако в семье Чупровых И.С. Мяндин играл, кажется, далеко не последнюю роль, был доверенным лицом по многим делам.

Известно также, что И.С. Мяндин как наиболее грамотный и развитой из коренных усть-цилемцев, любивший, как видно, справедливость, не раз выступал в защиту своих односельчан от произвола местных властей, рискуя навлечь на себя гнев даже со стороны своего хозяина. Сохранилось несколько написанных им прошений и жалоб на непорядки местных властей, в которых он выступает как радетель за простой народ [18]. Одно такое прошение, сохранившееся, к сожалению, лишь в отрывке и относящееся к несколько более позднему времени, позволим себе привести здесь:

«Его высокоблагородию господину чиновнику по крестьянским делам Мезенского уезда (О)бщества и селения ... крестьянина Ивана Степанова Мяндина покорнейшее прошение.

В 1882 году по нашему обществу был начат (объяв)ленный раздел между крестьянами селения Усть-Цильма на прибыльные души понятыми, избранными от общества в числе 28 человек, под надзором сельского старосты Павла Чупрова, но понятые, вероятно, не оправдали надежды бедного народа безкорыстным и справедливым уравнением земель, как и быть надлежало, но напротив этот раздел (провели) ...» [19]

Следует еще назвать «Дело» о Мезенском земском суде, возбужденное по заявлению И.С. Мяндина, о злоупотреблениях выборных властей при определении лесных сенокосных участков [20].

Заявление И.С. Мяндина было написано скорее всего в 60-х гг. XIX в. К сожалению, самое «дело» не сохранилось, и поэтому мы не знаем всех подробностей его и не знаем также, чем оно закончилось для жалобщика

и обвиняемых им лиц. Одна подобная жалоба И.С. Мяндина, как мы видели выше, обошлась ему в 20 ударов розгами. Правда, потом за это самоуправство и за обнаруженную в ходе расследования растрату общественных денег староста Чупров и его подручный, выборный казначай Да-вид Тиронов, на несколько лет попали в Сибирь и вернули обществу все недостающие деньги.

Это стремление помочь в трудном случае, прийти на выручку оказавшемуся в беде односельчанину, добиться справедливости осталось в характере И.С. Мяндина до конца дней. М.Н. Ермолин (Нарьян-Мар), А.О. Осташов (Замежная) и другие лица, знавшие И.С. Мяндина в последние годы его жизни, характеризуют его как заступника за бедноту, за обиженных и оскорбленных. Эти черты его характера привлекали к нему его земляков и создавали ему еще больший авторитет на селе среди коренных усть-цилемцев. По просьбе односельчан он писал различные приговоры, сочинял решения и заявления. Сохранился, например, текст присяги на верность Николаю II, написанный уже старческой, дрожащей рукой И.С. Мяндина, составленный по поручению общества [21]. Дело в том, что такой присяги вновь вступившему на престол царю особенно требовали от старообрядцев-беспоповцев, считая их наименее надежными последователями режима, так как многие из них, в том числе и печорские старообрядцы, сплошь беспоповцы, отрицали моление за царя. На этой почве у усть-цилемских старообрядцев еще в конце XIX в. возникали конфликты с местными духовными и светскими властями, а также с миссионерами, правда, кончившиеся для первых без каких-либо последствий.

В декабре 1856 г. И.С. Мяндин встречается с С.В. Максимовым, известным впоследствии писателем и этнографом, автором книги «Год на севере». Писатель приезжал в Усть-Цилемскую волость для изучения жизни и быта местного населения и для собирания памятников письменной старины и фольклора. Сам Максимов об этой их встрече нигде не упоминает, но о том, что она состоялась и чем закончилась для печорского книгописца, узнаем из нижеследующего его письма в Петербург:

«Его превосходительству господину Санкт-Петербургскому Обер-полицеместру Архангельской губернии Мезенского уезда Усть-Цилемской волости и селения крестьянина Ивана Степанова Мяндина.

Архангельский Статистический Комитет как не нашел у себя моих книг, а поэтому от 5 марта сего настоящего 1872 года за № 197 объявил мне обратиться в С.-Петербург к самому господину Максимову или к особе Вашего превосходительства о розыскании увезенных у меня в 1857 г. двух старописьменных книг комиссионером г. Максимовым, бывшим в том году в Архангельской губернии и в Запечорском крае, в селении Усть-Цильма по разным поручениям, особенно собранием древних рукописей: 1-й — большого полного Хронографа, старого четко написанного

письма, во весь лист, около 100 листов; 2-й – разные поучения, повести, жития, список в четверть листа, древней скорописи разных рук, около 500 листов.

Максимов обещал тогда эти книги мне обратить в скором времени, но вот уже 18-й год, но только об них никакого известия, даже и сам Максимов где находится, мне не найти, хотя я и хлопотал, но по сие время никак наведиться не мог. О чем и вынужден был сего настоящего 1872 года ходатайствовать просьбою перед господином начальником Архангельской губернии, который и сообщил архангельскому Статистическому Комитету.

А потому я и возымел смелость обратиться со всепокорнейшею просьбою к Вашему превосходительству вникнуть в мое положение и сообщить господину Максимову, что эти вышеозначенные книги есть моя родовая собственность и есть ли паче чаяния затеряется, могу тогда лишиться родительской собственности навсегда. А Вашему превосходительству жительство и должность господина Максимова, но и всяких знаменитых особ в С.-Петербурге, известна» [22].

Кто же мог познакомить И.С. Мяндина с С.В. Максимовым? В 50-х гг. XIX в. Мяндин уже был достаточно заметной фигурой на селе, его семья давно была известна далеко за пределами Усть-Цильмы как хранительница всего старинного, в том числе и древних рукописей. Поэтому о «Ване Иришкиных» или «Ване Васильевых» (уличные прозвища Мяндина) Максимову сообщили или сами усть-цилемцы, или о нем он узнал еще на Мезени, где его уже информировали о Печоре словоохотливые и всезнающие ямщики и местные обыватели. Не исключена, однако, возможность, что встречу устроил ссылочный грузинский князь Е.О. Палавандов, действительно помогавший Максимову в знакомстве с местным краем и хорошо его знавший. Не в доме ли И.С. Мяндина видел писатель «свежие, недавние копии целыми томами большого формата»? [23]

Из текста письма видно, что деликатный И.С. Мяндин не сразу решился обратиться к официальным лицам, но предварительно сам «хлопотал» о возвращении рукописных книг. И только убедившись в тщетности, бесплодности своих дальнейших попыток, апеллировал к губернскому и столичному начальству. Несомненно, Максимов при получении рукописей оставил, как бывает в таких случаях, свой адрес усть-цилемцу. И здесь в оправдание писателя можно сказать, что он, как показывают адресные книги «Весь Петербург», за эти годы сменил в городе не одну квартиру, и письма к нему могли не дойти. Скорее всего, С.В. Максимову было жалко расставаться с этими, цennymi памятниками старинной письменности, тем более, что «печорским» Хронографом он до этого не раз уже пользовался в своих историко-этнографических работах. И вот он решил не отвечать на письма, предполагая, что далекий владелец рукопи-

сей попишет, попишет и, наконец, успокоится и замолчит. Но усть-цилемец, к несчастью Максимова, оказался человеком деятельным, настойчивым и умеющим постоять за себя.

Удалось ли И.С. Мяндину в конце концов вернуть свои рукописи, так и остается невыясненным. Попытки найти какие-либо сведения по этому вопросу в архиве Архангельского губернского статистического комитета (АОИА), в бумагах Архангельского гражданского губернатора (АОИА), в фонде Санкт-Петербургского полицмейстера (ЦГИАЛ) и, наконец, в разбросанных по разным хранилищам (ГПБ, ИРЛИ АН СССР и др.) остатках личного архива С.В. Максимова не увенчались успехом. Не найдено пока и других известий, как-то характеризующих взаимоотношения этих двух лиц во время их недолгого личного знакомства в Усть-Цильме. А их знакомство, учитывая отзывчивый, общительный и доброжелательный характер печорского книгописца, не ограничилось, по-видимому, только посещением Максимовым дома Мяндина, осмотром его собраний и получением от хозяина двух рукописей для чтения. Кстати сказать, последний факт очень положительно характеризует И.С. Мяндина.

Печорские старообрядцы в то время и даже много позднее очень неохотно показывали рукописные книги чужим людям. Это отмечали все побывавшие в здешнем крае. И уже совсем нельзя было надеяться получить от них разрешение увезти рукописи для прочтения в столицу, о которой у старообрядцев еще с петровских времен было представление как о рассаднике всего мирского, противного старинным обычаям и понятиям. Весьма возможно, что именно содействию И.С. Мяндина обязан С.В. Максимов своим знакомством со значительным количеством старинных книг в Усть-Цильме. Ведь с помощью И.С. Мяндина, известного уже тогда начетчика и весьма уважаемого односельчанами лица, Максимову легче всего было проникнуть к рукописным книгам консервативных усть-цилемцев. Таким ходатаем не смог бы стать даже сам князь Е.О. Палавандов, которого местные жители любили и слушались, но поскольку он не принадлежал к их вере и ходил в церковь, то они не посвящали его в дела, связанные со своим вероучением, в котором древние рукописи и старопечатные книги имели особое значение.

Биографических сведений о последующих годах жизни И.С. Мяндина найдено пока также немного. Он по-прежнему безвыездно продолжал жить в Усть-Цильме. Его дом помешался в самом центре села, на Нагорной улице (в настоящее время не сохранился). Дом, по словам стариков, был очень ветхий поставленный, может быть, еще его дедом, потом только подновлявшийся и увеличенный пристройкой. В начале 70-х гг. у И.С. Мяндина умерла жена, оставившая ему dochь Татьяну (род. в 1845 г.) и сына Василия, и вдовец вскоре женился вторично на усть-цилемке Меланье (род. в 1843 г.). В этом браке было шестеро детей (сыновья Алекс-

сандр, Григорий и Иван, дочери Анна, Евдокия и Елена) [24]. В настоящее время из детей в живых уже нет никого, но зато внуки и правнуки проживают на Печоре немало. По данным родственников, семья И.С. Мяндина «жила небогато, но сыто, без куска хлеба не сидела и не голодала» (И.И. Мяндин).

Основным источником существования самого И.С. Мяндина в эти годы, как и ранее, была служба у местного богача Прокопия Чупрова письмоводителем и уставщиком молельни. Жившие с ним дети занимались хлебопашеством (селяли ячмень), скотоводством и рыболовством. По просьбам односельчан он читал по покойникам и отпевал. Книгописная деятельность его получила теперь широкий: размах. Переписка рукописей на заказ, переплет и реставрация книг приносили ему немалый доход. И.С. Мяндин стал лучшим переписчиком книг Печорского края. Вот как описывает его рабочую комнату Т.М. Мяндин (с. Замежная), побывавший в ней юношей несколько раз. Передаем его рассказ.

Небольшая продолговатая комната И.С. Мяндина была скорее похожа на чулан, чем на обычную комнату. Она имела одно окно, выходившее во двор, и отделялась от основной части дома сенями. У окна находился стол с книгами, стопкой чистой бумаги, школьной чернильницей и чашечкой (плошкой) с красной краской (киноварью). В углу, в деревянном ящичке, лежали тираксы различных размеров. В другом углу комнаты стоял самодельный переплетный станок [25]. Под тяблом и сбоку от него на деревянных стенных полках помещались книги. Часть книг, менее ходовых, И.С. Мяндин хранил на поветях.

На наличие у И.С. Мяндина большой личной библиотеки из печатных книг и рукописей указывают также З.Н. Бабиков (Замшевый завод), А.Н. Попова и П.С. Чупрова (Усть-Цильма), посещавшие его в молодости. Это подтверждают и собранные нами книги с его записями и пометами.

Названные четыре лица нарисовали нам и внешний облик печорского книгописца в последние годы его жизни. По их рассказам, И.С. Мяндин имел средний рост, крепкое телосложение, был плечист. Круглое лицо его снизу обрамляла небольшая седая борода, волосы на голове были также все белые («весь седатый» – А.Н. Попова). Он отличался близорукостью («подслеповат» – П.С. Чупрова), читал и писал в очках. Во время разговора зякался («немного задерживало» – Т.М. Мяндин). Однако последнее не мешало ему иметь хороший голос, и при пении он, по утверждению П.С. Чупровой и З.Н. Бабикова, «вел голоса» (мелодию).

Здесь, в этой комнатушке, за этим, вероятно, столом И.С. Мяндин выработал свой характерный полууставный почерк, переписал огромное количество рукописных книг, которые при жизни доставили ему славу первого книгописца всего Усть-Цилемского края. Следует отметить, что во второй половине XIX в. кроме него на низовой Печоре имелось несколько писцов со

своим особым почерком (А.С. Вокуев, Н.И. Носов, А.М. Бажуков и др.). Однако его письмо сразу же выгодно отличается своей аккуратностью и четкостью, опрятностью оформления листа. Присущие его почерку черты – острые оконечности букв, квадратность букв и их своеобразный наклон влево. Без этого наклона, ставя буквы прямо, И.С. Мяндин писал редко. Благодаря большой тренировке и опыту он достиг значительной быстроты в работе, в отличие от других местных писцов писал легко и свободно. Для линования он до конца дней пользовался тираксой. Из печорских почерков, пожалуй, только «монастырские» (Великопоженского скита) могли бы в какой-то мере сравняться с его письмом по добротности и красоте. Да и то это относится только к тем рукописям, которые были написаны в самом ските, т. е. до 1857 г., когда здесь еще держалась традиция поморского письма и имелась хорошая база для книгописной деятельности. После же закрытия скита местные писцы, попав в новую обстановку и лишившись прежних условий работы, сразу как-то поблекли, потеряли прежний вкус и стали писать небрежно и некрасиво заботясь теперь только о количественной стороне в ущерб качеству. От них эту небрежность унаследовали пижемские писцы последней трети XIX в., совершенно уронившие былою славу «монастырского письма». «Наши грязно писали», – так отзывался о рукописной продукции своих земляков покойный пижемец, писец А.О. Осташов. Сам он переписывал не лучше их. В Пушкинском Доме имеются образцы его работы [26].

Такова одна из причин, почему И.С. Мяндина «славили по всей Печоре» (З.Н. Бабиков). В свое книгописной деятельности он был единственным настоящим продолжателем лучших традиций великопоженских книжных мастеров, превзойдя их при этом своим искусством переписчика. В основу почерка он положил монастырский (великопоженский) полуустав и поморское (выговское) книжное письмо, творчески переработав их, создав свой оригинальный почерк.

До нас не дошло подготовительных материалов, предварительных заготовок, по которым можно было бы проследить, как работал И.С. Мяндин. Но насколько он был требователен к себе, как дорожил своим именем грамотного человека, можно судить по сохранившимся черновикам его писем. Чтобы добиться ясности и краткости изложения, он по несколько раз переделывал отдельные фразы на полях и, только когда они действительно становились лаконичными и выразительными, вносил их в текст [27]. Несомненно также, что только благодаря большой требовательности к себе, большой тренировке он выработал тот свой четкий, красивый, скорописный писарский почерк, которому могли позавидовать многие писари-профессионалы. Никакая тогдашняя местная школа, а тем более учитель-стараобрядец, не научили бы его так писать. Скорописный почерк И.С. Мяндина похож на почерк образованного интеллигентного человека того времени. Отчасти к этому его, по-видимому, вынуждала

служба письмоводителя у богача Чупрова, но только отчасти, так как большого письменного делопроизводства, наверное, у Чупрова не велось.

В 1886-1894 гг. И.С. Мяндину снова пришлось столкнуться с настойчивыми попытками духовенства вырвать его из среды старообрядчества. Епархиальные власти превосходно понимали его значение для последователей старой веры. На этот раз нам известны даже конкретные лица, пытавшиеся это сделать. Это епархиальный миссионер П.М. Ильинский и помощник миссионера С.В. Чураков. Оба лица несколько раз встречались с И.С. Мяндиным в Усть-Цильме и оставили о нем отзывы [28]. Помощнику миссионера, если верить его словам, удалось даже убедить старшего сына Мяндина Василия порвать со старообрядчеством. В отношении Мяндина этот Чураков действовал очень решительно. Сохранилось его письмо с настойчивой просьбой о встрече и проведении беседы [29]. П.М. Ильинский как человек более образованный и дальновидный, чем его помощник, наоборот, действовал осторожнее и исподтишка. Ему принадлежит любопытная характеристика поведения Мяндина во время диспутов. Однако поведение И.С. Мяндина, как нам кажется, свидетельствует не о симпатиях его к официальной церкви, как полагает миссионер, а скорее всего о другом — о равнодушном, безразличном отношении Мяндина к этим сколастическим спорам о различиях обрядов старой и новой веры. Вот что П.М. Ильинский сообщает об И.С. Мяндине: «Был другой наставник, Ив. Мяндин, служащий у богача Прокопья Чупрова и в общих беседах обыкновенно не участвующий, так как совесть ему не позволяет говорить в защиту раскола, а против раскола говорить не смеет, по материальной зависимости от раскольников... Мяндин как обычно вышел во время беседы, а прочие с интересом слушали...» [30]

И.С. Мяндин, как видно по всему, всю жизнь придерживался старой веры. Но благодаря своему гибкому уму и, главным образом, благодаря широким, разносторонним знаниям он смотрел, по-видимому, на этот вопрос совсем иначе, чем остальные усть-цилемцы-староверы. Его необычный для данной среды повышенный интерес к советской, мирской, по понятиям старообрядцев, культуре, общительность и веротерпимость давали повод представителям противоположного религиозного лагеря рассматривать его как колеблющегося старообрядца и чуть ли не тайного сторонника официальной церкви. Между тем это было совсем не так. Те немногие сведения, которые получены нами от знативших его в последние годы лиц, а также разбросанные по его произведениям и переделкам замечания дают основание думать, что, не будучи атеистом и оставаясь до конца дней последовательным старообрядцем, он не лишен был в душе вольнодумства, свободно смотрел на многие вопросы, которые для его земляков были непрекаемыми и давно решенными. «Материальная зависимость» заставляла, однако, скрывать это за пристрастие к граждан-

ским газетам, журналам и книгам, он неизменно отшучивался: «грешно, да охота сильнее» (П.С. Чупрова). Тяга к знаниям брала у него верх над понятиями о греховности и запретности

1. ЛОИИ. ф. 10 (Архангельская губернская канцелярия), оп. 3, № 775. Переписная книга по Пустозерскому уезду 1725 г., л. 43 об.

2. Деревня Белощелье находится в среднем течении реки Мезени, ближе к верховьям, и входит ныне в состав Лешуконского района Архангельской области

3. АОИА. ф. 51, оп. 11, № 2669 (Ревизская сказка по Усть-Цилемской слободке 1782 г. л. 970. 971. 978—978 об.. 980. 984. 986 об.. 1902 об. (Имеется в ви-ду Государственный архив Архангельской области. — примеч. рео.).

4. АОИА. ф. 29, оп. 29, № 105 (Исповедная роспись Никольской Усть-Цилемской церкви за 1807 г.), л. 351 об.

5. АОИА. ф. 29, оп. 29, № 186, л. 174; ф. 29, оп. 29, № 213, л. 313; ф. 29, оп. 3, № 3309, л. 144 об.. 183; ф. 189, оп. 1, № 1618-А, л. 4 об. В последнем документе год смерти И. В. Мяндина указан неточно (1854), так как в 1852 г. И. С. Мяндин в письме в Великопоженский скит (к Матвею Абрамовичу) просил заказать по-миновение своей «матушки» и «кормилицы» (ИРЛИ. Древлехранилище. Усть-Цилемское собр., № 295. автограф).

6. Степан Никифорович Еремин (или Еремеев). государственный крестьянин Ценогорской деревни, Лебской волости. Пинежского округа. Архангельской губернии. Все приведенные в работе сведения о нем взяты из «Дела» о закрытии молельни И. В. Мяндиной в 1847 г. (АОИА. ф. 29, оп. 3, № 3309, л. 1 об., 12, 14 об.. 17-18, 38 об.. 50, 52, 54, 75-77, 116 об. и др.).

7. Малышев В.И. 1) Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. Сыктывкар. 1960. с. 14; 2) Усть-Цилемские рукописи XVII-XIX п. историческо-го, литературного и бытового содержания. — ТОДРЛ. М.: Л., 1961. т. XVII. с. 568. Мое утверждение в книге 1960 г., что «биографических сведений об И.С. Мяндине не сохранилось» (с. 14). оказалось, как увидим ниже, несколько поспешным и неточным. Некоторые биографические данные о нем все же удалось разыскать: при более длительных поисках могут обнаружиться и новые.

8. АОИА. Исповедные росписи Усть-Цилемской Никольской церкви за 1825 г. (ф. 29, оп. 29, № 213, л. 313) и за 1831 г. (ф. 29, оп. 29, № 240). И. С. Мяндину в первом случае показано 2 года, во втором — 8 лет; ревизские сказки по Усть-Цилемской волости за 1834 г. (ф. 51, оп. 11, № 12859, л. 326 об. — И. С. Мяндину 11 лет) и за 1850 г. (ф. 51, оп. 11, № 12901, л. 83 об. — И. С. Мяндину 27 лет). Исповедные росписи более поздних годов дают расхождение с этой датой рождения на два-три года. См. ф. 29, оп. 29, № 537 (1883 г. — И. С. Мяндину указано 63 года); ф. 29, оп. 29, № 511, л. 12 (1884 г. — возраст И. С. Мяндина определен в 64 года).

9. В Усть-Цилемском собрании ИРЛИ имеется несколько книг XVII-XVIII вв. с приписками И.С. Мяндина, сделанными им в молодом возрасте; имеются отдельные листы из его ученических тетрадей по чистописанию и детские рисунки.

10. И.И. Мяндин (Усть-Цильма). Т.М. Мяндин (с. Замежная). З.Н. Бабиков (Замшевый завод). Я.Н. Торопов (Усть-Цильма) и др.

11. И.И. Мяндин. А.Я. Булыгина (л. Бор) и др.

12. Письмо 30-х гг. XIX в. неустановленного лица (выговца) Стефану Никифоровичу Еремину (для маскировки адресовано в д. Высокая гора близ Усть-Цильмы), извещающее о получении через Т.В. Антонова и Ивана Мяндина денег, двух коней, кожи, чулок, крашенины, пуда масла и другого (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 281). Письмо снято с крышки переплета сборника начала XIX в. (Усть-Цилемское собр., № 49), принадлежавшего Т.В. Антонову и, возможно, переплетенного И.С. Мяндиным.

13. АОИА. ф. 29. оп. 1. т. 2. св. 105. Дело о выдаче из Великопоженского раскольнического скита икон и книг в единоверческую Усть-Цилемскую церковь, начато 8 апреля, кончено 12 декабря 1860 г., 6 об.

14. АОИА. ф. 29. ст. 3. № 3309, л. 42.

15. Максимов С. В. Собрание сочинений. СПб., б. г. Т. IX. С. 342.

16. АОИА. ф. 29. оп. 1. т. 2. св. 103. № 1629 (Дело о крестьянине-раскольнике И. С. Мяндине и крестьянах Усть-Цилемского общества, отпавших от православия в раскол).

17. АОИА. ф. 1. оп. 4. № 1608, л. 3-5.

18. ИРЛИ. Усть-Цилемское собр., № 303. автограф: черновое прошение вынуто из крышки переплета рукописного сборника, переписанного и переплетенного И.С. Мяндиным.

19. АОИА. без шифра. Алфавитный указатель Мезенского земского судя «Делам», находящимся в архиве суда, с. 179, № 2624.

20. ИРЛИ. Усть-Цилемское собр., № 8, автограф: черновое письмо приклеено к крышке переплета сборника XVII в., переплетенного И.С. Мяндиным.

21. ИРЛИ. Усть-Цилемское собр., № 301, автограф. черновое; вынуто из крышки переплета рукописного сборника, переплетенного И.С. Мяндиным.

22. Максимов С. В. Собрание сочинений. Т. IX. С. 342.

23. Сведения о детях И.С. Мяндина получены нами от его внука И.И. Мяндина. Дочери Мяндина Татьяна и Евдокия упоминаются в просмотренных нами исповедных росписях Усть-Цилемской Никольской церкви. См.: АОИА. ф. 29. оп. 29. № 453, 537 и др.

24. Этот переплетный станок сохранился и находится ныне у И.И. Мяндина (Усть-Цильма, Нагорная ул., д. 55), внука И.С. Мяндина*.

25. ИРЛИ. Усть-Цилемское собр., № 132.

26. См. образцы его скорописного почерка: ИРЛИ. Усть-Цилемское собр., № 8. 153, 293, 295, 296, 302 и др.

27. АОИА. ф. 487, оп. 1. № 3 (Рапорт С. В. Чуракова Архангельскому епископу), л. 23–23 об.; ф. 830, оп. 1, № 5 (Заявление Чуракова архангельскому епископу Нафаналиу), л. 28; ф. 830, оп. 1, № 66 (Отчет Л. М. Ильинского о поездке на Печору в 1891–1892 гг.); ф. 487, оп. 2, № 25 (Отчет П. М. Ильинского о поездке в Мезенский Печорский край в 1894–1895 гг.), л. 8–9. См. также: Ильинский П. Поездка на Печору: (Из дневника епархиального миссионера). – Архангельские епархиальные ведомости. 1892, № 20, с. 400.

28. ИРЛИ. Усть-Цилемское собр., № 302. автограф С. В. Чуракова. Письмо извлечено из крышки переплета рукописи, принадлежавшей И. С. Мяндину.

29. АОИА. ф. 487. оп. 2. № 25, л. 8–8 об.

Родовые корни Мяндиных и происхождение фамилии*

Славный род Мяндиных впервые появившийся в слободке Усть-Цилемской почти триста лет тому назад, прижился здесь и по праву считается коренным.

Значение фамилии приводится в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского: «Мянда – верхний слой древесины сосны; болотная рыхлая сосна». Слово финского происхождения, встречается в Заонежье [1]. В том же источнике указано наиболее раннее известное имя, обнаруженное в архивных документах: «Мянда Гриля, крестьянин, жил в 1564 г.». Таким образом, фамилия имеет более чем четырехсотлетнюю историю. Попробуем насколько возможно восстановить родовые корни и истоки рода Мяндиных [2].

Впервые родословную Мяндиных попытался восстановить доктор филологических наук, археограф, основатель Древлехранилища Пушкинского Дома В.И. Малышев в связи с личностью печорского переписчика И.С. Мяндина [3]. Ученый использовал в своем исследовании ряд документов из Государственного Архива Архангельской области (далее – ГААО) и архива Ленинградского отделения Института Истории АН. Мы продолжили эту работу, изучив ряд документов из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), не привлекавшихся В.И. Малышевым, а также материалов ГААО.

Согласно первой ревизской сказке [4] 1719–1724 гг., в слободке Усть-Цилемской зафиксированы как вновь прибывшие: «мезенцы Белоцельской деревни Иван Яковлев сын Мяндиных – 68 (лет – Т.В.), у него дети: Захар – 43, Евтихей – 33, у Захара сын Архип – 4» [5].

Для выявления истоков рода Мяндиных нами были исследованы документы, касающиеся д. Белоцельской Койнасской волости Мезенского уезда, откуда пришли новоселы, но Мяндиных там не оказалось [6]. При более подробном изучении первой ревизской сказки по Архангельской губернии пока обнаружен единственный носитель такой же фамилии Иван Зотиев сын Мяндин шестидесяти лет с сыном Михаилом девяти лет в д. Перевозниковская Куроостровской волости Двинского уезда [7]. Но родственной связи с устьцилемскими Мяндиными не прослеживается.

Намного позднее в «Списке населенных мест Российской Империи» 1861 г., во 2-м стане Архангельского уезда Архангельской губернии под

* В статье использованы выдержки из доклада автора «Пришлые люди слободки Усть-Цилемской Пустозерского уезда Архангельской губернии по сказке 1719 года», готовящегося к публикации в материалах конференции, посвященной 10-летию Северного историко-родословного общества г. Архангельска.

№ 214 встречается д. Мяндинская на острове Братилове [8], еще не исследованная нами; возможно, там кроется ответ на данный вопрос. Исходя из вышеописанного, фамилия Мяндиных впервые зафиксирована в 1564 г. в Заонежье (Карелия), вблизи с финской территорией; а впоследствии, в 1719 г., выявлены семья на Мезени и семья на Двине.

Косвенным подтверждением миграции Мяндиных могут служить следующие цитаты: «Тяжелым испытанием для Карелии и Заонежья была вторая половина XVI века – сначала голод и мор, а позже набеги иноземцев, послужили причиной разорения края. “От голоду и от зябели и от морю... дворы на тех деревнях все сгнили, а крестьяне вымерли, а иные разошлись... а поля и пожни лесом поросли в бревно” – отмечает летописец [9]. В следующем источнике «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна «мы встречаем указание на то, что коренное население Двинской области в XVI столетии хоть и говорило в основном по-русски, но сохранило и свой язык – финский. Нет ничего удивительного в том, что финские племена, жившие на востоке и на западе от Северной Двины и будучи удаленными от путей, по которым направлялся поток русской колонизации, сохраняли в то время не только язык, но и свой самобытный характер» [10]. Вероятно поэтому, на территории Архангельской губернии обнаружены пока только две семьи Мяндиных, скорее всего, они были такими же пришлыми и в д. Белоцельской, и в д. Перезвонниковской, как и в слободке Усть-Цилемской.

Таким образом, при дополнительном изучении архивных источников существует вероятность обнаружения родоначальников Мяндиных. Фамилия необычная и редко встречающаяся, и если будет выявлено раннее коренное место их проживания, то скорее всего все Мяндины окажутся из одного рода.

Все Мяндины с. Усть-Цильма Республики Коми имеют общего предка – Ивана Яковлевича Мяндина приехавшего с двумя взрослыми сыновьями Захаром и Евтихеем (В архивных документах у Евтихия Мяндина встречается различное написание имени: Евтихей, Евтихий, Ефтихей, Ефтефей. Календарное имя Евтихий [11] – Т.В.).

Вторая ревизия 1745 г. донесла до нас следующие сведения о Мяндиных: «Умершего Захара Мяндина дети: написанный в прежней переписи: Архип – 29, рожденные после переписи: Семен – 18, за взятие в наряд 747 году (в 1747 г. – Т.В.), что с(о) 121 души в рекрут, в наличных не считать. Василий – 6. У Архипа сын Степан – ½. Вышедшего в раскол Евтихия Мяндина дети, рожденные после прежней переписи: Яков – 18, Карп – 13, Евсей – 9» [12]. Так мы узнаем, что один из сыновей Ивана исповедовал старую веру. Обращаясь к «Учиненной ведомости» раскольников 1745 г. находим под № 37 Ефтихея Мяндина, возраст – 56 лет [13]. Здесь надо обратить внимание на

сыновей Захара, которые будут рассмотрены далее: Архип уже взрослый, Семен взят в рекрут, а Василий еще мал.

Третья перепись 1763 г. гласит: «Ефтефия Иванова сына Мяндина жена Марфа Логинова (у женщин указано их отчество, а не фамилия – Т.В.) – 61, взята в Устьцелемской слободке. Дети, написанные в прежнюю ревизию: Яков Евтефеев 18–36 [14], жена Татьяна Родионова – 30, взята в Устьцелемской слободке, у них дети, рожденные после ревизии: Авраам – 16, холост, Трифан – 15, Епистимия – 2. Карп Евтефеев 13–31, жена Ирина Фёдорова – 28, взята в Устьцелемской слободке, у них дети, рожденные после ревизии: Егор – 10, Павел – 10, Марфа – 8. Евсей Евтефеев 9–27, жена Дарья Федосеева – 26, взята в Устьцелемской слободке, у них дочери: Ирина – 7, Фекла – 2. Федосья Евтефеева – 48, выдана замуж за Петра Носова в Устьцелемскую слободку» [15]. Сам же глава семьи Евтихий Иванов сын Мяндин записан по-прежнему в отдельном списке ста-рообрядцев, в конце переписи [16].

Захаровы дети, рассмотренные выше, представлены только старшим сыном: «Архип Захаров Мяндин 27–45, жена Настасья Иванова – 36, взята в Мезенском уезде Койнасской волости деревне Вожгоры. У него ж от прежней жены дети, написанные в прежнюю ревизию: Степан 1 ½–18 ½, жена Татьяна Иванова дочь взята из Устьцелемской слободки. Сын Феопент – 4 мц. Дети, рожденные после ревизии: Иван, холост – 17. От нынешней жены: Артемей – 2. Брат Василий Захаров 6 – умре 1759 году» [17]. Неожиданно выясняется, что младший сын Захара Василий, умер примерно в 20-летнем возрасте, без потомков. Это противоречит выводу В.И. Малышева о том, что дедом известного на Печоре переписчика и писателя И.С. Мяндина является Василий Захарович [18]. Расхождение между указанием В.И. Малышева (который помимо ревизских сказок использовал еще и материал духовных росписей) и данными переписей, на наш взгляд, можно объяснить тем, что писцом, вносившим сведения во 2-ю ревизскую сказку, по-видимому, допущена ошибка в написании имен: в рекрут на самом деле был взят не Семен, а Василий, Семен же позднее умер. Такие описки в подобных документах встречаются довольно часто. Но интересен также следующий факт: в 5-й (1795 г.) ревизии ни Семен Захарович, ни Василий Захарович Мяндины не указаны, хотя по данным В.И. Малышева, Василий «около 1785 г. вернулся в родную Усть-Цильму со званием «отставного матроза» и умер, согласно Исповедной росписи Никольской устьцилемской церкви, только в 1807 г. [19] К тому же, рекрутская служба должна была, так или иначе, закончиться: в 1793 году вместо пожизненного срока был установлен срок службы в 25 лет [20]. В 7-й ревизии (1816 г.) записана мать переписчика И.С. Мяндина Ирина Васильевна: «№ 159. Авраам Васильев Мяндин 26–30, мать Марина – 63. Сестры Авраама Елена – 21, Ирина – 17» [21].

Постепенно род Мяндиных разрастался, и потомки расселялись в границах нынешнего Усть-Цилемского района: зафиксировано проживание в д. Быковская в 1782 году Егора Карповича и Стефана Архиповича, в д. Загривочная выехал Федор Абрамович с сыновьями, несколько семей Мяндиных жили в д. Уежная. В настоящее время основное сосредоточение носителей этой фамилии в райцентре и на реке Пижме.

Род Мяндиных дал плеяду славных потомков. Приведу лишь несколько имен представителей этой фамилии из Усть-Цилемского района. Первым, безусловно, в этом ряду должен быть назван один из известнейших книжников-старообрядцев, уже упомянутый выше Иван Степанович Мяндин (1823-1894) [22]. Он переписывал, редактировал, переплел книги для себя и на заказ, выработав свой особый полууставной почерк, положив в его основу монастырский великопоженский [23] полуустав и поморское выговское книжное письмо [24]. Литературная деятельность И.С. Мяндина была исследована рядом ученых, в последние годы ей много внимания уделила доцент Сыктывкарского государственного университета, канд. филол. наук Т.Ф. Волкова [25], привлекшая к этой работе и своих учеников (см. статьи Н.А. Кармановой, О.С. Номовой и Ю.В. Першиной в данном сборнике). В последнее время родословными разысканиями о роде Мяндиных занялась М.И. Чурсanova, сотрудник архивного отдела администрации МО «Усть-Цилемский район», являющаяся потомком знаменитого книжника И.С. Мяндина (см. ее статью «Потомки Ивана Степановича Мяндина» в данном сборнике).

Известные книжники из числа Мяндиных проживали и на Пижме: владели большим количеством рукописей и книг старообрядческий наставник и переписчик Тимофей Михайлович, Алексей Иванович [26], «грамотный» (т.е. владеющий церковной грамотой и исправляющий духовные требы среди односельчан) Пимен Алексеевич [27]. Сотрудники Пижемского историко-этнографического музея с. Замежная, филиала Усть-Цилемского музея, в настоящее время активно собирают фотографии, воспоминания родственников о своих земляках Мяндиных. Имеются записи о правнуках Тимофея Михайловича, Неофита Евтихиевича (род Нефёдовых), опубликовано сообщение «Род Мяндиных из села Замежная» ведущих род от Федула Еремеевича, подготовленное его правнучкой Т.Г. Романовой [28].

Помимо книжников славились далеко за пределами района пижемские ложечники из рода Мяндиных – Павел Антонович (1883-1965), следующий мастерству своего деда Ерёмы и почитающий ложкарство как коренной промысел [29] и Савелий Ипатович (род. в 1898 г.) [30]. Их изделия хранятся в Государственном русском музее, в Государственном музее этнографии народов СССР и Музее антропологии и этнографии Петра Великого.

Сказители былин и старорусских песен Роман Михайлович [31] (1926-1990) и Фома Федулович [32] Мяндины привлекли внимание собирателей русских песенных традиций.

Гордостью района является и ряд современных представителей Мяндинского рода: доктор технических наук, профессор Московского авиационного института **Арсентий Федорович Мяндин** (р. 1936), профессиональная и научная деятельность которого была посвящена разработке аппаратов, таких как авиационная противолодочная ракета «Орел-М» и высокоскоростная ракета «Шквал» [33], кандидат сельскохозяйственных наук **Галина Семеновна Мяндина**, проживающая в Санкт-Петербурге.

Таким образом, род Мяндиных был славен во все времена его проживания в Усть-Цилемском крае. Мы проследили его историю от первого мезенца, ставшего устьцилемом, до наиболее ярких представителей этого рода в прошлом и нынешнем столетиях.

В Приложениях к статье публикуются поколенная роспись рода Мяндиных и родословная таблица, составленные на основании первых трех ревизских сказок.

Приложение 1

Поколенная роспись рода Мяндиных [35]

I поколение

1. Яков.

Известен по отчеству сына Ивана, зафиксированного как вновь прибывшего в слободку Усть-Цилемскую до 1722 года. Даты жизни неизвестны. Вероятное место проживания д. Белощельская Койнасской волости Мезенского уезда Архангельской губернии.

II поколение

2/1. Иван Яковлев сын Мяндиных [36] (1654 – до 1745).

Впервые выявлен в 1-й ревизии, возраст – 68 лет. Иван указан среди «принципальных людей» в слободке Усть-Цилемской как «мезенец Белощельской деревни».

Дети: Захар. Евтихий.

III поколение [37]

3/2. Захар Иванович Мяндин [38] (1679 – до 1745).

Впервые выявлен в 1-й ревизии, возраст – 43 года. Во 2-й ревизии не значится.

Дети: Архип. Семен. Василий.

4/2. Евтихий Иванович Мяндин [39] (1689-?).

Впервые выявлен в 1-й ревизии, возраст – 33 года. Во 2-й ревизии Евтихий внесен в «Учиненную ведомость» раскольников, а все остальные члены семьи записаны в основной переписи. В 3-й ревизии он по-прежнему один из своей семьи числится среди старообрядцев в преклонном возрасте, ему 74 года.

Жена: Марфа Логиновна [40] (1702-?), «взята в Устьцелемской слободке».

Дети: Федосья, Яков, Карп, Евсей.

IV поколение

5/3. Архип Захарович Мяндин [41] (1718-1775).

Впервые записан в 1-й ревизии, возраст – 4 года.

1-я жена: Н. 2-я жена: Настасья Ивановна (1727-?), «взята в Мезенском уезде Койнасской волости д. Вожгоры». Очевидно, связь с Мезенью Мяндины не теряли, т.к. Архип привез жену с Койнасской волости, откуда пришли его дед и отец.

Дети: От 1-й жены: Степан, Иван. От 2-й жены: Артемей.

6/3. Семен Захарович Мяндин [42] (1727-?).

Указан только во 2-й ревизии, возраст – 18 лет. Здесь же запись: «За взятие в наряд 747 году (в 1747 г. – Т.В.), что (о) 121 души в рекруты, в наличных не считать». 2-я ревизия проводилась в 1745 г., а сведения о взятии в рекруты, вероятно, дописаны позднее, т.к. датированы 1747 годом [43].

7/3. Василий Захарович Мяндин [44] (1739-1759).

Указан только во 2-й ревизии, возраст – 6 лет. В 3-й ревизии запись: «Брат их Василий Захаров умер в 1759 году», в 20-летнем возрасте [45].

- 2- [46]

8/4. Федосья Евтихьевна Мяндин, в браке Носова [47] (1715-?).

Впервые выявлена в 3-й ревизии, возраст – 48 лет. Выдана замуж за Петра Осиповича [48] Носова (1706-?) «в Устьцелемскую слободку». Дети у них не показаны ни во 2-й, ни в 3-й ревизиях.

9/4. Яков Евтихевич Мяндин [49] (1727-1785).

Впервые записан во 2-й ревизии, возраст – 18 лет.

Жена: Татьяна Родионовна Чупрова [50] (1733-?). «взята в Устьцелемской слободке».

Дети: Авраам, Трифан, Епистимия.

10/4. Карп Евтихевич Мяндин [51] (1732-?).

Впервые записан во 2-й ревизии, возраст – 13 лет.

Жена: Ирина Фёдоровна Поздеева [52] (1735-?). «взята в Устьцелемской слободке».

Дети: Егор, Павел, Марфа.

11/4. Евсей Евтихевич Мяндин [53] (1736-?).

Впервые записан во 2-й ревизии, возраст – 9 лет.

Жена: Дарья Федосеевна Герасимова [54] (1737-?). «взята в Устьцелемской слободке». Дарья – дочь Федосея Григорьевича Герасимова [55], вероятного основателя д. Федосеевка.

Дети: Ирина, Фекла.

V поколение

12/5. Степан Архипович Мяндин [56] (1745-?).

Впервые записан во 2-й ревизии, возраст – ½ года.

Жена: Татьяна Ивановна Поздеева [57] (1743-?). «взята в Устьцелемской слободке».

Дети: Феопент.

13/5. Иван Архипович Мяндин [58] (1746-?).

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 17 лет.

14/5. Артемий Архипович Мяндин [59] (1761-?).

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 2 года.

- 3-

15/9. Аврам Яковлевич Мяндин [60] (1747-?).

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 16 лет.

16/9. Трифан Яковлевич Мяндин [61] (1748-?).

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 15 лет.

17/9. Епистимия Яковлевна Мяндинна [62] (1761-?).

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 2 года.

- 2-

18/10. Егор Карпович Мяндин [63] (1753-?).

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 10 лет. Из двойни.

19/10. Павел Карпович Мяндин [64] (1753-?).

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 10 лет. Из двойни.

20/10. Марфа Карповна Мяндинна [65] (1755-?).

Впервые записана в 3-й ревизии, возраст – 8 лет.

- 2 -

21/11. Ирина Евсеевна Мяндина [66] (1756-?).

Впервые записана в 3-й ревизии, возраст – 7 лет.

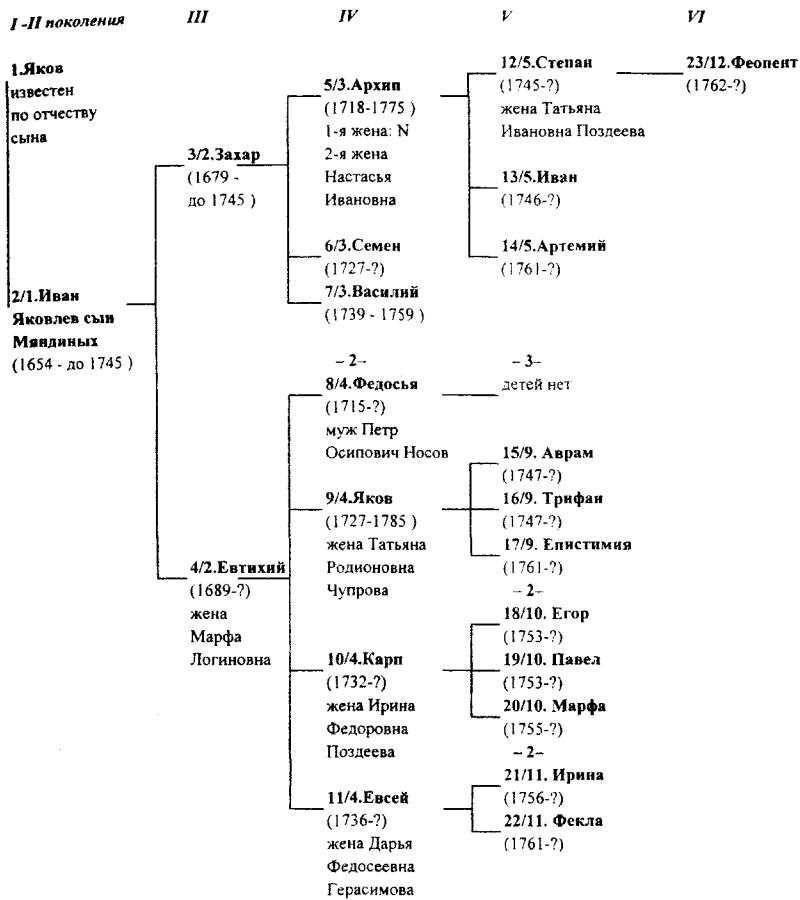
22/11. Фекла Евсеевна Мяндина [67] (1761-?).

Впервые записана в 3-й ревизии, возраст – 2 года.

VI поколение**23/12. Феопент Степанович Мяндин [68] (1762-?).**

Впервые записан в 3-й ревизии, возраст – 4 месяца.

Таблица рода Мяндиных слободки Усть-Цилемской
с 1719 г.

1. Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 210.
2. По воспоминаниям поэта Николая Алексеевича Чупрова (с. Усть-Цильма, 1929-2008), матеря которого Федосья Федоровна происходила из рода Мяндиных, и его отца, на рассказы которого он ссыпался, в свое время была написана книга о роде Мяндиных, но сохранилась ли она до наших дней – неизвестно.
3. *Малышев В.И.* Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома: Сборник научных трудов. Л., 1985. С. 323-336; см. также переиздание этой статьи в данном сборнике.
4. Ревизские сказки – документы, отражающие результаты проведения ревизий податного населения Российской Империи с целью подушного налогового обложения в XVIII – I-й половине XIX вв. (Интернет-сайт: http://ru.wikipedia.org/wiki/ревизская_сказка).
5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 22 об. Опубл.: *Вокуева Т.Д.* Книга переписная государственных черносошных крестьян и канцелярских служащих Ижемской и Усть-Цилемской слободок Пустозерского уезда Архангельской губернии 1719-1727 гг. // Сельская Россия: прошлое и настоящее (Исторические судьбы северной деревни): Материалы Всероссийской научно-практической конференции 10-13 июля 2006 г. С. Усть-Цильма. Республика Коми. М.: Сыктывкар, 2006. С. 367-368.
6. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 128-129 об.
7. Там же. Л. 280 об.
8. Список населенных мест Российской Империи. Т. 1. Архангельская губерния. СПб. 1861. №214.
9. Интернет-сайт: <http://www.zaonego.ru/objects/kizhi.html>
10. Шульгин Н.В., Санакина Т.А. Окладникова слободка. Архангельск. 2003. С. 9.
11. Русские имена в исторических лицах, церковных и народных праздниках, пословицах и приметах / Сост. Н.И. Решетников. М., 2002. С. 141.
12. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2717. Л. 125 об. – 126.
13. РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 292. Л. 91 об. Учиненная ведомость Архангело-городецкой провинции приписного города Пустозерска количества число при нынешней состоящей ревизии для написания по расколу в двойной оклад мужеска тако же и женска полу людей явилось и которых мест и колиных кто лет. явствует ниже. В Устьцилемской слободке по скаске 1719 году. Опубл.: *Морозов Б.Н.* Старообрядцы в Усть-Цильме по переписи 1740-х годов // Сельская Россия: прошлое и настоящее ... С. 378.
14. Возраст мужчин показан на предыдущую ревизию и через тире – на текущую, у женщин – только на текущую.
15. ГАОА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89-89 об.
16. Там же. Л. 96 об.
17. ГАОА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89.
18. *Малышев В.И.* Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома: Сборник научных трудов. Л., 1985. С. 324.
19. Там же.
20. Интернет-сайт: http://ru.wikipedia.org/wiki/Рекрутская_повинность
21. ГАОА. Ф. 51. Оп. 11. Т. 4. Д. 8431. Л. 627 об.
22. См. о нем: *Малышев В.И.* Усть-Цилемский книгописец ... С. 323-337; *Волкова Т.Ф.*: 1) Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Волчанская редакция средневековых повестей: Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2005. С. 14; 2) Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей (некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 842-846.
23. Великопоженский скит известен как старообрядческий центр, жители которого в 1743 г., не желая сдаваться властям, приняли смерть от огня на глазах солдат, их оцепивших. Описание этого события см.: *Малышев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX века. Сыктывкар, 1960. С. 167-195.
24. *Малышев В.И.* Усть-Цилемский книгописец... С. 335.
25. См. ее обобщающее исследование: *Волкова Т.Ф.* Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян..., а также ее статью в данном сборнике.
26. *Малышев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники ... С. 205-206.
27. Информатор Евдокия Пименовна Мяндина (р. 1922). с. Замежная, 2006 г.
28. *Романова Т.Г.* Род Мяндиных из села Замежная // Родовые предания усть-цилем (к 465-летию Усть-Цильмы): Материалы районной научно-практической конференции. Из серии: «Усть-Цильма – шкатулка русской культуры». Усть-Цильма, 2007. С. 39-40.
29. *Арбат Ю.А.* Русская народная роспись по дереву. М., 1970. С. 35.
30. *Ларин О. Илагыч* // Вокруг Света. 1975. № 2: Интернет-сайт: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5238/>.
31. *Ангеловская Л.В.* Былины Пижемских сказителей Еремея Проворовича и Леонтия Тимофеевича Чупровых: из текстологических наблюдений над былиной «Бутман» // Сельская Россия: Прошлое и настоящее... С. 435.
32. Список исполнителей // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика. 2001-... – (Свод рус. фольклора). Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 547-548.
33. *Вокуева Т.Д.* Поздравляем с 70-летним юбилеем А.Ф. Мяндина // Красная Печора. Усть-Цильма, 2006. 23 декабря.
34. Данная Роспись является продолжением наших предшествующих публикаций, посвященных усть-цилемским фамилиям (см. родословные фамилий основателей Усть-Цильмы – Дуркиных, Чупровых, Тирановых, включающие от трех до пяти поколений, опубликованные ранее: *Вокуева Т.Д.*: 1) Слободка Усть-Цилемская от основания до первой ревизии // Для меня Усть-Цильма место, где родиться повезло: Материалы юбилейной конференции, посвященной 15-летию Кому региональной общественной организации Усть-Цилемское общество «Русь Печорская» и семинара «за круглым столом» «Особенности воспитания на Севере: опыт, традиции, современность» (Республика Коми. с. Усть-Цильма, 16 декабря 2005 г.). Усть-Цильма, 2006. С. 9-19.
35. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 22 об. Опубл.: *Вокуева Т.Д.* Книга переписная государственных черносошных крестьян и канцелярских служащих Ижемской и Усть-Цилемской слободок Пустозерского уезда Архангельской губернии 1719-1727 гг. // Сельская Россия: прошлое и настоящее... С. 368.
36. С III поколения написание отчества дано в современной орографии.
37. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 22 об.: Там же. Ч. 2. Д. 2717. Л. 125 об.; ГАОА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89.
38. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 22 об.: Там же. Ч. 2. Д. 2717. Л. 126; РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 292. Л. 91 об. Учиненная ведомость Архангело-городецкой

- провинции приписного города Пустоозерска, коликое число при нынешней состоящей ревизии для написания по расколу в двойной оклад мужеска тако же и женска полу людей явилось и которых мест и коликих кто лет. явствует ниже. В Устьцелемской слободки по скаске 1719 году. Опубл.: Морозов Б.Н. Старообрядцы в Усть-Цильме по переписи 1740-х годов // Сельская Россия: прошлое и настоящее... С. 378; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89; Там же. Л. 96 об.
39. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89.
 40. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 22 об.; Там же. Ч. 2. Д. 2717. Л. 125 об.; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89 об.
 41. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2717. Л. 125 об.
 42. Наше предположение о возможно допущенной ошибке при составлении этой ревизской сказки см. выше.
 43. Там же; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89 об.
 44. См. сноску 39.
 45. Внутри поколений обозначены степени родства арабскими цифрами, заключенными в дефисы: «-2» – двоюродные. «-3» – троюродные, позволяющие установить родственные связи каждого лица относительно другого определением наибольшего числа между ними.
 46. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89 об.
 47. Там же. Л. 76.
 48. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2717. Л. 126; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89.
 49. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 73 об.
 50. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2717. Л. 126; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89.
 51. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 81.
 52. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2717. Л. 126; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89.
 53. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 90.
 54. Вокуева Т.Д. Слободка Усть-Целемская от основания до первой ревизии. С. 13.
 55. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2717. Л. 125 об.; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 89 об.
 56. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6010. Л. 91.
 57. Там же. Л. 89 об.
 58. Там же.
 59. Там же. Л. 89.
 60. Там же.
 61. Там же.
 62. Там же.
 63. Там же.
 64. Там же.
 65. Там же. Л. 89 об.
 66. Там же.
 67. Там же.

Потомки Ивана Степановича Мяндина

До недавних пор мы, современные представители рода Мяндиных, о располагали весьма скучными сведениями о наших родовых корнях, о жизни предков. Единственное, что нам было известно, это то, что в Усть-Цильме наш род знают как род Васильевых и именуется он так в честь Василия Мяндина, деда печорского книжника Ивана Степановича Мяндина.

Благодаря исследованиям В.И. Малышева, изучившего целый ряд документальных источников [1], мы сейчас многое знаем о предках Ивана Степановича, о его собственной семье, его детях. Однако их дальнейшая судьба, судьба его внуков и правнуков не была и не могла быть прослежена ученым, ушедшем из жизни в 1976 г. Поэтому я решила дополнить сведения о роде И.С. Мяндина, собранные В.И. Малышевым, своими разысканиями о потомках усть-цилемского книжника – моего знаменитого предка.

Наše древо

Древо потомков рода Мяндиных настолько могуче и ветвисто, что пока не удалось охватить его все целиком. У сыновей и дочерей Ивана Степановича было немало детей и внуков. Сегодня мной выявлено более 500 человек, принадлежащих роду Мяндиных. Живет род Васильевых в Усть-Цильме, Ухте, Печоре, Сыктывкаре, Воркуте, Инте, Архангельске, Нарьян-Маре, Астрахани, Москве, Санкт-Петербурге и даже в Германии.

Мы проследим ветви от всех детей Ивана Степановича. Самый старший из четырех сыновей И.С. Мяндина – Василий, родившийся в первом браке, упомянут В.И. Малышевым [2]. Во втором браке у Мяндина было три сына. Старший из них – Александр – родился 12 апреля 1878 года. Имеются сведения, что во время навигации он работал на пароходе, а в остальное время был кочегаром и кузнецом. Интересным фактом из его жизни является то, что он ходил пешком в Москву на съезд к Ленину, был делегатом съезда.

Ветвь Александра Ивановича указывает на два брака: первый с Анной Николаевной, 1884 г.р., второй – с Евдокией Васильевной, 1896 г.р., рождение трех детей: Петра (1907 г.р.) от первого брака, Марфы (1921 г.р.) и Григория (1930 г.р.) от второго брака.

До недавнего времени совсем не было данных о Петре (сведения о том, что у Александра был еще один сын, случайно обнаружены мной в архивных документах). При составлении родословной начали устанавливать его судьбу. И оказалось, что ... дети, внуки и правнуки Петра осели

в разных уголках нашей страны, носят фамилию Мяндины и очень хотели бы больше узнать о своих предках и побывать в Усть-Цильме.

Всего у Петра было 7 сыновей и дочерей: Борис, Вячеслав, Таисия, Гертруда, Марат, Аврора и Валерий. У Марфы – 8 детей: Валерий, Николай, Петр, Галина, Юрий, Александр, Людмила, Надежда. А у Григория – пятеро: Петр, Татьяна, Мария, Евдокия, Галина.

Жизнь Бориса закончилась трагически. Аврора и оба Валерия умерли в младенчестве.

В Усть-Цильме и районе живут дети Марфы и Григория. Это Николай Николаевич Юрченко, Александр Васильевич Середа, Петр Григорьевич и Мария Григорьевна Мяндины, Евдокия Григорьевна Торопова.

Иван. Мой прадед **Мяндин Иван Иванович** – средний сын Ивана Степановича от второй жены, родился 16 июня 1882 года. Он был спокойным, добрым, мягким. Очень любил заниматься охотой и рыбалкой. Прожил он 67 лет.

Иван был женат на Ирине Феоктистовне Чупровой, 1885 г.р. из Трусово. Оказался самым многодетным отцом среди своих братьев и сестер. Его жена родила 21 ребенка (в т.ч. три раза по двойне ?), но выжили только пятеро: Александра (1906 г.р.), Аркадий (1908 г.р.) – мой дед, Иван (1917 г.р.), Павел (1920 г.р.), Елизавета (1930 г.р.).

Мной выявлено прямых потомков Ивана более 180 человек. У старшей дочери Александры Ивановны родилось шесть детей: Анна, Иван, Яков, Семен, Трифон, Алексей. У Аркадия семья сыновей и дочерей: Марфа, Анастасия, Евдокия, Егор, Тамара, Александр, Иван. У Павла Ивановича двое сыновей и три дочери: Галина, Александра, Григорий, Дмитрий, Мария.

Большие семьи были и у других детей. У Елизаветы семья сыновей и дочерей: Гаврил, Николай, Сергей, Любовь, Петр, Григорий, Ирина. У Ивана – шестеро: Марфа, Николай, Михаил, Василий, Иван, Анна.

Из них в Усть-Цильме живут: Алексей Федорович Хозяинов, Тамара Аркадьевна Осташова, мой отец Иван Аркадьевич Мяндин, Галина Павловна Поздеева, Александра Павловна Осипенко, Мария Павловна Калинина, Иван Иванович Мяндин, Сергей Андриянович и Григорий Андриянович Дуркины, в Крестовке – Ирина Андрияновна Канева. Почти у всех сейчас имеются дети и внуки.

Григорий Иванович Мяндин – младший из сыновей Ивана Степановича. Он родился 6 ноября 1886 года и прожил 55 лет.

Григорий был искусным пекарем. Очень вкусные хлеба и калачи изготавливались в пекарне, которая находилась в доме, где жила семья Мяндиных. Их пекли на продажу и для своей большой семьи.

У Григория был брак с Анной Васильевной. Родились сыновья – Федор и Алексей (1918 г.р.), Зиновий (1923 г.р.), дочери – Прасковья (1915

г.р.), Татьяна (1922 г.р.), Зинаида (1923 г.р.), Анастасия (1933 г.р.). Зиновий и Зинаида были близнецами.

Современные потомки Григория даже не предполагали, что их предок имел большую семью. Они не знали о существовании Федора, Алексея, Зиновия и Анастасии, сведения о которых тоже были обнаружено в архивных документах [3]. Начали устанавливать их судьбу...

К сожалению, судьба всех сыновей Григория оказалась трагической – они погибли в разное время. По некоторым данным, у старшего, Федора, была семья, но о ней ничего неизвестно. Выбыла из похозяйственного учета в 1937 году дочь Анастасия, предполагаю, что она умерла в раннем возрасте – примерно в 4 года.

У Прасковы родился сын Анатолий и 3 дочери – Маиса, Вера и Екатерина. У Татьяны – сын Василий и 2 дочери – Валентина и Нина. Самая многочисленная семья оказалась у Зинаиды – 12 детей: 9 сыновей – Владимир, Алексей, Иосиф, Иван, Леонид, Сергей, Анатолий, Павел и Игорь и 3 дочери – Надежда, Ольга, Анна. Из них в Усть-Цильме осели Екатерина Семеновна Чупрова и Анатолий Степанович Поташов, а в Окунево – Алексей Степанович Поташов.

Елена Ивановна – старшая дочь Ивана Степановича от второго брака [4], родилась в 1884 году. Умерла в 69 лет. Она вела молельные панихиды, пела, так как имела хороший голос. Много икон стояло в передней комнате. По имеющимся данным, Елена сама отливала крестики.

Елена имела многочисленную семью. Из 19 детей, родившихся в браке с Ермолиным Максимом Яковлевичем из Усть-Цильмы, до взрослого возраста дожили шестеро: Федосья (1904 г.р.), Петр (его воспитывала бездетная сестра Анна), Андрей (1907 г.р.), Марфа, Мария, Анкундин (1921 г.р.).

У Федосы родилось пять сыновей и дочерей: Евдокия, Андрей, две Анны, Кузьма. Вторая Анна, сейчас Анна Карповна Осташова, родилась после смерти старшей сестры-тезки.

У Андрея – один сын Валентин. А у Марфы трое детей: Любовь, Яков, Николай. Мария детей не имела (умерла в возрасте 22 лет). Анкундин стал отцом единственного сына Виктора. Виктор Анкундинович Ермолин живет в Усть-Цильме.

У Федосы немало внуков и правнуков. К примеру, у сына Андрея, Андрея Карповича Носова, 10 детей, 26 внуков и 20 правнуков. Столько же детей у дочери Анны. Осташовой Анны Карповны из д. Рочево, а еще 23孙 and 17 правнуков.

Анна Ивановна – другая дочь Ивана Степановича от второго брака родилась в 1876 (или в 1875 году, обнаружено две даты). По некоторым данным, она была очень набожной. Со своей младшей сестрой Еленой проводила много времени в службах. Дома имела немало старинных

«божьих» книг. Была замужем за Петром Дуркиным из Усть-Цильмы. Своих детей у Анны не было, поэтому растила одного из сыновей Елены – Петра, которому была дана фамилия приемных родителей – Дуркин и отчество от приемного отца – Петрович. У Петра – 6 детей: Валерий, Анатолий, Владимир, Тамара, Галина, Людмила.

Евдокия Ивановна. У нас нет данных об этой дочери Ивана Степановича, родившейся во втором браке. Но существует предание, что в мещечке Ушарье жила одна из дочерей Ивана Степановича и ухаживала за скотом. Девушка была лет 20-ти, и, заболев, она умерла. Ее имя рассказчик не помнит, но можно предположить, что это и была Евдокия.

Дети И.С. Мяндина занимались хлебопашеством (селяли ячмень), скотоводством и рыболовством, чтоб прокормить свои большие семьи. К сожалению, как видим, дети Ивана Степановича не были наделены литературными способностями, как их отец. Вот и позже не наблюдалось в роду Васильевых талантливых писателей и поэтов, ставших известными как их далекий предок. Однако, дар великого предка, как мне кажется, передался одному из его внуков – **Мяндину Аркадию Ивановичу**, речь о котором пойдет далее.

Мой дед – сказочник

Я всегда с особой теплотой вспоминаю своего дедушку Мяндина Аркадия Ивановича. Еще бы! На радость детворе он знал очень много сказок, так как имел очень хорошую память. Будучи человеком преклонного возраста, он часто отдыхал на русской печке, а многочисленные племянники, внуки и даже соседские ребятишки всей ватагой забирались к нему и просили рассказать что-нибудь интересное. А потом слушали его чистую певучую речь и грелись на жаркой печи.

В его «репертуаре» были как авторские сказки, достаточно объемные и сложные для пересказа («Аленький цветочек», «Конек-горбунок» и т.д.), так и русские народные. А иногда он рассказывал нам старую сказку и на ходу неожиданно придумывал новые эпизоды и подробности сюжета. Или же сочинял небылицы и радовал нас ими. А все сказки он заканчивал одинаково «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало».

Аркадий Иванович очень любил читать. Прочитывал от корки до корки все книги из домашней библиотеки. С огромным интересом изучал газеты и журналы, которых выписывали очень много. Иногда доходило до смешного: он взахлеб читал... наши школьные учебники по литературе, истории и т.д.

У него был необычный почерк. В письмах, которые он отправлял своим дочерям-студенткам в город, он аккуратно выводил буквы, делая ин-

тересные, замысловатые закорючки. Ему нравилось сочинять и писать письма, а иначе это право он отдал бы другим членам семьи.

Вот тебе и сочинитель, и редактор произведений, и писец, и просто заинтересованный читатель! Может быть, живи мой дед в XIX веке, когда книгописание приобрело широкий размах, его дар ему бы пригодился. Но только не в XX веке, когда появились печатные станки, и надобность в переписке книг отпала.

Мне кажется, Аркадий Иванович внешне был похож на своего знаменитого деда. Вот как ученый В.И. Малышев в своих трудах описывает облик знаменитого книгописца Ивана Степановича на основании рассказов знативших его односельчан: «Он имел средний рост, крепкое телосложение, был плечист. Круглое лицо его внизу обрамляла небольшая седая борода, волосы на голове были также все седые. Он отличался близорукостью, читал и писал в очках. Во время разговора немного заикался. Однако последнее не мешало ему иметь хороший голос. и при пении он «вел голоса» (мелодию)» [5].

Мой дед в молодости был очень симпатичный. Правильные черты круглого лица, небольшой прямой нос сохранились в преклонном возрасте. Он тоже был среднего роста и крепкого телосложения. Помню его с шевелюрой седых волос и такой же бородой – настоящий сказочник! Он тоже отличался близорукостью, читал и писал в очках. У деда Аркадия был хороший голос. Он знал много песен.

Кроме того, он был добрый, общительный и гостеприимный. В его доме всегда было очень много людей. Гости приходили, долго разговаривали со стариками (дедушкой и бабушкой Анной Алексеевной) и обязательно пили чай.

Наиболее выдающиеся потомки

Иван Степанович Мяндин прославил свое имя и Усть-Цилемскую слободку. А что же его потомки?

В образовании, культуре, медицине, авиации и сельском хозяйстве они добились некоторых успехов. В роду имеются экономисты, инженеры, бухгалтеры, военные, водители, шахтеры, механизаторы, сварщики, кузнецы и люди других профессий.

Среди большого количества потомков остановлюсь на некоторых наиболее интересных и назову *руководителей и защитников Отечества*.

Петра Петровича Дуркина, внука И.С. Мяндина, до сих пор помнят в нашем селе. Он был председателем Усть-Цилемского райисполкома и вторым секретарем райкома партии в 40-е годы. В 50-е годы работал председателем колхоза имени Батманова – крупнейшего в районе.

Другой внук И.С. Мяндина, **Павел Иванович Мяндин**, тоже был председателем колхоза имени Батманова. Участвовал в Великой Отечест-

венной войне – был пулеметчиком, вернулся домой раненым, имел много наград.

Еще один внук, *Андрей Максимович Ермолин*, был первым председателем колхоза в деревне Боровской. Ушел добровольцем на фронт. Погиб на Великой Отечественной войне.

На фронте погиб и другой внук И.С. Мяндина – 18-летний *Зиновий Григорьевич Мяндин*. Это произошло летом 1942 года.

Участвовали в Великой Отечественной войне и братья *Хозяиновы*: *Яков Федорович* и *Иван Федорович* – правнуки Ивана Степановича. Оба пропали без вести.

Павел Юрьевич Осипенко и *Александр Григорьевич Шишлов* участвовали в военных действиях на территории Чеченской республики.

Еще один представитель рода заслуживает особого внимания. *Вячеслав Петрович Мяндин* посвятил себя авиации – 40 лет проработал в аэропорту с. Ижма, из них 15 лет – начальником. По его стопам пошел сын *Мяндин Борис Вячеславович* – он был командиром экипажа Ми-8 в г. Усинске.

Среди нас много педагогов. Более 20 лет работала на этом поприще *Анастасия Аркадьевна Кириллова*, в том числе 17 лет со студентами Ухтинского индустриального института. Ее профессию выбрала дочь Галина, которая закончила этот институт и в настоящее время является доцентом кафедры «Промышленное и гражданское строительство» УГТУ.

Более 30 лет *Александра Павловна Осипенко* занимается охраной здоровья маленьких устьцилемов, она медсестра самого крупного детсада в районе – «Радуги». Более 20 лет отдали работе с детьми *Тамара Аркадьевна* и *Елена Назаровна Осташова*.

Некоторые представители Мяндиных обладают способностями к рукоделию: шьют, вяжут. Мастерами по ремонту и пошиву обуви являются *Григорий Андриянович Дуркин* и *Иван Иванович Мяндин*. По стопам отца пошел Иван, сын Григория Андрияновича. Очень хорошая швея *Светлана Кузьминична Осташова*. Из ее рук выходит как верхняя одежда, так и зимние головные уборы и усть-цилемские сарафаны. К тому же Светлана Кузьминична и ее старшая сестра Екатерина занимаются исцелением людей с помощью народных средств. Екатерина (живет на Украине) лечит молитвами, собирает группы людей и возит их в монастыри, где они живут и лечатся. Светлана занимается костоправством (переняла от бабушки Федосы), лечит кровь. Словом, мастера на все руки!

Живут в Москве два брата – *Павел Степанович* и *Игорь Степанович Поташовы*. Оба отменные плотники, даже делают мебель для себя. Игорь работает в Кремле по своему призванию – плотником. Там же, в Кремле, трудится супруга Павла – Любовь. Она портниха.

Потомки И.С. Мяндина, как многие устьцилемы и как сам Иван Степанович, хорошо поют, знают много песен. Например, 15 лет посещала фольклорные коллективы *Тамара Аркадьевна Осташова*. До сих пор активной участницей фольклорного коллектива и запевалой на всех семейных праздниках является *Осипенко Александра Павловна*. Она и ее сестра Галина Павловна Поздеева имеют красивые певучие голоса.

А если не смотреть на все должности и регалии, считаю, что продолжатели «рода Васильевых» всегда были трудолюбивыми, доброжелательными и честными.

От всего сердца спасибо...

Исследованиями о нашем старинном роде и его известном представителе И.С. Мяндине занимались многие ученые [6]. В последние годы много времени посвятила изучению рукописного наследия И.С. Мяндина Т.Ф. Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы СыктГУ. Хочется сказать ей спасибо и сказать ей спасибо за память о нашем предке. Татьяна Федоровна опубликовала много статей о сочинениях И.С. Мяндина и выпустила о нем книгу «Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян» [7].

Готовя эту публикацию, я собирала сведения о всех потомках Ивана Степановича Мяндина – от его детей до его современных потомков. При изучении родословной линии мяндиных использовала, в основном, семейные источники – воспоминания, а также документы, хранящиеся в архивном секторе администрации МО МР «Усть-Цилемский». С помощью «похозяйственных книг» я уточнила состав некоторых семей, даты жизни представителей мяндинского рода, указывала, с кем состояли в браке представители рода, какие должности занимали, чем увлекались, где жили и живут сейчас.

Помогали мне и близкие люди. Спасибо хочу сказать Тамаре Аркадьевне Осташовой и Александре Павловне Осипенко. Познакомилась (правда, по телефону) с Анной Карповной Осташовой и ее дочерью Еленой Назаровной Ананиной. Это, действительно, неравнодушные люди, которые хранят теплую память о своих предках и, не считаясь со временем, многое могли рассказать по истории нашего большого рода.

Вели поиск данных о больших семьях своих мужей Марфа Ивановна Дуркина и Нина Изосимовна Поташова. Собирали материал Екатерина Николаевна Осташова, Наталья Григорьевна Мартын и другие, за что им большое спасибо!

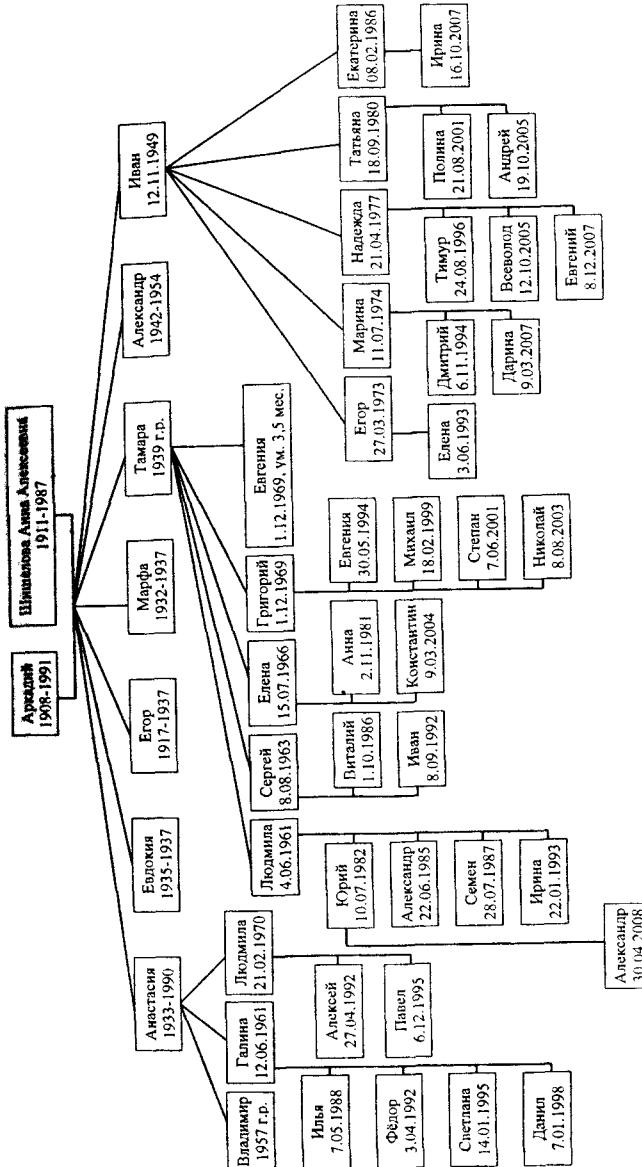
Заключение

Наш старинный род растет, продолжается. Фамилия Мяндин передавалась от сына к сыну и сохранилась до сих пор благодаря мужской части рода. Имя Иван очень часто используется при назывании детей: только по ветви моего прадеда Ивана (сына И.С. Мяндина) имя Иван получили восемь человек.

Молодые потомки И.С. Мяндина живут полной жизнью: обзаводятся семьями, строят большие просторные дома в нашем красивом старинном селе, рожают детей. И сегодня они трепетно относятся к малой родине, сохраняют традиции своих предков и, конечно же, передают память о своем замечательном предке своим детям и внукам.

Остатки рукописного наследия И.С. Мяндина до сих пор хранятся в некоторых усть-цилемских домах, хотя их владельцы не подозревают об этом. Может быть эта публикация поможет владельцам таких рукописей оценить значение небольших рукописных тетрадочек, написанных приметным почерком – рукой И.С. Мяндина, и они станут известны всем устьцилемам.

В приложении к статье публикуем родословную таблицу рода Мяндинах и фотографии некоторых его представителей.

Аркадий Иванович Мяндин – внук И.С. Мяндина (в центре) с семьей

Дорокина Елизавета Ивановна, внучка И.С. Мяндина, с семьей

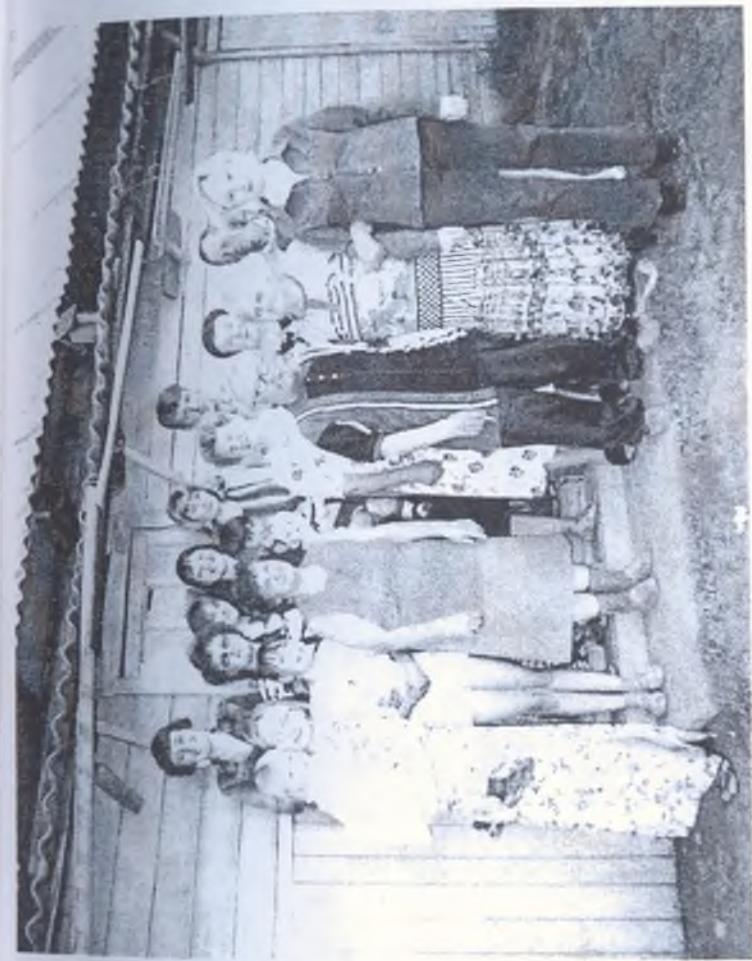

Павел Иванович Мяндин, внук И.С. Мяндина, с семьей

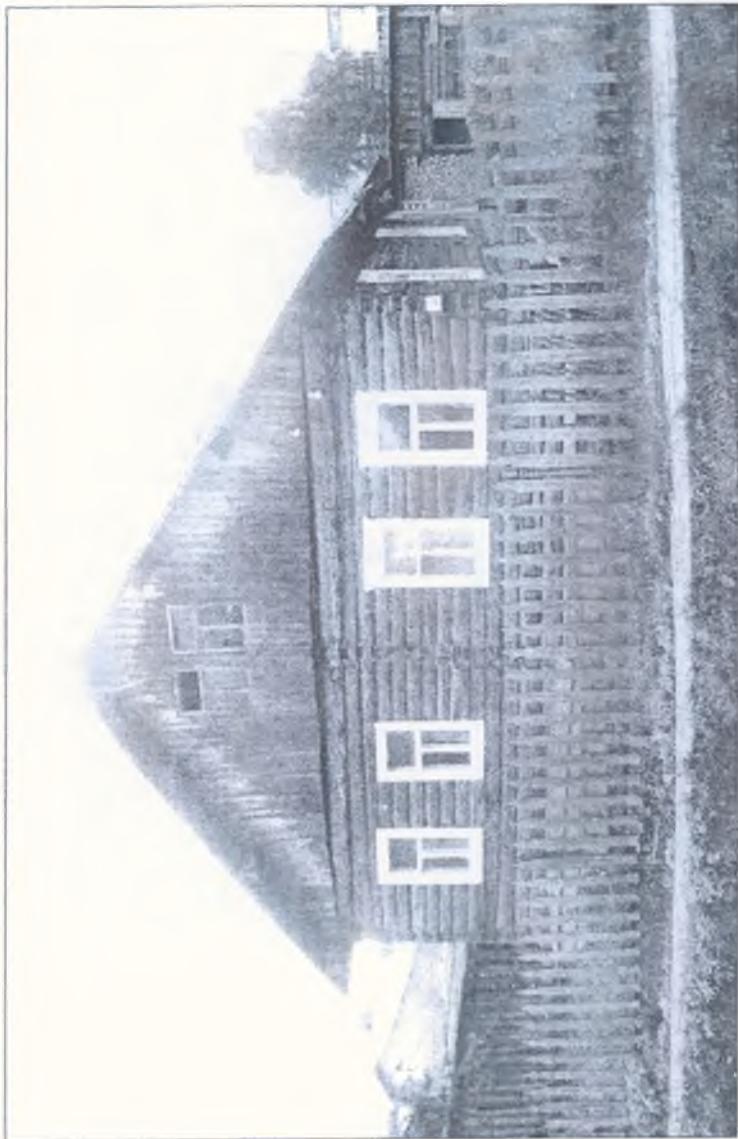
Марфа Александровна, внучка И.С. Мяндина, с семьей

44

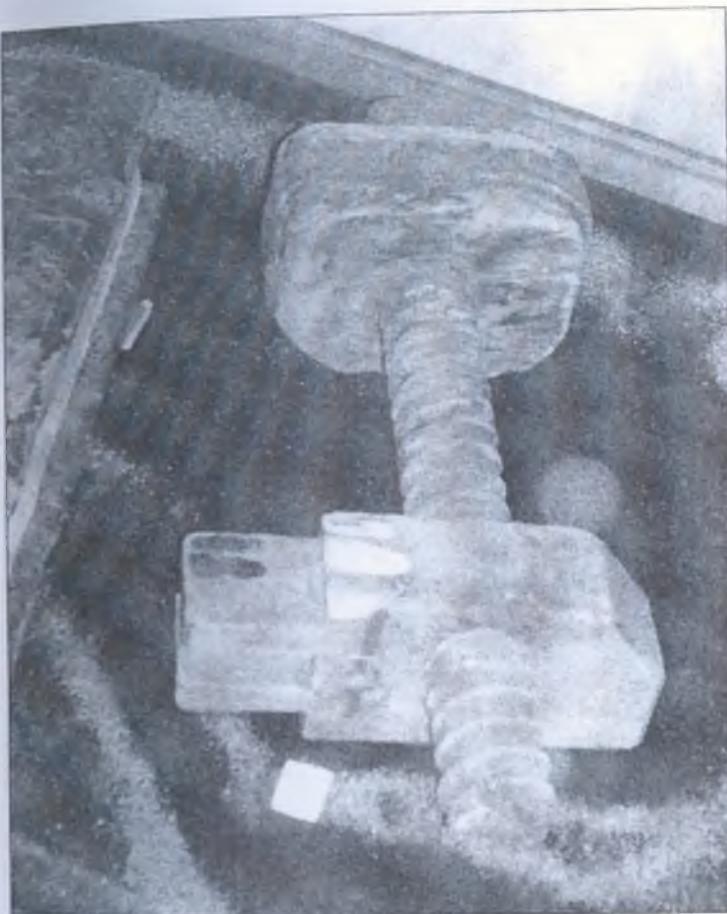

45

Потомки И.С. Мяндина, 2007 г.

Дом бывшего И.С. Мяндина в Усть-Цильме. Выстроен на месте старого дома И.С. Мяндина

Деталь переплетного станка И.С. Мяндина. Хранится
в музее им. А.В. Журавского в Усть-Цильме

Богданова Зинаида Григорьевна (внучка И.С. Мяндзина) с мужем

Прасковья Григорьевна, внучка И.С. Мяндзина, с детьми

50

Стариков Татьяна Григорьевна, музей И.С. Матюшина, с аукциона

51

Иван Иванович Матюшин, сын И.С. Матюшина, с женой Еленой Федоровной

1. См. переиздание его статьи о И.С. Мяндине в данном сборнике.
2. Там же.
3. В первом браке у Ивана Степановича была дочь Татьяна (см.: ст. В.И. Малышева в этом сборнике (С.), или по первому ее изданию: Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома: Сборник научных трудов. Л., 1985. С. 323-337)
4. Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец ... С. 334-335.
5. См. в данном сборнике статью Т.Ф. Волковой с обзором итогов изучения литературного творчества И.С. Мяндина.
6. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар. 2005.

Т.Ф. Волкова

Усть-цилемский книжник И.С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия

Иван Степанович Мяндин – уникальное явление не только в истории усть-цилемской рукописной традиции, но и в истории северно-русской крестьянской письменности вообще. Он был не просто трудолюбивым переписчиком старинных рукописей, выработавшим свой особый легко узнаваемый полууставной почерк, но и настоящим крестьянским писателем, создавшим на основе древнерусских сюжетов свои оригинальные варианты, в которых иными, чем в оригинале, представляли события, и герои.

И.С. Мяндин, судя по усвоенному им и своеобразно переработанному значительному пласту средневековой письменности, обладал незаурядными литературными способностями, невероятным трудолюбием, широтой литературных интересов и любознательностью. Он оставил после себя огромное рукописное наследие, итогам изучения которого и посвящена эта статья.

Открытие И.С. Мяндина как профессионала-переписчика и редактора древнерусских повестей принадлежит В.И. Малышеву. Он первым опубликовал в своей известной монографии, посвященной усть-цилемской рукописной традиции [1], фотографию с образцом почерка И.С. Мяндина, что позволило в дальнейшем другим исследователям легко узнавать переписанные Мяндиным рукописи. В.И. Малышеву принадлежит первый и пока единственный биографический очерк, посвященный И.С. Мяндину и его семье, опубликованный уже после смерти ученого до сих пор служащий для всех исследователей его творчества основным источником биографических сведений [2]. Эта статья переиздается в данном сборнике.

В.И. Малышеву удалось по архивным данным установить родословную Мяндиных, начиная с Захара Мяндина – родоначальника печорской династии, обрисовать трагические для семьи писателя события 1847 г., когда была закрыта молельня в доме Ирины Васильевны и Степана Никифоровича – родителей Мяндина, очертить их характеры, уклад жизни, что помогает понять, как формировалась личность будущего выдающегося книжника, охарактеризовать по дошедшим документам характер его общественной деятельности – его роль народного заступника, составлявшего для своих односельчан многочисленные жалобы на власть имущих и самого от них неоднократно страдавшего вплоть до получения ударов розгами.

По письмам И.С. Мяндина и его записям на рукописных книгах В.И. Малышев выявил ряд биографических фактов из жизни усть-цилемского книжника уже в зрелые годы, в частности, факт его работы в качестве письмоводителя и уставщика молельни в доме богатого «усть-цилема» Прокопия Чупрова. Ряд сведений о семье Мяндиных ученому предоставил внук Ивана Степановича И.И. Мяндин; некоторую информацию В.И. Малышев почерпнул из исповедных росписей усть-цилемской Никольской церкви. Это направление в изучении жизни и творчества И.С. Мяндина можно назвать биографическим. В последние годы оно получило развитие в исследованиях односельчан и потомков И.С. Мяндина, о чем свидетельствуют доклады Т.Д. Вокуевой и М.И. Чурсановой, прочитанные на усть-цилемской конференции, посвященной юбилею И.С. Мяндина и их статьи в данном сборнике.

Второе важнейшее направление в изучении мяндинского наследия – это выявление рукописей, связанных с личностью И.С. Мяндина. Эта работа также была начата В.И. Малышевым и продолжена другими исследователями – представителями разных научных центров по изучению старообрядчества: коллегами и учениками В.И. Малышева из Пушкинского Дома (О.В. Твороговым, Л.А. Дмитриевым, В.П. Бударгиним), профессором СПбГУ Н.С. Демковой и ее учениками, член-корр. СО РАН Е.К. Ромодановской (Новосибирск), и ее учениками, докт. филол. н. А.В. Пигиным (Петрозаводск), который недавно начал подключать к этой работе и своих учеников, а с 80-х гг. прошлого века и филологами Сыктывкарского университета (Е.А. Рыжовой, М.В. Мелиховым, Н.А. Кармановой, Т.Ф. Волковой, и ее учениками – студентами филологического факультета СыктГУ, которые ведут эту работу по сей день [3].

В настоящее время автором статьи составлена электронная база данных о всех известных материалах, связанных с личностью и книгописной деятельностью И.С. Мяндина. Она является частью банка данных о всех печорских книжниках – писцах, владельцах книжных собраний, читателях [4]. База данных о И.С. Мяндине насчитывает в настоящее время 152 документа, включающих сведения о 147 рукописях, находящихся в госу-

дарственных хранилищах, переписанных (полностью или частично) или реставрированных И.С. Мяндиным. Из этих материалов явствует, что И.С. Мяндин как книжник выступал в самых разных «амплуа»: как переписчик ранее составленных сборников или их частей; как составитель собственных сборников; как реставратор дефектных рукописей; как переплетчик; как владелец значительного книжного собрания; как покупатель и продавец отдельных рукописных книг; как автор и адресат писем как составитель документов; как автор рисунков; как читатель старинных произведений; и наконец – как писатель, редактор древнерусских и старообрядческих литературных и публицистических произведений.

Вкратце прокомментирую, какие материалы и в каком количестве имеются на данный момент в составленной нами Базе данных по всем перечисленным разделам.

I. Сборники, составленные И.С. Мяндиным

Начну с информации о литературных сборниках, составленных И.С. Мяндиным. В них сосредоточены мяндинские переделки древнерусских произведений. В настоящее время таких сборников известно 11 ИРЛИ Усть-Цилемское собр. (далее – ИРЛИ УЦ) 66, 67, 68, 70, 72, 7, 267; ИРЛИ Усть-Цилемское новое собр. (далее – ИРЛИ УЦ н.), 32; РНБ НСРК О. 100 (далее – сборник Яковleva), НБ СыктГУ УЦ р. 4 – электронная копия (далее – Торжественник Е.И. Тороповой) [5]. Многие литературные тексты, включенные в эти сборники, уже исследованы: оказались мяндинскими переработками (в частности, повести о царице львице, о Дмитрии Басарге, о новгородском посаднике Щиле, о взятии Трои, об Александре македонском (ИРЛИ УЦ 66); о царевне Персице, царе Агее, об Акире Премудром, о бесе Зерефере (ИРЛИ УЦ 67); о Тимофееве Владимирском, о некоем богоизбранном царе, поучение против лени (ИРЛИ УЦ 70); две повести о муже и жене), „Повесть об Иоанне Конаксе и о его дочерях“ из Великого Зерцала (ИРЛИ УЦ 72), Повесть двух снохах и о священнике (ИРЛИ Уц 77); сказания о библейских героях (ИРЛИ УЦ 267, сборник Яковleva): повесть о царице Динаре, апокриф – Хождение Агапия в рай, об апостоле Фоме, как строил палаты индискому царю, жития – Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, чудеса от богоодличных икона (Торжественник Е.И. Тороповой); Краткая миробытная история (ИРЛИ УЦ н. 322). Однако, еще целый ряд литературных текстов в составе этих сборников до сих пор остаются не изученными.

II. Рукописи, атрибутированные И.С. Мяндину по почерку

Большинство рукописей атрибутируется И.С. Мяндину только на основании его характерного почерка, выделяющегося из других печорских почерков своей аккуратностью, утончающимися к низу хвостиками букв «з», «р», специфическим написанием надстрочных знаков. Сам книжник, как правило, не сопровождал создаваемые им списки писцовыми записями, а свидетельства очевидцев работы Мяндина по созданию той или иной рукописи единичны. На данный момент нам известно 70 рукописей, в которых обнаружен характерный почерк И.С. Мяндина: ИРЛИ УЦ, №№ 18, 49, 66, 67, 69, 70, 72, 77, 91 [6], 207, 267 [7], 314, 321, 324, 375, 381 [8]; ИРЛИ УЦ н., №№ 2, 74, 75, 77, 99, 101, 105, 141, 143, 170, 204, 212-216, 274, 317-319, 321, 322, 325, 326, 328, 353, 354 [9]; НБ СыктГУ УЦ р., №№ 29, 32, 35, 41, 46, (электр. копия), 48, 50, 55, 70, 74, 75, 79, 81, 88, 93, 94, 99, 100, 102, 106, 132, 134, 145, 147, 149, 174, 179, 183-189, 204 [10]; НМРК, Р-85 [11]. Этот список, вероятно, увеличится после проведения целенаправленной работы с печорскими рукописями для изучения местных списков и почерков [12].

Среди этих рукописей есть и литературные сборники, и рукописи богослужебного характера: выписки из Устава и Требника (чин благодарения Бога перед принятием пищи, чин крещения, чин погребения мирии, чин исповедания др.), сборники канонов и выписки из них (например, каноны за единоумершего, канон покаянный Андрея Критского и др.), сборники тропарей, службы на церковные праздники и отдельным святым. Неоднократно переписывал И.С. Мяндин духовные стихи, помянники, синодики, слова и поучения отцов церкви, делал выписки из Евангелия. Сохранились и переписанные им отдельные богослужебные книги (например, Минея праздничная – НБ СыктГУ УЦ р. 145).

Состав рукописей, созданных И.С. Мяндиным, еще предстоит исследовать и проанализировать. В ходе их выявления в составе печорских собраний появилась и одна проблема, затрудняющая эту работу. Дело в том, что в нач. XX в. у И.С. Мяндина появились подражатели, которые очень хорошо научились передавать особенности мяндинского почерка. Эти рукописи нуждаются в особом изучении. Пока в ряде случаев трудно определить, действительно ли это рука И.С. Мяндина или работа его подражателя. Почерк таких рукописей в научных описаниях обозначается обычно как «печорский полуустав мяндинского типа» [13]. Но, возможно, это все же продукция самого И.С. Мяндина, т.к. он был очень трудолюбивым переписчиком и за время его деятельности как профессионального писца мог создать большое количество рукописей, необходимых устюцилемцам для домашнего богослужения и отправления основных треб.

Зачастую мяндинские списки составляют не весь сборник, а лишь его часть – иногда большую, иногда – наоборот, всего несколько страниц, которые попали в состав сборника позже, при его новом переплете или реставрации. Таких рукописей с мяндинскими вставками сейчас известно 9: ИРЛИ УЦ 90 (л. 47 об.–56 об.), ИРЛИ УЦ н.: 5 (л. 1–79, 101, 102, 106–106 об., 107 об.–108); 186 (л. 2–37 об., 52–66 об., 89–96 об.); ИРЛИ ВП [14] 2 (л. 267–268), РНБ НСРК О.100 (л. 1–2 об., 8–180 об.); НБ СыктГУ УЦ р.: 4 (л. 147), 20 (л. 1–23, 64–113, 189–191, 225–232), 34 (л. 1–17, 23–62, 68–76), 87 (л. 15–33).

Среди печорских рукописей встречаются и такие, которые сохранили следы реставрации, проведенной И.С. Мяндиным. В эту группу мы выделили рукописи, имеющие небольшие разрозненные вставки мяндинским почерком, представляющие собой результат реставрационных работ И.С. Мяндины. Таких рукописей нам известно 19: ИРЛИ ВП 2; ИРЛИ УЦ 71, 355, 362; ИРЛИ УЦ н. 54, 61, 65, 92, 96, 97, 118, 137, 177, 184, 186, 191, 193, 203, 216, БАН. Тек. пост. 105.

III. Рукописи, переплетенные И.С. Мяндиным

В рабочей комнате И.С. Мяндины, которую описал В.И. Малышеву во время одной из первых его поездок на Печору пижемец Т.М. Мяндин, побывавший в «кабинете» И.С. Мяндины в пору своей молодости, наряду со столом, за которым он переписывал рукописи, находился и переплетный станок [15]. В описаниях печорских рукописных собраний мы нашли указания на переплетные работы И.С. Мяндины. Нам известны четырех сохранившиеся книги, переплетенные И.С. Мяндиным: ИРЛИ УЦ н. 171 (литературный сборник XVII–XIX вв., содержащий Житие Николая Мирикского с чудесами, новеллы из Великого Зерцала, слова из Пролога к патериков, Видение Антонина Галичанина, Повесть «Степанит и Ихни лат» и др.); УЦ н. 183 (литературный сборник перв. тр. XVIII в., содержащий Житие Николая Мирикского, Слова и поучения Иоанна Златоуста, Ефрема Сир이나, Василия Великого и др. отцов церкви, Слово злых и добрых женах, Слово Ефрема Сир이나 об Иосифе Прекрасном) богослужебные сборники УЦ н. 184 (вт. четв. XVIII в.), 203 (XVIII–XIX вв.). Мы не случайно привели сведения о содержании переплетенных Мяндиным книг: любознательный книжник, без сомнения, был и их читателем, о чем свидетельствуют некоторые его собственные списки новелл Великого Зерцала, Жития Николая Чудотворца, Сказания об Иосифе Прекрасном. Таким образом, книги, переплетенные И.С. Мяндиным, по-видимому, зачастую служили для него и источниками его письменных трудов, пополняли его читательский опыт, обращали внимание на близкие ему по темам и идеям средневековые произведения.

Безусловно, рукописей с переплетами И.С. Мяндины было гораздо больше, они, вероятно, имеются и среди дошедших до нашего времени книг, но относительно них не сохранилось указаний на переплетные работы И.С. Мяндины.

IV. Писцовые, владельческие и читательские записи И.С. Мяндины

В большинстве случаев о Мяндине как писце рукописи мы узнаем, как было отмечено выше, по его почерку. Будучи профессиональным писцом, И.С. Мяндин обычно не ставил своего имени под переписанной рукописью (так поступали, как правило, переписчики-«любители», для которых это занятие было особым событием в их жизни, непривычным, запоминающимся). Тем более драгоценны те немногие случаи, когда И.С. Мяндин оставил на рукописи свою писцовую запись. Так, например, на рукописном сборнике ИРЛИ УЦ 68 (сборник сочинений соузника Аваавкума по пустозерской тюрьме – дьякона Федора и инока Авраамия – известного старообрядческого писателя XVII в. (в 4-ку, 177 л.) имеется запись на л. 1 скорописью: «*Ету книгу писал Иван Степанович, господин Мяндин, 1874 года*».

Гораздо больше сохранилось свидетельств принадлежности И.С. Мяндину старинных книг, о чем свидетельствуют его владельческие записи на них. Нам известно 7 таких рукописей из печорских собраний ИРЛИ: УЦ 55, 266, 334, 366, 374, 404, УЦ н. 119. Эти записи очень важны, так как они позволяют хотя бы частично составить представление о библиотеке усть-цилемского книжника, о возможных источниках его собственных рукописных трудов, м.б. не дошедших до нашего времени. По содержанию книги эти разные: среди них есть и литературные сборники, и богослужебные рукописи еще до никоновского времени. Так например, И.С. Мяндину принадлежал сборник-конволют кон. XVIII в.–пер. пол. XIX в. ИРЛИ УЦ 55 (в 8-ку, 55 л.), содержащий выписку из Жития Андрея Юродивого, выговское постановление о браках, духовные стихи, старообрядческое поучение о суете мирских попечений. На л. 34 об. этого сборника читается запись скорописью XIX в.: «*Принадлежит сия тетратарь крестьянину Устьцилемской волости Ивану Мяндину*». При этом Иван Степанович указывает и на писца этой рукописи: «*Списано Тимъ Венедиктовъ с подлиннаго... списка...*».

Принадлежала И.С. Мяндину и рукопись, содержавшая знаменитое «Хождение Трифона Коробейникова» (ИРЛИ УЦ 266, перв. десят. XIX в., в 8-ку, 89 л.). На л. 82 об. в конце рукописи полууставом написано: «*А писать Иванъ Мяндинъ 18...6(?)*», а ниже читается другая запись: «*Сия книга Списокъ Иеросалимской хождѣніи московскихъ купцовъ посланныхъ изъ Москвы, Ивана Мяндинна*». И далее следует указание на стоимость книги: «*цена 5 рублей*».

Среди рукописей мяндинской библиотеки были и богослужебные книги XVI – XVII вв. Одна из них – Обиходник кон. XVII в. (ИРЛИ Уц 334, в 16 д.л., 215 л.). На л. 1. здесь читается владельческая запись И. С. Мяндина: «*Принадлежит сия книга крестьянину Устьцилемской слободки Ивану Мяндину. Подписал ... (далее подпись)*». На л. 3 эта запись повторена с датой: «*Сия книга Уставъ принадлежитъ крестьянину Устьцилемской Ивану Мяндину. Подписанъ своеручно 1841-го г. февраля 17*». Эта запись воемнадцатилетнего юноши Мяндина свидетельствует о том, что формировать свою библиотеку И. С. Мяндин начал еще юношеском возрасте.

Была в библиотеке И. С. Мяндина и другая ранняя рукопись – Четвероевангелие (ИРЛИ Уц 374, посл. тр. XVI в., в 4-ку, 275 л., полуустав нескольких почерков, заставки в красках). На л. 276 скорописью сделана запись: «*Лета 7401 (1893) поступила Ивану Мяндину 30 июля*». Поставленная Мяндиным дата также представляет интерес, так как сделана она книжником за год до кончины, что свидетельствует о том, что интерес к книге, стремление собрать в своей библиотеке интересные рукописи у Мяндина не угасал до конца жизни.

Есть владельческая запись И. С. Мяндина и на рукописном Октоихе тр. четв. XVII в. (ИРЛИ Уц 404, в 8-ку, 281 л., полуустав нескольких почерков, с заставками-рамками поморского стиля). На обклейке внутри верхней крышки переплета читается скорописная запись: «*Иван Мяндин книга, цена 10 рублей*», а на обороте л. 1 еще одна запись «*Засвидетельствовать ону книжцу крестьянинъ Устьцилемской волости Иванъ Мяндинъ*».

Сохранились и две особенные владельческие записи И. С. Мяндина зафиксировавшие в одном случае факт продажи им рукописной книги, в другом – покупки рукописи. Так в 1839 г. 16-летний Иван Мяндин, уж «будучи в должности писца», купил замечательную рукопись – Уста (ИРЛИ Уц 366, посл. тр. XVI в., в 4-ку, 191 л., с киноварными заставками) содержащий литературные тексты, представляющие не только художественный, но и исторический интерес – Заздравную и Многолетнюю Ивану IV (их опубликовал В.И. Малышев, приобретший эту рукопись в Усть-Цильме [16]). На л. 190 этой книги И. С. Мяндин сделал запись о покупке: «*В должности писца подписал крестьянин Усть-Цилемска слободки Иван Мяндин, 1839-го года мая (?) 10*». На л. 191 об. читает еще одна запись о покупке этой книги, уже с указанием цены: «*Усть Цилемской слободки, подписал крестьянин, 1839-го года. Цена дана рублей 50 копеек*». А ниже на том же листе Мяндин указывает и у кого куплен Устав: «*Сия книга Ивана Мяндина. Купилъ у Матвея Абрамова Осташова. Подписанъ 1839 года, января дня*». Одна рукопись кон. XVII (ИРЛИ Уц 214, в 4-ку, 539 л.), содержавшая известное старообрядческое

сочинение «Поморские ответы», также была в библиотеке И. С. Мяндина, но он ее продал некоему Алексею, который отметил этот факт в конце книги на л. 528 об.: «*1865 года июня 27 купилъ сию книгу у Ивана Мяндина за 4 рубли серебромъ. Алексей*». Возможно, этот Алексей – не кто иной как Дуркин Алексей Игнатьевич, оставивший свои читательские записи на некоторых страницах этой рукописи, в т.ч. от 1878 г. – через 13 лет после покупки ее у И. С. Мяндина.

Оставил И. С. Мяндин и несколько читательских помет на некоторых рукописных книгах, что также дает возможность отчасти реконструировать круг его чтения. Одна из этих рукописей – литературный сборник перв. тр. XVII в. (ИРЛИ Уц 6, в 16 д.л., полуустав), содержащий Хождение Трифона Коробейникова, Повесть о царице Динаре, Сказание о Вавилонском царстве – первые памятники русской оригинальной беллетристики XV в., выписки из переводного сборника изречений «Пчела». На л. 219 об. скорописью семнадцатилетним Мяндиным сделана запись: «*Читалъ сию книгу крестьянинъ Иванъ Мяндинъ 1840-го года*». Позднее, как показало исследование Т.С. Троицкой [17], он скопировал текст одной из повестей (о царице Динаре) скорописью (сборник ИРЛИ Уц 207), а затем на основе этой скорописной копии создал собственную стилистическую редакцию Повести о грузинской царице, написав ее уже своим полууставом (Торжетвенник из собр. Е.И. Тороповой – НБ СыктГУ Уц 46 – электронная копия). Был прочитан Мяндиным и сборник ИРЛИ Уц 49 (нач. XIX в., в 4-ку, 86 л.), содержащий Житие протопопа Аввакума, его 5-ю челобитную царю Алексею Михайловичу, Видение благовещенского протопопа Терентия (памятник Смутного времени). На л. 1. рукописи частично сохранилась его запись: «*Случилось прочитать? сию книгу, глаголемую Житие Аввакума протопопа Архангельской губернии Мезенского уезда Устьцилемской волости/ крестьянину Ивану Мяндину. Подписать своеручно 1840 года*». Когда позднее археографами Пушкинского Дома была приобретена эта рукопись, из переплета книги были извлечены листы, на одном из которых крупным полудетским почерком скорописью была сделана запись: «*Обѣщался человѣкъ иѣкий не пить винца до смертнаго конца. А заповѣди Божия не исповѣдать, стать да скончать, вино усь отицать. Охъ, согрѣшилъ, вино пить разрѣшилъ. Господин Иванъ Мяндинъ руку приложилъ. Иванъ Мяндинъ сие писалъ. Иванъ Борисоновъ Мяндинъ*». Эти шутливые стихи, высмеивающие пьяниц, позже понравились юному Мяндину и он переписал их для себя, а позднее использовал листок при переплете книги.

Имя И. С. Мяндина встречается и без каких-либо комментариев на страницах некоторых рукописей. Например, Так, например, на обороте

найденного в д. Филиппово на Цильме рукописного листа, содержащего Стих о кратковременности жизни и о покаянии, читаются многочисленные надписи типа «пробы пера», в одной из которых упоминается Иван Мяндин и стоит дата «1846 г.» [18].

V Переписка И.С. Мяндина

В Усть-Цилемском собрании ИРЛИ хранится и несколько писем, в которых Мяндин выступает то как автор, то как адресат письма, то как участник описываемых событий. Эти письма отразили важные, иногда трагические и драматические страницы жизни печорского книжника. Так например, сохранилось письмо И.С. Мяндина от 5 ноября 1850 г. (ИРЛИ УЦ 295), отправленное из Усть-Цильмы на Пижму в Великопоженский скит на имя уже упоминавшегося выше Осташова Матвея Абрамовича, whom Мяндин сообщает о смерти своей матери и просит о ее поминовении в скиту и об уплате неким Вере Прокопьевне и Наталье Дементьевне по рублю. В другом письме, направленном в 1875 г. санкт-петербургскому оберполицмейстеру (ИРЛИ УЦ 301), И.С. Мяндин просит помочь ему вернуть его рукописные книги, которые на время взял него писатель С.В. Максимов во время его поездки на Печору и не вернул. Интересно, что этими книгами были Хронограф и сборник повестей, поучений и житий. Возможно, именно эти рукописи в свое время (до передачи их С.В. Максимову) послужили Мяндину источником для его сборника хронографических сказаний (ИРЛИ УЦ 267), с которого он позднее копировал и переделывал отдельные сказания в другие свои сборники (ИРЛИ УЦ 66, РНБ НСРК О. 100), для ряда повестей и житий, дошедших в Мяндинских списках и редакциях. Представляет интерес и еще одно письмо Мяндина (ИРЛИ УЦ 302), направленное в г. Мезень уполномоченному по крестьянским делам Мезенского уезда вскоре после 1882 г. В нем Мяндин пишет о несправедливых действиях старосты Чупрова и понятых при разделе общественной земли. Были у Мяндина, судя по сохранившемуся письму (ИРЛИ УЦ 303), и личные контакты с помощником Архангельского епархиального миссионера С.В. Чураковым, который в письме от 12 мая 1886 г. приглашает Мяндина для личных переговоров.

Сохранились пометы и даже рисунки И.С. Мяндина на чужих списках. Так на л. 2 письма некоего Федора Степанова Иллариону Сидорову, чу от 9 декабря 1831 г. из Выголексинского общежительства в д. Сизябскую Ижемской Волости (ИРЛИ УЦ 286) на л. 2 об. начертен план рисунок дома, снабженные подписью: «*Сей дом Демин, Устьцилемской волости. Иван Мяндин*» [19].

Все приведенные выше материалы, объединенные именем И.С. Мяндина, ранее не приводились вместе, поэтому я остановилась на них т

подробно. Но, безусловно, главной заслугой Мяндина перед его «малой родиной» – Печорским краем – были созданные им новые редакции древнерусских произведений. Подробный обзор истории их изучения и используемых Мяндиным приемов обработки древнерусских произведений дан мною в книге «Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян». Поэтому в данной публикации я лишь приведу общие статистические данные о степени изученности этого материала и свои выводы о творческой работе И.С. Мяндина над текстами древнерусских сочинений.

К настоящему времени выявлено свыше 60-ти произведений древнерусской и старообрядческой литературы, которые подверглись той или иной обработке под пером И.С. Мяндина. Среди них 14 повестей (в том числе такие памятники оригинальной русской беллетристики, как Повесть о Дмитрии Басарге, Повесть о царице Динаре; повести с исторической основой: о новгородском посаднике Щиле, о Тимофееве Владимировском; переводные повести, переработанные на русской почве: о царе Агре, о царице и львице, об Акире премудром, о царевне Персике, о происхождении табака; агиографические повести – о бесе Зерефере, Антонии Галичанине, Макарии Египетском; повести о чудесах от богоодличных икон в Новгороде, Устюге, на Афоне); апокрифы: Хождение Агапия в рай. Сказание Афродитиана, Повесть о Фоме апостоле, как он строил палаты киндейскому цаю; жития и отдельные чудеса из них: Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского; хронографические сказания: об Александре Македонском, о взятии Трои; сказания на библейские сюжеты (16 сказаний), новеллы Великого Зерцала (20 сюжетов); исторический свод «Миробытная история».

Наиболее изученными среди названных произведений являются повести, прежде всего привлекшие внимание исследователей. Анализ наблюдений исследователей разных научных центров над мяндинскими редакциями древнерусских повестей и наши собственные исследования позволили охарактеризовать основные принципы и приемы работы печорского книжника над текстом древнерусских повествовательных произведений [20].

Комплексное изучение мяндинских редакций и списков древнерусских и старообрядческих сочинений показало, что печорская рукописная традиция донесла до нас литературное явление значительного для народной, демократической культуры масштаба. Печорский книжник И.С. Мяндин, судя по усвоенному им и своеобразно переработанному значительному пласту средневековой письменности, обладал незаурядными литературными способностями, невероятным трудолюбием, широтой литературных интересов, любознательностью и стремлением донести до своих земляков – основных читателей его произведений – не только важнейшие

христианские идеи, но и почертнутые в рукописных повестях об экзотических странах и героях простые человеческие истины о правильных достойных отношениях в семье, в старообрядческой общине, между жителями одного села или деревни, помогавшие преодолевать низменные проявления человеческой природы – зависть, лень, неблагодарность, недоверие, ревность, сварливость, дававшие примеры всепобеждающего терпения и смирения, всегда вознаграждаемых Богом.

Изучение мяндинских переделок, дошедших до нас в нескольких списках, позволило заглянуть в «творческую мастерскую» крестьянского писателя, понять принципы его работы над текстом источников. Оказалось, что один и тот же сюжет иногда осмыслился печорским книжником по-разному: на разных этапах его редакторской работы активизировали разные сферы его творческого сознания, разные стилистические пласти, его «банках памяти», поэтому одни и те же персонажи предстают перед читателем в разных мяндинских списках некоторых повестей то эпическими богатырями, ассоциировавшимися у печорского читателя с любими склонными и былинными героями, живущими и действующими некоем фантастическом мире, то просто отважными любителями приключений, обитающими хоть и в далеком, но вполне конкретном мире. В одних повестях герои Мяндина мудры и прозорливы, как герои житий, и посещают видения, с ними происходят чудеса, ниспосланные Богом, в других они практичны и по-крестьянски наблюдательны, руководствуются здравым смыслом и не забывают про доставшиеся от отцов и дедов традиции и обряды. Воспитанный на назидательной христианской литературе, И.С. Мяндин всегда стремится поучать читателя на материалах заинтересовавшей его жизненной истории, почертнутой из той или иной старинной повести, напомнить ему о спасительной силе покаяния, сжигающего грехи, о терпении, помогающем победить любую беду, о престоящей – за гранью этого мира – встрече с Высшим Судией, перед которым придется держать ответ за все свои земные дела.

Вместе с тем в пересказах средневековых сюжетов И.С. Мяндин обнаруживает и совсем другие грани своей личности: рядом с суровым старообрядцем, всегда помнящим о «последних временах», зачастую появляется «лирический повествователь», долго и подробно, на своем крестьянском языке описывающий простые человеческие чувства – обиду, боль от потери близкого человека, зависть, ревность, страх. Но более всего в собственные описания и комментарии, отсутствовавшие в древнерусских текстах, печорского писателя подвигало самое «романтическое» из человеческих чувств – любовь в разных ее проявлениях: внезапная влюбленность, запретная страсть, супружеская верность. Если осваиваемый сюжет предоставлял такую возможность, И.С. Мяндин обязательно пытался описать подобные чувства своих героев, комментируя их жесты, слова

поступки и тем самым восполняя пробелы в скучных на изображение чувств древнерусских текстах.

Хорошо знакомый по старинным рукописям с языком древнерусских сочинений, уже давно ушедшими из обыденной жизни, И.С. Мяндин в своих редакциях пытается найти компромисс между читом языковой традицией и языковой культурой своих читателей – печорских крестьян второй половины XIX в. Созданные им списки древнерусских повестей отличаются не только своим построением и сюжетом, но и языком. Осторожно «входя» в новый сюжет, И.С. Мяндин сохраняет его языковую «плоть», устранив лишь совсем непонятное и чужеродное его читателям. Если сюжет понравился, печорский книжник обращался к нему вновь, позволяя себе «озвучить» его по-своему, рассказать хотя бы часть описанной истории своим крестьянским языком. Если же сюжет «не отпускал», требовал нового обращения к нему, в Мяндине писатель побеждал редактора, а древнерусский текст превращался в то, что современные филологи называют «сказом», при этом средневековый повествователь превращался в современного читателям рассказчика с характерными оборотами речи, зачастую неправильно употребленными падежами и синтаксическими конструкциями. Но все эти «неправильности» для читателей Мяндина – печорских крестьян – были близки и понятны: это была их повседневная речь, привычный им синтаксис, обычная для них орография. Может быть, именно поэтому составленные Мяндиным сборники так активно, судя по сохранившимся на них записям, читались устными, и так бережно хранились ими.

В заключение отметим, что рукописное наследие И.С. Мяндина еще очень во многом не изучено. Только в последние годы, благодаря научным исследованиям моих учеников, стали активно изучаться произведения древнерусской агиографии, переписанные И.С. Мяндиным [21]. Одно из таких исследований на материале жанра сказаний о чудотворных иконах было проведено усть-цилемской О.С. Носовой, после окончания СыктГУ работающей в усть-цилемской средней школе. Часть его в виде статьи публикуется в данном сборнике. Еще два исследования – о житиях Николая Чудотворца и Георгия Победоносца – публикуются в готовящихся к изданию научных сборниках [22]. Большая работа по изучению назидательных новелл «Великого зерцала» была проведена выпускницей СыктГУ, а ныне аспиранткой кафедры русской и зарубежной литературы Сыктывкарского университета Н.А. Кармановой, статья которой об одной из этих новелл, переработанной Мяндиным, также публикуется в данном сборнике. Продолжается силами преподавателей, студентов и аспирантов Сыктывкарского университета исследование хронографических сказаний на библейские сюжеты по спискам И.С. Мяндина, многие из которых еще остаются неизученными [23]. Нуждаются в дальнейшем

изучении мяндинские списки древнерусских и старообрядческих эсхатологических сочинений [24], апокрифов [25], памятников торжественной красноречия, читающихся в составе усть-цилемского Торжественника переписанного И.С. Мяндиным [26]. Однако и то, что уже сделано, свидетельствует о разнообразии литературных интересов печорского книжника, о постоянном поиске Мяндиным новых сюжетов и жанров для духовного окормления своих земляков. С таким же трудолюбием и мы, читатели и исследователи рукописного наследия И.С. Мяндина, должны, далее постигать художественный мир созданных им на основе традиционных текстов произведений и знакомить с ними всех, кто интересуется духовной культурой северо-русского крестьянства.

1. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. Сыктывкар, 1960 (далее – Малышев. Сборники).
2. Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома Сборник научных трудов. Л., 1985. С. 323-337.
3. Хронологический обзор исследований рукописного наследия И.С. Мяндина см. в ст.: Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 842-846; см. также: Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, С. 2005. С. 68-73.
4. О проекте Банка данных «Печорская книжность» см.: Волкова Т.Ф. Задачи и перспективы исследования книжных культурных центров на территории Республики Коми // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 2. Филология. Этнология. С. 50-56.
5. О некоторых из сборников И.С. Мяндина мы собрали информацию в специальной главе нашей книги: Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. С. 42-57.
6. См. описание этих рукописей: Малышев. Сборники.
7. См. описание: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописи XVII-XVIII вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.:Л., 1967. Т.17. С. 561-604.
8. Рукописи богослужебного характера, к которым относятся данные рукописные книги, описаны В.И. Малышевым. Описание не издано, хранится в виде машинописи в Древлехранилище им. В.И. Малышева Пушкинского Дома.
9. Усть-Цилемское новое собр. ИРЛИ имеет только рабочее машинописное описание, хранящееся в Древлехранилище им. В.И. Малышева Пушкинского Дома.
10. Описание Усть-Цилемского собрания рукописей Научной библиотеки Сыктывкарского университета содержится в книге: Памятники письменности хранящихся в Кому АССР: каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч.1. Вып

Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. С. 136-242. Часть сборников из этого собрания еще не имеют полного научного описания.

11. Описание рукописей Национального музея Республики Коми подготовлено к изданию коллективом археографов Москвы, Санкт-Петербурга и Сыктывкара.

12. В течение многих лет картотеку мяндинских рукописей ведет В.П. Будагян, нынешний заведующий Древлехранилищем им. В.И. Малышева, которого я искренне благодарю за помощь в атрибуции некоторых мяндинских списков, которые вызывали у меня сомнения.

13. Особенно много таких поздних рукописей в Усть-Цилемском собр. НБ СыктывГУ, они в основном, богослужебного содержания).

14. Верхнепечорское собрание ИРЛИ, в составе которого есть несколько рукописей с нижней Печоры.

15. Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец... С. 334.

16. Малышев В.И. Отчет об археографической командировке на Печору в 1958 году // ТОДРЛ. Т. 16. М.:Л., 1960. С. 519-520.

17. Троицкая Т.С. Повесть о Динаре в редакции И.С.Мяндина // Древнерусская книжность. (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1985. С. 36-47.

18. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописи XVII-XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. С. 598.

19. Малышев В.И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII-XIX вв. // ТОДРЛ. М.: Л., 1962. Т. 18. С. 449.

20. См. об этом: Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей, а также материалы уч. Пособия: Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян.

21. Начало этому этапу положили проведенные нами исследования Житийных памятников, связанных с именем Николая Мирликийского и Кирилла Белозерского (см.: Волкова Т.Ф.: 1) Житие святителя Николая и его чудеса в круге чтения печорских крестьян // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: Материалы и исследования. М.: М. Сканрус, 2007. С. 48-52; 2) Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Торжественника (К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С.411-421.

22. См.: Волкова Т.Ф., Плехова С.Е. Печорские списки Повести о хождении святого Николая на Первый вселенский собор // Слово и текст: история, культура, этнос: Сборник научных трудов к 60-летию Л.Я. Петровой. Сыктывкар (в печати): Волкова Т.Ф. Список Жития Георгия Победоносца в составе усть-цилемского Торжественника (К вопросу о редакторской деятельности И.С. Мяндина) // Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию Отдела редкой книги Научной библиотеки СыктывГУ (15-16 мая 2008 г. Сыктывкар В печати). В статье использованы материалы дипломной работы А. Колесниковой.

23. См.: Волкова Т.Ф. Сказания о библейских героях в рукописном наследии печорского книжника-старообрядца И. С. Мяндина // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. Сыктывкар, 2006. С. 52-91; Михайлова М.В. Библейский сюжет о царе Соломоне в хронографической и печорской редакциях

// Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев. (В печати). Готовится к защите дипломная работа Д. Исаиловой о библейских сказаниях, посвященных Юдифи, Эсфири и Далиде, по мяндинским спискам.

24. Начало их изучению уже положено моими публикациями и рядом дипломных работ, выполненных под моим руководством: Волкова Т.Ф. Эсхатологические сочинения в круге чтения Печорских крестьян // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5. С. 279-288; Погосян О. Ж. Эсхатологическая тема в старообрядческой литературе. Сыктывкар, 1990; Ивашина О.С. Слово Ефрема Сириня втором пришествии Христове и его усть-цилемский список. Сыктывкар, 1996; Ильин Ю. Н.: «Слова» Кирилла, епископа Ростовского, и «Видение» апостола Павла в составе старообрядческого эсхатологического сборника из собрания Г. В. Вокуева. Сыктывкар, 2000; см. также публикацию: Ильина Ю. Апокриф «Павлово видение» в составе компилиативного эсхатологического сочинения (по усть-цилемскому списку из собрания Г. В. Вокуева) // Вторая республиканская научно-практическая конференция «Молодые исследователи Республики Коми» (18-19 февраля 1999 года): Тезисы докладов. Сыктывкар, 1999. С. 25-26.

25. Два из них исследованы в дипломной работе: Гаева Е. П. Апокрифы «Хождение Агапия в рай» и «Деяние апостола Фомы» в печорской рукописной триадии / Научный руководитель Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2007. материалы которой еще не опубликованы.

26. О составе мяндинского Торжественника см.: Волкова Т.Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции 8-11 декабря 2003 г., Санкт-Петербург. Россия. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 163-170.

Н.А. Карманов

Печорские списки новеллы о нечестивых монахах из «Великого Зерцала»

Сборник новелл «Великое Зерцало» (далее: ВЗ) – памятник переводной литературы XVII в., получивший широкое распространение на Руси. Как показало исследование состава сохранившихся печорских рукописей новеллы ВЗ активно переписывались печорскими книжниками. К настоящему времени нами выявлено большое количество печорских списков отдельных новелл ВЗ (130), сохранился печорский сборник ВЗ, содержащий 502 новеллы первого и второго переводов – рукопись № 14 [1] из Усть-Цилемского собрания (далее: УЦ) Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Текстологическое изучение печорских списков новелл ВЗ показало, что печорские книгописцы XVIII и XIX вв. не только копировали тексты переводного сборника, но и создавали новые редакции новелл. Наиболее интересны и оригинальны обработки

новелл ВЗ, составленные талантливым печорским книжником И.С. Мяндиным (1823-1894) [2]. Известно 19 новелл ВЗ (27 списков), которые этот книжник переписал и с разной степенью глубины отредактировал [3]. Мяндинские варианты новелл ВЗ отличаются упрощенной фабулой, драматичным сюжетом, стремлением к ясности и мотивированности сюжетного действия, что делает повествование средневекового текста более прямым и доступным для читателя-крестьянина. Кроме того, в мяндинских обработках сюжетов ВЗ нашли отражение реалии печорской действительности, старообрядческая идеология печорских крестьян, проявились литературные вкусы Мяндина и волновавшие его проблемы.

В настоящей статье введем в научный оборот еще одну мяндинскую переработку новеллы из ВЗ, до сих пор не известную исследователям.

Новелла о нечестивых монахах входит в состав сборников ВЗ первого перевода под названием «О страшном отмщении трех блудных пьяниц» (гл. «Объядение и пияньство», прилог 2 [4]); в сборниках второго перевода эта новелла отсутствует [5]. Сохранилось три печорских списка данной новеллы: один из них, наиболее ранний по времени создания [6], находится в составе печорского сборника ВЗ УЦ-144 (лл. 143 об.-144), второй список переписан рукой Мяндина и читается в сборнике УЦ-70 [7] (л. 92-94 об.), третий список, поздний, переписан полууставом мяндинского типа и содержится в рукописи №50 [8] из Усть-Цилемского собрания Научной библиотеки Сыктывкарского университета (далее: УЦр.) (л. 3 об.-6).

Рассмотрим, насколько печорские списки новеллы соответствуют первому переводу.

По содержанию рассматриваемая новелла относится к группе новелл ВЗ, раскрывающих недостатки и пороки служителей церкви. Изображению пороков духовенства и того, какое возмездие ожидает монахов, священников и епископов за обжорство, пьянство, разврат, гордость, лень, стяжательство и другие грехи, посвящена достаточно большая часть новелл ВЗ [9]. Целью составителей ВЗ при включении подобных новелл в сборник было исправление духовенства, очищение нравов церковнослужителей, но одновременно эти рассказы выступали и как обличение, сатира на представителей церкви [10]. Интерес печорцев к новеллам подобной тематики мог быть обусловлен их старообрядческой идеологией [11]. Исследователи не раз отмечали особое внимание старообрядцев к новеллам ВЗ о еретиках, «дурных духовных и епископах» [12]. Очевидно, рассказы, изображающие многочисленные грехи лиц духовного сана, подтверждали мысли старообрядцев о близости «последних времен» и приходе Антихриста. Неслучайно в двух печорских сборниках (УЦ-70, УЦр.-50) новелла о нечестивых монахах читается рядом с выписками о «последнем времени» и «знамениях» перед Страшным судом.

Содержание новеллы в печорских списках в целом сохраняется. Пере скажем основные моменты фабулы. В одном из монастырей «Флянь дрии» живут три монаха, «объядьщи», «спящици» и «блудники». Однажды ночью, после очередной оргии, один из героев, «не толико злый» предлагает прекратить бесчинствовать и поблагодарить Бога. Другой же монах, «блуднійший», в ответ говорит, что будет благодарить дьявола, не Бога. Как только герои легли на постели со своими наложницами, в комнату вошел бес в образе великана, одетого «ловчим», в сопровождении двух бесов-«поваров». Бесы находят среди спящих монахов того, который предложил поблагодарить дьявола, и казнят его – жарят в печи. После казни бесы уходят, напугав оставшихся в живых монахов обещанием более страшного возмездия, если те не покаятся. Монахи приходят в себя только днем и находят в подтверждение истинности совершившейся ночью казни «спекьшеся» тело своего друга. Повествование завершается словами рассказчика о том, что «от вѣку» он не слышал более страшной и поучительной истории, и что он знает «мѣсто», где это произошло, но не станет его раскрывать.

При сравнении трех печорских списков рассматриваемой новеллы с списком XVII в. П обнаруживается, что текстуально ближе всего к списку П список из сборника УЦ-144. Текст списка УЦ-144 незначительно отличается от текста списка П: в печорском списке иногда пропущены или наоборот внесены некоторые слова, не несущие значительной смысловой нагрузки, употреблены иные грамматические и орфографические варианты отдельных слов, наблюдаются синонимические замены и перестановки слов. Единственное сюжетное различие списков П и ИРЛИ УЦ-144 – пропуск в УЦ-144 мотива нежелания рассказчика раскрыть имена героев и конкретное место действия, ср.:

П	ИРЛИ УЦ-144
...обаче безъ опасения не можетъ воспомянуться. Имени и мѣста не повѣти. Во Фляндріи...(л. 451).	обаче бѣзъ опасения не можетъ воспомянуться. Во Фляндріи...(л. 144).

Таким образом, печорский список УЦ-144 довольно точно передает текст списка XVII в.

Следующий по времени создания печорский список новеллы о монахах-нечестивцах – список ИРЛИ УЦ-70, переписанный рукой Мяндина. Прежде чем охарактеризовать индивидуальные особенности мяндинской списка, рассмотрим вопрос об источниках его текста. В качестве текста источника Мяндин мог использовать список УЦ-144. Изучение рукописи УЦ-144 показало, что этот сборник новелл В3 был хорошо известен Мяндину: книга была им отреставрирована, о чем свидетельствует характер

мяндинский почерк, которым дописаны строки текста на подклеенных листах рукописи. Однако, при сравнении списков П, ИРЛИ УЦ-144 и ИРЛИ УЦ-70 наблюдаются чтения, общие для списков П и УЦ-70 и отсутствующие в списке УЦ-144. Приведем примеры:

П	ИРЛИ УЦ-144	ИРЛИ УЦ-70
1. (этую историю – Н.К.) безъ опасения не можетъ воспомянуться. Имени и мѣста не повѣти. Во Фляндріи есть единъ монастырникъ...(л. 451).	1. ... бѣзъ опасения не можетъ воспомянуться. Имени и мѣста не повѣти. Во Фляндріи есть единъ монастырникъ...(л. 144).	1. ...безъ опасения не можемъ воспомянуть. Я имени и мѣста не повѣти. Во Франдии есть единъ монастырь...(л. 92).
2. ... вѣщую самою обѣядницы и блудницы (л. 451).	2. ... вѣщую самою обѣядницы и тиаццы, и блудницы (л. 144).	2. ...вѣщую же самою обѣядницы и блудницы (л. 92-92 об.).
3. Во единъ день и яко уже яко в полуночи пиша и ядуще (л. 451).	3. Во единъ же день уже яко в полуночи тиаху и ядяху, и бѣзаконие творяху (л. 144)..	3. Во единъ же от днни яко уже в полуночи пиша и ядуще (л. 92 об.).
4. «Довѣть уже ясти и пить, и беззаконство вати, уже время благодарити Господа» (л. 451).	4. «Довѣтесть уже, времѧ благодарити Господа» (л. 144)	4. «Ядоша и пиша, беззаконноваше, уже времѧ благодарити Господа» (л. 92 об.).
5. с нимъ же два малыхъ повари ходяще по храминѣ и созиряху на постели лѣжащихъ (л. 451 об.).	5. с нимъ же малыхъ 2 повара ходяще по храминѣ и назираху на постеляхъ лѣжащихъ. (л. 144).	5. с нимъ же два малыхъ повары ходяще по храминѣ и созираху на постеляхъ лежащихъ (л. 93).
6. Восхити с постели трепещущагося и уже от страха умирающаго (л. 451 об.).	6. Восхитиъ оного съ постели и уже от страха умирающаго (л. 144).	6. И аbie восхити с постели трепещущаго и уже от страха умираща (л. 93-93 об.).
7. Абие по семь оныи ловчий ко онымъ двоимъ, иже от страха под покрывалами едва живы лѣжаху, рече... (л. 451 об.).	7. По семь дияволь ко онымъ двоимъ, еже от страха подкрывала едва живы лѣжаху, рече... (л. 144).	7. По семь оныи ловчий рече ко онымъ двумъ, иже от страха покрывали покрышаши, едва живы лежаху (л. 93 об.-94).

Число примеров можно было бы и увеличить, но достаточно и приденных, чтобы показать, что в основе мяндинского списка лежал не список новеллы из сборника УЦ-144, а какой-то иной, не известный нам список, более близкий по тексту списку П.

Сопоставление списка Мяндина со списками П и УЦ-144 выявляет сюжетные и текстуальные отличия мяндинского списка как от списка УЦ-144. Возможно, эти отличительные черты мяндинского списка заимствованы из не известного нам списка-источника, однажды характер некоторых выявленных изменений текста новеллы в мяндинском варианте указывает на их оригинальность и демонстрирует, на взгляд, творческое отношение печорского книжника к переписываемому тексту новеллы В3.

Во-первых, в списке УЦ-70 может быть отмечено характерное для мяндинских переработок изменение концовки источника. Если в списке П (како от диавола произведен царем, новелл В3 о двух калугерах, о раскаянии и духовного возрождения человека. Повести о раскаявшихся грешниках часто привлекали внимание печорского книгописца (см., например, мяндинские обработки повестей о Тимофееве Владимирском, о новгородском посаднике Щиле, о гордом царе Агее, об убогом человеке, о котором говорится в списке ИРЛИ УЦ-70) наблюдается сокращение текста истории и о своем нежелании сообщить конкретное место действа. Ряд сокращений, осуществленных в списке УЦ-70, на наш взгляд, обусловлен стремлением печорского автора привести монахов-грешников в конце повествования к покаянию. Так, например, здесь пропущены некоторые детали, усиливающие отрицательный образ персонажей – рисующие монахов дерзкими богохульниками. Сравним тексты:

П	ИРЛИ УЦ-144	ИРЛИ УЦ-70
...(монахи – Н.К.) тии не могоша прийти въ чювьство, и уже день бысть ясень, егда воссташа и обрѣтоша друга умѣрша, спекыщеся. Не вѣмъ от вѣку, аще ли что ино страшливѣе сего бысть в прилогу в пользу общую. Вѣмъ мѣсто и закон, обаче обое молчаниемъ преходъду (л. 451 об.-452).	...тии не могоша въ чювьство прийти, и уже день бысть ясень, восташа и обретоша друга умѣрша, спѣкыщася. Не вѣмъ от вѣка, аще ли что страшливое сего бысть въ приложе въ пользу общую. Вѣмъ мѣсто и закон, обаче обое мольчаниемъ проходъду (л. 94-94 об.).	По отшествии же сего (беса – Н.К.) два оставшии мниши сда въ чювьство придоша, абиес узрѣша своего друга испечена, яко главину почернѣвшихъ, зѣло убоявшись и от страѣжаша, оставивши всѧ. И взыскаша духъ нааго отца, искуна зѣло, и тому побѣди со многими слезами страшное оно наказание другу своему, и покаявши, добѣрѣ вѣтъ скончавше и Бодру свои предавши с миромъ (л. 94-94 об.).

Впервые появление новых концовок в мяндинских обработках было отмечено В.И. Малышевым: при анализе мяндинских списков «Повести о царевне Персике» и «Повести о царице и лвице» исследователь указал на добавление концовок, содержащих обращение к народу [13]. В ряде случаев концовки, введенные печорским редактором, содержат авторское поучение, обращенное к читателю [14]. В рассматриваемой новелле В3 новая концовка развивает одну из любимых мяндинских тем – тему покаяния и духовного возрождения человека. Повести о раскаявшихся грешниках часто привлекали внимание печорского книгописца (см., например, мяндинские обработки повестей о Тимофееве Владимирском, о новгородском посаднике Щиле, о гордом царе Агее, об убогом человеке, о котором говорится в списке ИРЛИ УЦ-70) наблюдается сокращение текста истории и о своем нежелании сообщить конкретное место действа. Ряд сокращений, осуществленных в списке УЦ-70, на наш взгляд, обусловлен стремлением печорского автора привести монахов-грешников в конце повествования к покаянию. Так, например, здесь пропущены некоторые детали, усиливающие отрицательный образ персонажей – рисующие монахов дерзкими богохульниками. Сравним тексты:

П	ИРЛИ УЦ-144	ИРЛИ УЦ-70
Во единъ день...в полуночи пияще и ядуше. Единъ...рече: «Довлесть уже ясти и пити...время благодарити Господа». Рече же другой...: «Аз диявола буду благодарити и вамъ совѣщаю тако сотворити, ибо ему работаемъ». И тако со смѣхомъ воставше от трапезы и падоша на постели всяки со своею наложницею. И едва токмо лягла, и се в храмину дияволь... (л. 451-451 об.).	Во единъ же день...в полуночи пияху и ядяху... Единъ...рече: «Довлееть уже, время благодарити Господа». И рече другие...: «Азъ буду диявола благодарити и вамъ совѣщаю тако сотворити, ибо ему работаемъ». И тако со смѣхомъ воставше от трапезы, пойдоша на постели своя всякий со своею наложницею. Едва жъ токмо возлѣгша, и се во храмину дияволъ ... (л. 144).	Во единъ же от дній...в полуночи пияща и ядуща. Единъ...рече: «Ядоша и тиша...уже время благодарити Господа». Рече же други...: «Азъ буду диявола благодарити и вамъ совѣщаю тако же творити, ибо ему работаемъ». И тако воставше от трапезы, пойдоша на постели своя всякий со своею наложницею. Едва жъ токмо возлѣгша, и се во храмину дияволъ ... (л. 92 об.-93).

Как видим, в мяндинском списке сокращено упоминание о всеобщем смехе и блуде, следующих после произнесенного одним из героев богохульства. Подобная редакционная правка, на наш взгляд, несколько «смягчает» образы монахов-грешников.

Введенной далее темой покаяния может объясняться и пропуск в списке УЦ-70 упоминания о том, что монахи оправились от страха посночной казни только днем, ср.:

П	ИРЛИ УЦ-144	ИРЛИ УЦ-70
... (монахи – Н.К.) тии не могоша приити въ чювьство, и уже день бысть ясен, егда восташа и обрѣтоша друга умѣрша, спекшася (л. 451 об.-452).	...тии не могоша въ чювьство приити, и уже день бысть ясен, восташа и обретоша друга умѣрша, спѣкшася (л. 144).	<i>По отиществии же сего (беса – Н.К.) два оставши мниси едва в чювьство приидоша, абие узрѣша своего друга испечена, яко главню ночерѣвшися, зѣю убояннися и от страха бѣжаша, осталыеся ся. И взыскана духовнаго отца... и покаяннися (л. 94-94 об.).</i>

Если в списках П и УЦ-144 пропущенная в списке УЦ-70 деталь предназначена показать высокую степень ужаса, который охватил героев, ставших свидетелями страшной смерти их друга, то в мяндинском списке в связи с последующим покаянием героев эта подробность становится лишней: сильный страх не дает героям дождаться утра, он заставляет их бежать из монастыря и каяться в грехах.

В-третьих, в списке ИРЛИ УЦ-70 можно отметить стремление редактора прояснить и мотивировать повествование. Эта тенденция также раз отмечалась исследователями мяндинских переделок старинных произведений [16]. Покажем отмеченную особенность на примере «поучения» к монахам, которое произносит бес в рассматриваемой новелле.

П	ИРЛИ УЦ-144	ИРЛИ УЦ-70
Абис по семь оныи ловчий ко онымъ двоимъ, иже от страха подкрывала едва живы лѣжаху, рече: «Достойни вы сию казнь прияти, и хочу тако сотворити, но сила вящшая сие ми	По семь дияволъ ко онымъ двоимъ, еже от страха подкрывала едва живы лѣжаху, рече: «Достойни вы сию казнь прияти, и хочу тако сотворити, но вища сия ми возбранять се, уже отхожу не-	По семь оныи ловчии рече ко онымъ двумъ, иже от страха покрывали покрышаися, едва живы лѣжаху: «Достойни и вы сей казни, и хотѣль бы вами то же сотворити, но нѣкая сила ми возбранять се, уже отхожу не-

возбранять и не с радостию отсель одходи и глаголю вамъ спасайтесь, да что страшливѣ не найдѣть на вы»
(л. 451 об.).

браниет, и не с радостию отсель отхожи-ду. Спасайтесь, да что страшливое не найдѣть на вы»
(л. 144).

охотно, оставляя васъ не наказанны за ваше беззаконие, и аще не уцѣломудритеся, то васъ постигнетъ страшливѣ сего, яже здѣ сотворихъ
(л. 93 об.-94).

Как видим, в список ИРЛИ УЦ-70 вводится мотивировка чувств одного из персонажей: бес объясняет собственное «чувство неудовлетворения» («отхожу неохотно») тем, что не казнил двух заслуживающих наказания нечестивцев. Кроме того, в мяндинском списке конкретизируется туманная «рекомендация» беса монахам: вместо «широкого» по значению «спасайтесь» заявлено конкретное требование целомудрия – «уцѣломудритеся». Также в списке УЦ-70 уточняется угроза беса: последующее возмездие монахам будет «страшливѣ» по сравнению с только что совершенной им казнью.

С целью прояснения текста источника в списке УЦ-70 сокращаются неясные, «темные», места. Сравним:

П	ИРЛИ УЦ-144	ИРЛИ УЦ-70
Оный ловчий ко онымъ двоимъ...рече: «Достойни вы сию казнь прияти...глаголю вамъ, спасайтесь, да что страшливѣ не найдѣть на вы». Погибе же страхъ оны, но тии не могоша приити въ чювьство	...дияволъ ко онымъ двоимъ...рече: «Достойни вы сию казнь прияти... спасайтесь, да что страшливое не найдѣть на вы». Погибъ же страхъ оны, но тии не могоша въ чювьство приити	...оный ловчий рече ко онымъ двумъ...: «Достойни и вы сей казни...и аще не уцѣломудритеся, то васъ постигнетъ страшливѣ сего, яже здѣ сотворихъ». <u>По отишествии же сего два оставши мниси едва в чювьство приидоша</u> (л. 93 об.-94 об.).

Как видно из приведенных примеров, в мяндинском списке пропущен неясный фрагмент предложения, взамен вставлен фрагмент, соединяющий по смыслу предложение с предыдущим.

Итак, перечислим новые черты, которыми характеризуется список ИРЛИ УЦ-70 по сравнению со списками П и ИРЛИ УЦ-144: новая концовка, развивающая тему покаяния героев, сокращения, обусловленные новым поворотом сюжетного действия, прояснение повествования. Скорее всего, эти особенности мяндинского списка являются нововведением печорского книжника, т.к. находят соответствия в уже исследованных

мяндинских переработках и неоднократно отмечались филологами, присущие творческой манере Мяндина-редактора.

Следующий печорский список новеллы о грешных монахах НБ СыГУ УЦ р.-50 согласно описанию был создан позже списков ИРЛИ УЦ-144 и УЦ-70. Список УЦ р.-50 содержит только часть текста новеллы, повествование обрывается на сюжетном эпизоде, описывающем казнь монаха. В сохранившейся части текста список УЦ р.-50 представляет собой довольно точную копию мяндинского списка УЦ-70, причем «копирование» мяндинского списка наблюдается и на уровне почерка текста списка УЦ р.-50 написан полууставом, очень похожим на мяндинский полуустав. В связи с неполнотой списка УЦ р.-50 нельзя отметить наличие новой концовки, но ряд сокращений, характерных для мяндинского списка, в списке УЦ р.-50 присутствуют, например, наблюдается пропуск деталей, изображающих монахов дерзкими богохульствами. Покажем на нескольких примерах практическую текстуальную идентичность данных списков, для сравнения приведем также текст печорского списка ИРЛИ УЦ-144:

ИРЛИ УЦ-144	ИРЛИ УЦ-70	ИРЛИ УЦ р.-50		
1. Сие, нынѣ повѣмъ, яко недавными времены бысть. Много может быти сихъ, ихъ же совершиено и извѣсно есть, обаче бѣз опасения не может воспомянутися. Во Фляндріи есть манастиръ, въ немъ же токмо 3 мниха живяху, вѣщю самою объядницы и блудницы (л. 143 об.-144).	1. Сие же повѣмъ, яко недавными времены бысть. Много можетъ быть сихъ, ихъ же совершиено извѣстно есть, обаче без опасения не можемъ воспомянуты. Я имени и места не повѣмъ. Во Франдии есть единъ монастырь, въ немъ же токмо три мнихи живяху, вѣщю же самою объядницы и блудницы (л. 92-92 об.).	1. Сие же повѣмъ, яко недавными времены бысть. Много можетъ быть сихъ, ихъ же совершиено извѣстно есть, обаче без опасения не можемъ воспомянуты. Я имени и места не повѣмъ. Во Франдии есть единъ монастырь, въ немъ же токмо три мнихи живяху, вѣщю же самою объядницы и блудницы (л. 92-92 об.).	«Азъ буду диявола благодарити и вамъ совѣщеваю тако сотворити, ибо ему работаемъ». И тако со смѣхомъ воставше от трапезы, пойдоша на постели своя всякий со своею наложницею. Егда жъ токмо возлѣгоща, и се во храмину дияволъ приидѣ во образъ величаго исполина... (л. 144).	«Азъ буду диявола благодарити и вамъ совѣщеваю тако же творити, ибо ему работаемъ». И тако возлегоша. И се вниде в храмину дияволъ во образѣ величаго исполнена... (л. 92 об.-93).
2. Во единъ же день уже яко в полуночи пияху и ядяху, и бѣзаконие творяху. Единъ, не токмо злый, рече: «Довлееть уже время благодарити Господа». И рече други, блуднейший: «А	2. Во единъ же от дній яко уже в полуночи пияца и ядуще. Единъ, не токмо злый, рече: «Ядоша и пияше, бѣзаконнование, уже время благодарити Господа». Рече же други, блуднейший:	2. Во единъ же от дній яко уже в полуночи пияца и ядуще. Единъ, не токмо злый, рече: «Ядоша и пияше, бѣзаконнование, уже время благодарити Господа». Рече же други, блуднейший:	3. И аbie восхити с постели трепещущаго и уже от страха умирающа и взем его, и вда поваромъ, и повелѣвъ его у пеци на рожнѣ жарити. И аbie возгнѣздишь великий огнь, охапно с радостию повѣльши исполнятьть, пѣкут проклятаго окаяннаго, а онъ уже умѣръ (л. 144).	3. И аbie восхити с постели трепещущаго и уже от страха умирающа и вземъ его, и вда поваромъ, и повелѣвъ его у пеци на рожнѣ жеци. И аbie возгнѣздишь велий огнь, они же повелѣши исполнитьша с охотою и начаша пекчи окаяннаго онаго, дондеже с нуждею живота лишися (л. 93-93 об.).

Как видим, расхождения между списками УЦ-70 и УЦ р.-50 очень незначительны и касаются, главным образом, орфографического оформления. Существование такого печорского списка, представляющего копию мяндинского списка ИРЛИ УЦ-70, очень важно, т.к. свидетельствует о распространении на Печоре именно местной редакции произведения.

Итак, подведем итоги. Из трех сохранившихся печорских списков новеллы В3 о нечестивых монахах к тексту первого перевода ближе всех оказался список из сборника ИРЛИ УЦ-144. Различия списка XVII в. и печорского списка УЦ-144 носят текстовый характер и не влияют на идейно-тематическую концепцию новеллы. Наиболее интересным является печорский список ИРЛИ УЦ-70, составленный Мяндиным. В мяндинском варианте расширяется тематика новеллы – наряду с темой «покровов» священнослужителей и возмездия за грехи вводится тема покая-

8. НБ СыктГУ, УЦр.-50 – сборник ХХ в. (нач.), в 8-ку, 6 л., печорский полу-
ния грешников. Повествование в мяндинской версии становится бо-устав мяндинского типа. Кроме фрагмента новеллы из В3 рукопись содержит ясным и мотивированным. Именно мяндинский вариант новеллы ока-выписку о «знамениях» перед страшным судом, выписку «О кресте господни»
ся ближе печорцам, о чем свидетельствует наличие списка НБ СыктГУ (см. описание сборника: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР:
УЦ р.-50, составитель которого скопировал текст Мяндина.

В приложении к статье мы публикуем тексты новеллы о нечестивца-Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописное собрание
минахах по следующим спискам: РНБ, Погод. №1382, ИРЛИ УЦ-144, УЦ-70, НБ СыктГУ УЦ р.-50. СыктГУ, Сыктывкар, 1989. С. 165). Принадлежность новеллы к В3 была установ-
лена нами.

9. Державина. Великое Зерцало. С. 74-78.

10. Там же. С. 78.

11. Из рассказов В3 указанной тематической группы кроме новеллы о мона-
хах-грешниках внимание печорских книжников привлекли рассказы о гордом
отшельнике и смиренном разбойнике (УЦр.-250), о епископе, впавшем в грех

1. ИРЛИ. УЦ-144 – рукопись 1817 г., в лист. 269 лл., полуустав. См. описание *преподобия* (сборник №170 из Усть-Цилемского нового собр. ИРЛИ (далее: УЦН).
ние рукописи: 1. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-УЦН), о нерадивом попе (УЦр.-140, БАН. Тек. пост. №413), об инокине, впавшей
в грех (УЦН-358, УЦр.-140).
Сыктывкар, 1960. С. 158-159 (далее: Малышев. Сборники.). 2. Державина в «блудный» грех (УЦН-358, УЦр.-140).
«Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965 (далее: Державин. Великое Зерцало.) С. 171-172.

2. О биографии И.С. Мяндина см.: Малышев В.И. Усть-цилемский книго-
сец и писатель XIX века И. С. Мяндин // Древнерусская книжность: по матер-
ериалам Пушкинского дома. Л., 1985. С. 323-337; обзор исследований о И. С. Мянди-
ном Степанович Мяндин – редактор древнерусских повес-
(Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника
ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839-890).

3. Характеристику тематики мяндинских списков новеллы В3, принципов
дакторской работы с материалом В3, характерных для И.С. Мяндина, опубли-
ванные 15 мяндинских списков новеллы см.: Карманова Н.А. Печорский крест-
нин-старообрядец И.С. Мяндин – переписчик и редактор новелл «Великого Зер-
цала» // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 11 (да-
 Карманова. Мяндин – переписчик и редактор.). С. 90-110.

4. При исследовании мы использовали сборник В3 первого перевода Рос-
сийской национальной библиотеки (РНБ). собр. Погод. №1382 (см. характеристи-
рукописи: Державина. Великое Зерцало. С. 156). Новелла о нечестивых мона-
хах читается в этом сборнике на листах 451-452 (далее: список Г).

5. Второй перевод В3 (260 новелл, «новонапереведенных» в конце XVII в.)
опубликован в монографии О.А. Державиной по рукописи Российской госуда-
венной библиотеки (РГБ). собр. Ундельского. №532. (см.: Державина. Вели-
кое Зерцало. С. 175-422).

6. По записи писца рукопись УЦ-144 датируется 1817 г. (см.: Малышев. Сборники. С. 158). Два других печорских списка были созданы позже.

7. ИРЛИ. УЦ-70 – сборная рукопись 1882 г., в 8-ку, 165 л., печорский полу-
устав руки Мяндина. Кроме новеллы о нечестивых монахах сборник содержит
выписки об антихристе, последнем времени, причастии, отступлении от веры
«знамениях» перед страшным судом, поучение к ленивым, повесть о Тимофееве
Владимирском, повесть об убогом человеке, како от диавола произведен царя
новеллу В3 о царе и его брате, фрагмент новеллы В3 «о двою брату», послания
Аввакума и др. (см. описание рукописи: Малышев. Сборники. С. 119-121).
Принадлежность новеллы к В3 была установлена нами, в описании сборника УЦ
В.И. Малышев никак не прокомментировал эту новеллу.

12. Владимиров П.В. «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной ли-
тературы XVII в.). М., 1884. С. 76: Державина. Великое Зерцало. С. 101.

13. Малышев В.И. Усть-Цилемская обработка «Повести о царевне Персике» //
Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 328. 330.

14. Подробнее см. в следующих статьях: Рыкова Е.А., Щучалина С.В. К во-
просу о круге произведений И.С. Мяндина // Исследования по истории книжной и
традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. трудов. Сыктывкар.
1997. С. 49; Карманова. Мяндин – переписчик и редактор. С. 94-95.

15. Некоторые из этих произведений, например, повесть о Тимофееве Влади-
мирском, повесть об убогом человеке, входят в состав сборника ИРЛИ УЦ-70,
включающего новеллу о нечестивых монахах.

16. См.: Ширмакова Е.П. Повесть о Басарге в усть-цилемской переработке //
Древнерусская книжность: источниковедение. Л., 1984. С. 268: Карманова. Мян-
дин – переписчик и редактор. С. 93.

Приложение

Прилог 2. О страшном отмщени трех блудныхъ пияницъ.

Сие, еже нынѣ повѣмъ, яко недавными времены бысть. Много можетъ быти сихъ, ихъ же совершенно извѣстно есть, обаче безъ опасения не можетъ воспомянуться. И имени и мѣсто не повѣмъ.

Во Фляндрии есть единъ монастырникъ, в нем же токмо три мнихи живяху, вѣшию самою обядницы и блудники. И всяки от нихъ имѣяше наложницу свою, и никоего же тамо стыда и срама бысть. Вкупѣ обядахуся, пияху и бѣзаконие творяху. Во единъ же день уже яко в полуночи пияще и ядуще. Единъ, не толико злыи, рече: «Довлееть уже, время благодарити Господа». И рече други, блуднейши: «А азъ буду диявола благодарити и вамъ совѣщаю тако сотворити, ибо ему работаемъ». И тако со смѣхомъ воставше от трапезы и падоша на постели всяки со своею наложницею (л. 451 об.). И едва токмо лягуша, и се в храмину дияволь [1] в о образѣ вѣликого и сполина, страшнаго и чернаго, въ одежду ловъчаго, с нимъ же два малыхъ повари ходяще по храминѣ и созиряху на постели лѣжащихъ. По семъ страшнымъ гласом рече: «Гдѣ той есть, иже мнѣ благодарение воздадѣ, скажу, еже совершился». Восхити с постели трепещущаго и уже от страха умиряющаго и отда его поваромъ, повелѣваше его у пѣши на рожьнѣ [2]. И абие возгнѣши вѣли огнь, хотѣно с радостию повѣление исполняютъ, пекутъ проклятаго и окаяньяго, а онъ уже умер. Исполнися храмина смрада от печенаго тѣла. Абие по семъ оныи ловъчий ко онымъ двоимъ, иже от страха под покрывалами едва живи лежаху, рече: «Достойни вы сию казнь прияти, и хощу тако сотворити, но сила вящшай сие ми возбраняетъ, и не с радостию отсѣлѣ одхожду и глаголю вамъ, спасаитесь, да что страшливѣ не найдеть на вы». Погиб же страх оны, но тии не могоша приити въ чювѣство, и уже день бысть (л. 452) ясень, егда восташа и обрѣтоша друга умѣрша, спѣкшагося.

Не вѣмъ от вѣка, аще ли что ино страшливѣ сего бысть в приложу в пользу общую. Вѣмъ мѣсто и закон, обаче обое молчаниемъ проходъ.

РНБ. Погод. 1382. Л. 451-452.

О страшномъ отмщении трехъ блудныхъ пьяницъ.

Сие, нынѣ повѣмъ, яко недавными времѣни бысть. Много можетъ быти сихъ, (л. 144) ихъ же совсѣмъ и извѣстно есть, обаче бѣзъ опасения не можетъ воспомянуться.

Во Фляндрии есть манаstryрь, въ немъ же токмо 3 мниха живяху, вѣшию самою обядницы и пияницы, и блудники. И всяки от нихъ имѣяше наложницу свою и никоего же стыда и срама не имаху. Вкупѣ обядахуся и пияху, и бѣзаконие творяху. Во единъ же от днинъ яко уже в полуночи пияща и ядуще. Единъ, не толико злыи, рече: «Ядоша и пияще, бѣзаконноваше, уже время благодарити Господа». И рече други, блуднейши: «А азъ буду диявола благодарити и вамъ совѣщаю тако сотворити, ибо ему работаемъ». И тако со смѣхомъ воставше от трапезы, пойдоша на постѣли своя всяки со своею наложницею. Егда жъ токмо возлѣгша, и се во храмину дияволь приидѣ во образѣ вѣликаго исполнна, страшнаго и чернаго, во одѣжди ловъчам, с нимъ же малыхъ 2 повара ходяще во храминѣ и назираху на постѣли лѣжащихъ. По семъ страшнымъ гласом рече: «Гдѣ той есть, иже мнѣ благодарение хотѣ воздати, скажу, еже совсѣмъ иссякъ». Восхитивъ оного съ постели и уже от страха умиряющаго и отда его поваромъ, повѣлѣваша его у пѣши на рожьнѣ [2]. И абие возгнѣши вели огнь, хотѣно с радостию повѣление исполняютъ, пѣкуютъ проклятаго и окаяньяго, а онъ уже умѣръ. Исполнися храмина смрада от пѣченаго тѣла [3]. По семъ дияволь ко онымъ двоимъ, еже от страха подкрывала едва живы лѣжаху, рече: «Достойни вы сию казнь прияти, и хощу такождѣ сотворити, но сила вящшай сия ми возбраняетъ, и не с радостию отсѣлѣ отхожду. Спаситеся, да что страшливие не найдѣть на вы». Погиб же страх оны, но тии не могоша въ чювѣство приити, и уже день бысть ясень, восташа и обрѣтоша друга умѣрша, спѣкшагося.

(ИРЛИ. Усть-Цилемское собр. №144. Л. 143 об.-144).

О страшномъ отмщении трехъ блудныхъ пьяницъ

Сие же повѣмъ, яко недавными времены бысть. Много можетъ быти сихъ, ихъ же совершенно извѣстно есть, обаче безъ опасения не можемъ воспомянуть [4]. Я имени и мѣсто не повѣмъ.

Во Франдии есть единъ манаstryрь, в немъ же токмо три мнихи живяху, вѣшию же самою обядницы (л. 92 об.) и блудницы. Всяки от нихъ имѣяше наложницу свою и никоего же стыда и срама не имаху. Вкупѣ обядахуся и пияху, и бѣзаконие творяху. Во единъ же от днинъ яко уже в полуночи пияща и ядуще. Единъ, не толико злыи, рече: «Ядоша и пияще, бѣзаконноваше, уже время благодарити Господа». Рече же други, блуднейши: «Азъ буду диявола благодарити и вамъ

совѣщеваю тако же (л. 93) творити, ибо ему работаемъ». И тако возлегоша. И се вниде в храмину дияволъ во образѣ великаго исполнина, страшна зѣло и черна, во одежди ловчаго, с нимъ же два малыхъ повары ходяще по храминѣ и созираху на постеляхъ лежащихъ. По семь страшнымъ гласомъ рече: «Гдѣ той есть, иже мнѣ благодарение воздаде?». И аbie восхити с постели трепещущаго (л. 93 об.) и уже от страха умирающа и вземъ его, и вда поваромъ, и повелѣ его у пеши на рожнѣ жещи. И аbie возгнѣзтьше велий огнь, они же повелѣниe исполнита с охотою и начаша пекчи окаянного онаго, дондеже с нуждею живота лишися. И исполнися храмина смрада печенаго тѣла. По семь оныи ловчии рече ко онымъ двумъ, иже от страха покрывалы покрышаися (л. 94), едва живы лежаху: «Достоины и вы сей казни, и хотѣль бы и вамъ то же сотворити, но нѣкая сила ми возбраняеть се, уже отхожу неохотно, оставляя васъ ненаказанны за ваше беззаконие, и аще не уцѣломудритеся, то васъ постигнетъ страшливѣ сего, яже здѣ сотоврихъ». По отшествии же сего два оставши мниши едва в чювство придоша, (л. 94 об.) аbie узрѣша своего друга испечена, яко главню почернѣвшихъ, зѣло убоявшеся и от страха бѣжаша, оставльше вся. И взыскаша духовнаго отца, искусна зѣло, и тому повѣдаша со многими слезами страшное оно наказание другу своему, и покаявшеся, добрѣживъ скончавше и Богу духъ свои предавше с миромъ.

ИРЛИ. Усть-Цилемское собр. №70. Л. 92-94 об.

О страшномъ отмщении трѣхъ блудницъ пияницъ

Сие же повѣмъ, яко недавными временами бысть. Много можетъ быть сихъ, их же совѣршенно извѣстно есть, обаче без опасения не можемъ воспомянуть. Я имени и места не повѣмъ.

Во Франьдии есть единъ монастырь, в немъ (л. 4) же токмо три мнихи живяху, вѣщию же самою обядницы и блудницы. И всякий же от нихъ имѣяше наложницу свою и никоего же срама и стыда не имаху. Вкупе обядахуся и пияху, и беззаконие творяху. Во единъ же от днин яко уже в полуночи пиюща и ядуще. Единъ, не токмо злый, рече: // (л. 4 об.) «Ядоша и пияще, беззаконноваше, уже время благодарити Господа». Рече же другии, блуднеиши: «Азъ буду диявола благодарити и вамъ совещеваю тако же творити, ибо ему работаемъ». И тако возлегоша. И се вниде в храмину дияволъ во образѣ великаго исполнина и страшна зѣло, черна, во одежди ловчаго, // (л. 5) с нимъ же два малыхъ повары ходяще по храминѣ и созираху на постеляхъ лежащихъ. По семь страшнымъ гласомъ рече: «Гдѣ [5] той есть, иже мнѣ благодарение воздаде?». И аbie восхити с постели трепещущаго и уже

от страха умирающа и вземъ его, и вда поваромъ, и повелѣ его у пеши на рожнѣ жещи. И аbie возгнѣзтьше велий огнь [6], (л. 5 об.) они же повеление исполнита с охотою и начаша пекчи окаянного онаго, и дондеже с нуждею живота лишися. И исполнися храмина смрада печенаго тѣла. По семь оныи ловчии рече ко онымъ двумъ, иже от страха покрывалы [7] покрышаися, едва живы лежаху: «Достоины и вы сей казни, и... (л. 6).

НБ СыктГУ. Усть-Цилемское собр. Рукописей №50. Л. 3 об.-6.

1. В ркп. описка: пропущен глагол. Ср. в том же контексте: приидѣ (список УЦ-144), вниде (списки УЦ-70, УЦр.-50).
2. В ркп. описка: пропущен глагол. Ср. в том же контексте: жарити (список УЦ-144), жещи (список УЦ-70), жещы (список УЦр.-50).
3. В ркп. описка дѣла.
4. В ркп. слог мя приписан над строкой.
5. В ркп. слово приписано сверху карандашом.
6. Далее в ркп. повторено огнь.
7. Далее в ркп. повторено покрывалы и взято в круглые скобки.

О.С. Носова

Сказание об Иверской иконе Богоматери в составе печорских рукописных сборников*

Сказания о чудотворных иконах имели широкое распространение в литературе Древней Руси. Этот жанр пришел в древнерусскую книжность из Византии и стал на Руси продуктивным жанром, развивавшимся почти до XX в., тогда как византийская литература отвела ему главным образом рамки иконоборческого периода [1]. Основной целевой установкой подобного рода повествований является создание «определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого “православного” мироощущения» [2]. Наиболее традиционные способы явления иконы, описанные в сказаниях о чудотворных иконах, – во сне, в видении, на воде, на воздухе, на горе, на дереве, у дороги, явление иконы через материальное перенесение (перевоз) ее реальным героем, чудесное перемещение сверхъестественными силами и др. – имеют в своей основе глубокую христиан-

* Основу статьи составляет одна из глав дипломного исследования: Носова О.С. Сказания о чудотворных иконах в составе печорских рукописных сборников / Научный руководитель Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, СыктГУ, 2008.

скую символику [3]. Исследователи выделяют три основных жанрообразующих элемента сказаний о чудесах от икон, составляющие их фабульную основу: 1. некое чудо, действие, связанное с иконой; 2. «глас» от иконы (или об иконе); 3. типичная концовка – построение церкви или монастыря во имя принесения иконы [4]. Однако сюжеты сказаний, не противоречащие, в целом, фабульной логике развития действия, оказываются гораздо сложнее той схемы, которой должны были следовать [5]. Сюжеты подобных сказаний построены на такой жизненной коллизии, которую может разрешить только «чудо», описывают непредвиденный поворот в судьбе обыкновенного человека. Таким образом, развитие действия в этих сказаниях строится на соотношении «обыденного» и «чудесного». Своеобразная игра этими двумя планами делает повествование динамичным, создает необходимый эффект неожиданности как высшую точку эмоционального напряжения [6].

Героями рассказов о чудесах от икон выступали, как правило, обычновенные люди, изображенные в своих будничных повседневных делах, при этом повествователь пытается всеми доступными ему средствами художественной выразительности передать обстановку этой обыденности, житейские мелочи [7]. Эти произведения были рассчитаны, прежде всего, на низового читателя, поэтому по своей направленности они были близки к фольклорным произведениям легендарно-прозаического характера. В них «господствовали сюжетная занимательность (...), атмосфера наивных чудес и упрощенность всех форм выражения» [8].
Вероятно, в силу этого...

Вероятно, в силу этих своих особенностей жанр сказаний о чудотворных иконах оказался близок и печорским крестьянам: в усть-цилемских рукописях сохранился целый ряд таких «чудес»: «Сказание о знамении иконы Богородицы Владимирской» (ИРЛИ УЦ [9] 32, с. л. 69), «Повесть о нерукотворном образе Господа нашего Иисуса “иже на убрусе”» (НБ СыктГУ УЦ р [10] 46 (электронная копия), л. 299-302 об., «Сказание о видении Спасова образа царю Мануилу» (сказание об образе Спаса в Софии новгородской – БАН 1.2.24. с л. 369 об.). К их числу относится и Сказание о иконе Богоматери Иверской, являющееся предметом нашего исследования. Нам известны восемь его списков, входящих в состав рукописей ИРЛИ (УЦ 11, 64; 87, 97; УЦ н [11] 95), БАН (Тек. пост. [12] 233, 399), НБ СыктГУ (УЦ р 46). Это свидетельствует об интересе, который вызывало Сказание у печорских крестьян.

Сказание об Иверской иконе Богоматери рассказывает о происхождении одной из самых знаменитых святынь православного мира – чудотворной иконы Божьей матери, находящейся в Иверском Афонском монастыре. Поскольку икона пребывает в храме при внутренних вратах этой обители, она называется еще Портaitисса (Вратарница). День празднования ее – вторник Светлой седмицы. Об обстоятельствах появления иконы Богородицы на

Афоне и сообщает Сказание, известное на Руси не менее чем в трех вариантах. Характеристика этих вариантов дана Д.М. Буланиным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»: «первый из вариантов местом первоначального пребывания иконы называет город Трапезунд. Отсюда отрок, ставший после смерти своего отца, Иверского купца, владельцем украшенной драгоценным окладом иконы, спускает ее на море, опасаясь покушения на эту семейную реликвию со стороны жадных родственников-опекунов. Далее следует рассказ о чудесном прибытии иконы на Афон и история пострижения там благочестивого отрока. Согласно второму варианту Сказания, Иверская икона происходила из города Фазиса, причем она сама покинула город и перебралась на Святую гору, прежде чем Фазис «за людское согрешение потонул». Третий вариант Сказания считается историками церкви наиболее близким к истине. Он известен по грузинским и греческим источникам и значительно отличается от предыдущих вариантов не только деталями рассказа о прибытии иконы на Афон, но и сведениями о первоначальной истории святыни. Согласно этому варианту, Иверская икона некогда принадлежала благочестивой вдове, жившей близ Никеи. Она пustila религию на море, устрашась угроз императора-иконоборца Феофила» [13].

Все печорские списки Сказания, выявленные нами, относятся к первому из названных вариантов. Наиболее ранний список Сказания кон. XVII в., переписанный скорописью, читается в сборнике ИРЛИ УЦ 11 (л. 13 об. – 17), где он находится в окружении различных дидактических произведений того времени и ряда житий: Николая Мирликийского, Георгия Победоносца. Сказание здесь имеет заглавие: «О Святогорском монастыри, зовемом Иверском, в немже церкви Успѣние Пресвятые Богородицы. Глава 70». Сборник был приобретен в д. Боровской на Пижме. Место обнаружения и датировка сборника позволяют предположить, что это первый список Сказания, попавший на Печору, т.к. именно на Пижме находился старообрядческий Великопоженский скит, куда привозилась разнообразная духовная литература из других старообрядческих центров. Следует заметить, что данный список дошел до нас в дефектном состоянии: в нем отсутствует часть текста в самом начале, что несколько затрудняет текстологический анализ [14].

Следующий список представляет собой отдельную рукопись 40-х гг. XIX в. — ИРЛИ УЦ н. 95 (л. 1–8 об.), имеющую заглавие: «Повѣсть велими душеполезна. О иконѣ Пречистыя Богородицы, како прииде из Иверскаго царства во Святую гору по воздуху Божиимъ промысломъ. Благослови, отче». Список дошел до нас в дефектном состоянии: нет окончания Сказания, т.к. утеряны соответствующие листы рукописи [15].

Третий список Сказания включен в сборник ИРЛИ УЦ 64 (р. 167, л. 325 – 330 об.) Он написан двумя почерками – полууставом и скорописью – и озаглавлен: «Сказание о монастыри Иверскомъ в Свя-

той горѣ, в немже церковь Успение Пресвятыя Богородицы». Список окружен произведениями различных жанров. Здесь представлены, например, «Слово о царе Ираклии» и выписка из Барония о бритье бород. Сборник обнаружен в с. Усть-Цильме [16].

Четвертый список – **НБ СыктГУ УЦ р. 46, электронная копия, (л. 325-330 об.)**, озаглавленный «Сказание о монастыри Иверскомъ в Святой горѣ, в немже церковь Успение Пресвятыя Богородицы», входит в состав Торжественника, переписанного И.С. Мяндиным и датируется 80-ми гг. XIX в.

Рукопись эта имеет интересную судьбу. Впервые о ней упомянул В.И. Малышев, видевший ее в 1949 г. в составе рукописной библиотеки устьцилемки Анны Ивановны Носовой. Следующим владельцем сборника стала Екатерина Ивановна Торопова, усть-цилемская наставница, имевшая большое собрание старинных книг, часть которых она передала в 60-е гг. в Древлехранилище Пушкинского Дома [17]. Для своих исследований мы использовали электронную копию Торжественника.

Дальнейшее более углубленное изучение этого сборника показало, что по своему составу мяндинский Торжественник восходит к минейному типу Торжественников, но имеет существенные отличия, являющиеся результатом творческой работы печорского книжника как составителя этого сборника. Интересен Торжественник тем, что, помимо традиционных для этого типа сборников слов, посвященных церковным праздникам годового цикла, житий византийских и русских святых, И.С. Мяндин включил в него также апокрифы, повести патерикового типа и пять сказаний о чудесах от икон [18].

Следующий список Сказания читается в составе сборной рукописи **ИРЛИ УЦ 87 кон. XIX в. (л. 68-80 об.)**. Он также переписан, судя по его почерку, рукой И.С. Мяндина. Сказание здесь озаглавлено так же, как и в списке из Мяндинского Торжественника (УЦ р 46): «Сказание о монастырѣ Иверском во Святѣй горѣ, в нейже церковь Успения пресвятыя Богородицы». Произведения, входящие в состав рукописи, различны по жанрам и тематике, в частности, сборник включает слова на христианские праздники (например, Слово Иоанна Златоуста на Благовещение, Поучение в неделю Пасхи). Рукопись найдена в с. Усть-Цильме [19].

Шестой список, написанный полууставом, входит в состав сборника **ИРЛИ УЦ 97, 1914 г. (л. 7- 19)** и имеет заглавие: «Сказание о монастырѣ Иверскомъ во Святѣй горѣ, в нейже церковь Успѣния пресвятыя Богородицы» и написан полууставом. Сборник содержит выписки о христианских канонах и обрядах. Рукопись в конце имеет отроческую помету известного впоследствии печорского писателя – старообрядца С.А. Носова [20]: «1914 г. писал Степан Анхенович Носов сию книгу тринацати лет своего возраста» (л. 32). Рукопись была приобретена в д. Боровской [21].

На стадии завершения нашего исследования нами были обнаружены еще два списка Сказания, хранящиеся в собрании БАН России. Один (кон. XVIII в., переписанный полууставом) читается в сборнике **БАН, Тек. пост. № 233 (л. 380)** и представляет собой отрывок без начала и конца, второй (также кон. XVIII в., переписанный полууставом) читается в составе сборника **БАН, Тек. пост., № 399 (л. 1-7)**. Сказание здесь озаглавлено: «Слово о иконе пресвятыя Богородица, како прииде из Иверскаго царства в Гору по воздуху» [22].

Все Печорские списки Сказания имеют одинаковый сюжет. Вкратце, он сводится к следующему. Иверский купец, «богат велми», умер, оставил после себя богатство и иконы, среди которых была икона Божьей матери, украшенная драгоценными камнями. Богатство разграбили корыстные родственники, и маленький его сын остался нищим. Решив сберечь оставленную ему отцом икону, он пускает ее на море. После этого отрок уходит из родного города и долго нищенствует.

Повествование об отроке сменяется в Сказании рассказом об истории обретения Афонским монастырем иконы Богоматери. Повар монастыря вышел на берег за водой и обнаружил икону, плывущую по воде. Он попытался вытащить ее, но икона не далась. Поймать ее удалось только игумену, которому она сама прыгнула на руки. После этого обретенную икону установили на монастырские врата.

Далее сюжет снова возвращается к владельцу иконы – отроку. Однажды он забрел в этот монастырь и увидел свою икону. Из-за нищенского вида отрока его словам о принадлежности этой иконы ему никто не поверил, и отрок с позором был изгнан из монастыря. Выйдя, он прилег за стеной храма и уснул, икона же сама вышла из помещения и встала над ним, прикрыв его от солнца. Монахи обнаружили пропажу и приписали исчезновение иконы отроку, но, выйдя за монастырь, увидели чудо, и уже не сомневались в том, кто истинный владелец иконы. Юношу постригли в монахи, впоследствии он стал игуменом, и именно при нем монастырь увеличился и достиг истинного расцвета.

Все обнаруженные нами печорские списки сохраняют эту сюжетную схему и восходят к одному архетипу, представляющему первый вариант Сказания из трех, выявленных учеными, но имеют разнотечения, что позволило нам разделить их на четыре группы по особенностям текста. **Первую группу** представляет список ИРЛИ УЦ 11, (кон. XVII в.). Он имеет ряд текстуальных разнотечений с остальными печорскими списками. Так, например, в самом начале Сказания во всех печорских списках говорится о том, что купец жил в Иверском «царстве», а в списке УЦ 11 – «во Иверском граде».

Вторую группу составляют списки XVIII в., представленные в собрании БАН, Тек. пост 233 и 399. Они содержат текст иной редакции «Сказания».

зания о иконе Богоматери Иверской», чем все остальные печорские списки, так как в них появляются молитвы игумена перед иконой, вышедшей из монастыря и вставшей над спящим отроком. Сравним тексты:

ИРЛИ УЦ 11 XVII в.	БАН, Т. п. 233 к. XVIII в.	БАН, Т. п. 399 к. XVIII в.	ИРЛИ УЦ 64 тр. четв. XIX в.	НБ Сыкт- ГУ УЦр 46 80-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 87 к. XIX в.
И падше пред иконою с молѣнием. (л. 17)	Игумен же скоро тече пред иконою пречистыя Богородицы и падниц на землю и нача плакати и глаголати: «О пречудная царица матери Христа Бога нашего. Прости ми множества грехов моих и пред тобою согрѣших, а раба твоего сего оскорбих». (л. 380)	И паде игуменъ пред иконою пречистыя Богородице, и начать плакатися и глаголати: «О владычице, прости все множество грѣховъ нашихъ, еже согрѣшихъ пред тобою, госпоже, и твоего раба оскорбихъ». (л. 6)	И падше пред иконою молениемъ великимъ и со слезами, дабы вшель тот бо чудотворный образъ съ воздуха. (л. 8 об.)	И потому падше пред иконою с молениемъ и со слезами, дабы вшель тот чудотворный образъ в монастырь с воздуху. (л. 330)	И потому падше пред иконою со многими молениемъ и слезами, дабы спасль той чудотворный образъ пресвятаго Богородицы с воздуху. (л. 79 об.)

ИРЛИ УЦ 11 XVII в.	ИРЛИ УЦ н.95 10-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 64 тр. четв. XIX в.	Торжествен- ник. 80-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 87 к. XIX в.	ИРЛИ УЦ 97 1914 г.
Но ни во един монастырь не прияша его, яко не навидимъ от всѣхъ. Еще же и озлобляху его, все бысть промысломъ Божиимъ (л. 16)	Но ни во единъ монастырь не прияша его, яко ненавидимъ от всѣхъ. Еще же и озлобляху его, все бысть промыслениемъ Божиимъ (л. 5)	Но ни во единъ монастырь не прияша его, яко ненавидимъ от всѣхъ. Еще же и озлобляху его, все бысть промыслениемъ Божиимъ (л. 328)	Но не во единъ монастырь не прияша его нищеты ради его. Еще же и озлобляемъ бѣ всѣми (л. 328)	Но не во единъ монастырь не прияша его много гия ради нищеты его, еще и поругаемъ бяше и озлобляемъ всѣми (л. 74)	Но не во единъ монастырь не прияша его много гия ради нищеты его. Еще поругаемъ бяше и озлобляемъ всѣми (л. 12-12 об.)
... и начат со слезами гласомъ велиимъ воспѣвати и глаголати (л. 16 об.)	Начать со слезами гласомъ велиимъ воспѣвати и глаголати (л. 7 об.)	... начать со слезами гласомъ велиимъ воспѣвати и глаголати (л. 6)	... и начат со слезами гласомъ велиимъ воспѣвати и глаголати (л. 328 об.)	... и начать со слезами гласомъ велиимъ воспѣвати и глаголати (л. 75 об.)	(л. 13 об. – 14) ... и начать со слезами гласомъ велиимъ воспѣвати и глаголати (л. 75 об.)

Из приведенных примеров видно, что списки УЦ н.95 и УЦ 64 отличаются от остальных как на уровне лексики (синонимическая замена глаголов – «вопити» / «воспевати»), так и на содержательном уровне (в них появляются идеально-религиозные размышления о причине происходящего как о промысле Божием, каких мы не находим в остальных печорских списках). Учитывая датировку этих списков и их местное происхождение, можно предположить, что источником списка ИРЛИ УЦ 64 послужил либо сам список УЦ н.95, либо непосредственно к нему восходящий, но до нас не дошедший.

Четвертую группу составляют два списка, переписанные рукой И.С. Мяндина – список Торжественника и список ИРЛИ УЦ 87, а также список ИРЛИ УЦ 97, переписанный тринадцатилетним С.А. Носовым.

В списках БАН также нарушается обычная последовательность повествования, характерная для остальных печорских списков.

К третьей группе мы отнесли списки Сказания XIX в. – ИРЛИ УЦ н.95 и УЦ 64. Текстологический анализ их показал, что список УЦ н.95 является протографом списка УЦ 64. Сравним тексты:

Сравнительное изучение всех печорских списков «Сказания о иконе Богоматери Иверской» показало, что на Печоре были известны две его редакции: первая представлена списком XVII в. ИРЛИ УЦ 11 и списками XIX в., восходящими к нему, вторая – списками XVIII в. БАН, Тек. Пост. 233 и 399. Эта редакция, по видимому, не имела широкого распространения на Печоре.

Таким образом, списки И.С. Мяндина восходят к первой редакции Сказания. Они представляют для нас особый интерес, так как принципы переработки Мяндиным сказаний о чудесах от икон еще не изучались. Проведенное нами исследование показало, что редакторская работа И.С. Мяндина над текстом сказания об Иверской иконе не коснулась сюжетно-композиционного уровня текста: она лежит в сфере стилистической его обработки. Приведем наши наблюдения над текстом мяндинских списков «Сказания об Иверской иконе Богоматери» в контексте текстовых особенностей других печорских списков этого Сказания.

Во-первых, мы сопоставили список Сказания из мяндинского Торжественника с остальными печорскими списками и выявили ряд разнотений, свидетельствующих о редакторской работе Мяндина. Сравним тексты:

ИРЛИ УЦ 11 XVII в.	ИРЛИ УЦ н 95 10-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 64 тр. четв. XIX в.	Торжественник 80-е гг. XIX в.
Фрагмент отсутствует.	Фрагмент отсутствует.	... дабы вшелъ тот бо чудотворный образъ съ воздуха. (л. 8 об.)	... дабы вшелъ толь чудотворный образъ в монастырь съ воздуху. (л. 330)
... и вземше, принесоша во церковь и поставиша на обычное ея мѣстѣ (л. 17).	Фрагмент отсутствует.	... и поставиша ю на обычнѣмъ мѣстѣ (л. 9).	И внидоша в церковь , и поставиша на обычномъ мѣстѣ. (л. 330 об.).
И потомъ бысть игуменомъ тому монастырю (л. 17).	Фрагмент отсутствует.	И потомъ бысть игуменъ тому монастырю (л. 9)	И пожиже лѣта довольна , и потомъ игуменъ бысть тому монастырю (л. 330 об.).
И разбудиша отрока и нача ему молити со благословлениемъ, чтобы вышел в монастырь (л. 17).	Фрагмент отсутствует.	И разбудиша отрока спяща и начаша ему бити челомъ и прощетися, чтобы вшелъ в монастырь (л. 8 об.).	И разбудиша отрока спяща. И начаша молити и прощения от него просити за оскорблениe его, яко выгнаша из мана-

			стиря и просини паки иши в монастырь (л. 330)
И оттолѣб начат монастырь разпространится. И всего добра в нем и имѣния много ,... (л. 17).	Фрагмент отсутствует.	... отъ тово начагъ монастырь той разпространится, и отъ того всего добра в немъ множистися (л. 9–9 об.).	И оттолѣб монастырь той начать распространится, и бысть зѣло богатъ и славенъ. (л. 330 об.).

Приведенные примеры выявляют определенную тенденцию в работе Мяндина: в одних случаях он вносит в текст отсутствующие в других списках слова-дополнения или целые выражения, в других – расширяет его, внося свои уточнения, в третьих – по-своему, пересказывает какой-то фрагмент, стилистически упрощая его.

Подключив к сопоставлению другой мяндинский список – ИРЛИ УЦ 87, мы выявили, что в ряде случаев он дает такие же отличные от других печорских списков чтения, что и список Торжественника, например:

ИРЛИ УЦ 11 XVII в.	ИРЛИ УЦ н 95 10-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 64 тр. четв. XIX в.	Торжественник 80-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 87 к. XIX в.
Ты сказываешься таковаго отца сыном. (л. 16 об.)	Ты ходиши в нищите образѣ, а сказываешься такова отецъ сынъ (л. 8)	Ты ходиши в нищите образѣ, а притекох сказывающи такова отца сыномъ (л. 7)	Како ты, убогий человекъ, ходиши в сицевой худой одежди и сказывающи сицева отца сыномъ (л. 329)	Како ты, убогий человекъ, ходиши в сицевой худой одежди и сказывающи сицева отца сыномъ (л. 76 об.)
Игумен же радостию объягъ (л. 16)	Игуменъ же радостию объягъ (л. 5 об.)	Игумен же радостию объягъ (л. 4 об.)	Игуменъ же радостию неизреченною объягъ (л. 327)	Игуменъ же радостию неизреченный исполнися (л. 73 об.)

Однако сопоставление двух мяндинских списков между собой показало, что они имеют целый ряд разнотений. Характер их привел нас к выводу о том, что И.С. Мяндин сначала создал список Торжественника, а потом – список УЦ 87. Савним тексты:

ИРЛИ УЦ 11 XVII в.	ИРЛИ УЦ н 95 10-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 64 тр. четв. XIX в.	Торжественник 80-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 87 к. XIX в.
... яко при- доша на брег со свѣщами и с кандилы (л. 16)	И яко при- доша на брегъ со свѣщами и с кандалы (л. 5-5 об.)	И яко при- доша на брегъ со свѣщами и кандилы (л. 4)	И яко придо- ша на брегъ со свѣщами и кандилы (л. 327 об.)	И яко при- доша на брегъ при- станица морскаго со свѣщами и кандилы (л. 73)
Игумену же и братиям дивящимся стоянию его (л. 16 об.)	Игуменъ же и братия дивящеся стоянию его (л. 7 об.)	Игумен же и братия дивяще- ся стоянию его (л. 6)	Игумен же и братия дивяще- ся стоянию его (л. 328 об.)	Игуменъ же и братия зряще, дивящеся стоянию его (л. 75 об.)

Приведенные примеры показывают, что список Торжественника в данных случаях еще сохраняет текст, присущий другим печорским спискам и, по-видимому отражающий текст архетипа этой редакции, в то время как в списке УЦ 87 уже появляется редакторская правка. Чтобы показать характер доработки Мяндиным на втором этапе работы со Сказанием древнерусского текста, приведем еще ряд примеров:

Торжественник (80-е гг. XIX в.)	ИРЛИ УЦ 87 (кон. XIX в.)
И не могий срама терігѣти, отиде от своего града Трапезонта (л. 326 об.)	И не могий срама терігѣти от зна- мыхъ ему , отиде от своего града Тра- пезонта (л. 71)
... и повелѣ кадити честными арама- ты (л. 327)	... и повелѣ ю кадити честными и бла- гоуханными ароматы (л. 73 об.)
По мнозѣ же времени прииде отрокъ во Святую гору и нача ходити по монастыремъ (л. 328).	По мнозѣ же вр емени прииде той преждереченный отрокъ во Святую гору и нача ходити по монастыремъ (л. 74).
... и проситися, еже бы прияти его Бога ради в кий либо монастырь, но не во единъ монастырь не прияша его нищеты ради его. Еще же и оз- лобляемъ бѣ всѣми (л. 328).	... и проситися еже бы кто прияль его Бога ради в кий либо монастырь, но не во единъ монастырь не прияша его многия ради нищеты его, еще и пору- гаемъ бяше и озлобляемъ всѣми (л. 74).
Игумен же и братия дивящеся стоя- нию его (л. 328 об.).	Игуменъ же и братия зряще, дивящеся стоянию его (л. 75 об.)
... что онъ быть от славныхъ купцей (л. 329)	... что онъ быть от славныхъ купцей и богатыхъ (л. 77).

Чудная же она икона ни к единому от братии, ни ко игумену, но снide на руку отроку (л. 330)	Чудная же она икона ни единому от братии, ни ко игумену не снide, но точию на руку отроку тому снide (л. 79 об.)
... и поживе лѣта довольна, и потому игуменъ бысть тому монастырю (л. 330 об.)	И поживе лѣта довольна му. По смер- ти же игумена бысть игуменъ тому монастырю (л. 80).

Как видим из приведенных примеров, в списке УЦ 87 появляются новые уточняющие детали, определения, подробности, по характеру представляющие собой редакторскую правку, подобную той, которую отметила на материале Повести о гордом царе Агге, трижды переписанной Мяндиным, Е.К. Ромодановская как второй этап работы печорского книжника над текстом источника [23].

Подтверждается и другое наблюдение исследователей мяндинских переработок – привлечение Мяндиным при создании повторных списков своих переработок помимо своего первого списка других источников, каких-то списков, которые, возможно, ранее ему не были известны. Сравнительно сопоставление всех печорских списков Сказания показало, что в список ИРЛИ УЦ 87 Мяндин ввел такие добавления, отсутствующие в более раннем его списке (УЦ р. 46), которые мы обнаружили в других печорских списках. Например, описывая, куда была помещена приплывшая к монастырю икона в списке УЦ 87, Мяндин добавляет к чтению своего первого списка слово **«исходящими»**, которое сближает его со списком БАН Т.П. 399 (в других печорских списках оно отсутствует):

БАН. Тек. пост. 399 к. XVIII в.	НБ СыктГУ УЦ р. 46 (Сп. Мяндина №1)	ИРЛИ УЦ 87 к. XIX в. (Сп. Мяндина №2)
... и поставиша ю над царьским дверьми, да видима будет всѣми входящими и исходя- щими (л. 3 об.).	... и поставиша в церкви пресвятая Богородицы честного и славного ея Успѣния у царскихъ вратъ, да видима буд- еть всѣми входящи- ми. (л. 327 об.-328)	... и поставиша в церк- ви пресвятая Богопро- дицы честного и славна- го ея Успѣния у цар- скихъ вратъ, да видима и поклоняема будетъ всѣми входящими и исходящими (л. 73 об.-74)

Сопоставительный анализ мяндинских списков «Сказания о иконе Богоматери Иверской» – НБ СыктГУ УЦ р. 46 (Сп. Торжественника) и ИРЛИ УЦ 87 со списком С.А. Носова ИРЛИ УЦ 97 показал, что список Носова почти дословно повторяет текст мяндинского списка УЦ 87. Приведем два примера, показывающие, что источником для С.А. Носова по-

служил именно второй мяндинский список УЦ 87, а не список Торжественника:

ИРЛИ УЦ 11 XVII в.	ИРЛИ УЦН 95 10-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 64 тр. четв. XIX в.	НБ СыктГУ УЦр 46 80-е гг. XIX в.	ИРЛИ УЦ 87 к. XIX в.	ИРЛИ УЦ 97 1914 г.
Игумен же радо- стию объять (л. 16)	Игумень же радо- стию объять (л. 5 об.)	Игумен же радо- стию объять (л. 4 об.)	Игумень же радостию неизречен- ною объять (л. 327 об.)	Игумень же радости неизречен- ныя испол- нися (л. 73 об.)	Игумень же радости неизречен- ныя испол- нися (л. 12)
... яко при- идаша на брег со свѣщам и с кандилы (л. 16)	И яко при- идаша на брегъ со свѣщами и с кан- дилы (л. 5-5 об.)	И яко приидаша на брегъ со свѣщами и кандилы (л. 4-4 об.)	И яко при- идаша на брегъ со свѣщами и кандилы (л. 327 об.)	И яко при- идаша на брегъ при- станица морского со свѣщами и кандилы (л. 73 об.)	... и яко приидаша на брегъ пристани- ща морска- го со свѣщами и кандилы (л. 11 об.)

Подведем итоги нашим наблюдениям. На Печоре «Сказание об иконе Богородицы Иверской» было хорошо известно – сохранилось 8 печорских его списков, причем, на Печору попала первая из известных версия рассказа о происхождении этой иконы. Дошедшие печорские списки отражают текст двух редакций. Два списка, созданные И.С. Мяндиным, относятся к первой из выделенных нами редакций, причем первым по времени создания был список из Торжественника, составленного И.С. Мяндиным, а список ИРЛИ УЦ 87 – вторичен, причем при его создании Мяндин использовал список, близкий списку БАН Тек.пост. 399. В свою очередь мяндинский список ИРЛИ УЦ 87 послужил источником для другого печорского книжника – С.А. Носова, в юном возрасте переписавшим его почти дословно. Списки, созданные Мяндиным, свидетельствуют о творческом отношении печорского книжника к процессу переписки древнерусского текста: он стилистически дорабатывает и перерабатывает свои источники: сокращает развернутые описания, заменяя их краткими и более точными, вводит мотивирующие слова и словосочетания, упрощает текст, делая его более понятным для своих земляков – печорских крестьян. При этом, создавая новый список Сказания, Мяндин не копирует уже переписанный им список, а продолжает дальше совершенствовать текст, добавляя новые детали и подробности, привлекая для

этого и другие списки, которые не использовались им при создании первого списка.

На данном этапе исследования нам пока не удалось выявить непосредственный источник, который использовал Мяндин при переписке Сказания о Иверской иконе Богородицы, т.к. отдельными чтениями его списки соотносятся с разными печорскими списками. Для решения этого вопроса необходимо привлечение более широкого круга списков этого памятника из других северно-русских собраний, среди которых может обнаружиться список, наиболее близкий мяндинским.

В заключение отметим, что Сказание о Иверской иконе Богоматери было очень популярно среди Печорских крестьян, о чем свидетельствует и общее количество списков, бытовавших на Печоре, и то, что среди них есть ранний список XVII-го века, по всей вероятности, привезенный на Печору, и поздние списки XIX и начала XX веков, созданные непосредственно в среде крестьян старообрядцев Низовой Печоры. Это свидетельствует об интересе к Сказанию как читателей – печорских крестьян, так и печорских писцов на протяжении почти трех веков. Популярность Сказания можно отчасти объяснить популярностью самого жанра повестей о чудотворных иконах, а также интересом печорских крестьян к происхождению Иверской святыни. Сюжет сказания носит дидактический характер. Он повествует о чудотворной иконе, предостерегает от алчности, укрепляет веру в промысел Божий, призывает к терпению и стойкости перед жизненными неурядицами. Развитие сюжета не затянуто и захватывает читателя: при чтении его просыпается чувство сострадания к отроку, негодование по поводу жестокости его опекунов, радость по поводу справедливого конца истории. Сказание несет позитивный заряд, что не могло не нравиться богобоязненным Печорским крестьянам-старообрядцам.

В Приложении к статье мы публикуем два мяндинских списка Сказания – из усть-цилемского Торжественника и список Усть-Цилемского собр. ИРЛИ (№ 87). Текст передается по правилам, применяемым в серийном издании «Библиотека литературы Древней Руси».

1. Нечаева Г.В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 107.
2. Власов А.Н. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI-XVII вв. // Книжные центры древней Руси XVII в.: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 111.
3. Нечаева Т.В. Наблюдения ... С. 110.

4. Гухман С.Н. Новесть о трех иконах Шемахинских // ТОДРЛ. СПб.. 1993. Т. 46. С. 109-125.
5. Власов А.Н. Устюжская литература XVI-XVII вв. Историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995. С. 66-67.
6. Власов А.Н. Сказания о чудотворных иконах ... С. 111.
7. Власов А.Н. Сказания о чудотворных иконах ... С. 111.
8. Там же. С. 220.
9. Усть-Цилемское собрание рукописей Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
10. Усть-Цилемское собрание рукописей Научной библиотеки Сыктывкарского университета
11. Усть-Цилемское новое собрание рукописей Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
12. Фонд Текущих поступлений Библиотеки Академии наук России
13. Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Иверской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI- первая половина XIV вв.). С. 362-365.
14. См. описание рукописи: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв.. Сыктывкар, 1960. С. 59-61.
15. В настоящее время существует лишь машинописное рабочее описание Усть-Цилемского нового собр. ИРЛИ, которым мы и воспользовались, присоединив и свои непосредственные наблюдения над рукописью.
16. См. описание рукописи: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники ... С. 111-112.
17. О судьбе сборника см. подробнее: Волкова Т.Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина («Горжественнику» из собрания Е.И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее и будущее: материалы Международной научно-практической конференции. – СПб., 2003.
18. См. об этом: Волкова Т.Ф. Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Горжественника (К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь СПб.: Дмитрий Буланин. 2008. С.411-421.
19. Описание Рукописи см.: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники ... С. 130.
20. См. о нем: Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения. Письма, записки / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М.: Памятники исторической мысли. 2005.
21. Описание Рукописи см.: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники ... С. 135.
22. Описание печорских сборников в фондах рукописей БАН составлено Е.А. Рыжковой в рамках гранта РГНФ и было использовано нами при выявлении и описание данных списков Сказания.
23. Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII-XIX вв. Новосибирск, 1985.С. 2216-222, 225.

СКАЗАНИЕ О ИВЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ НА АФОНЕ.

Сказание о монастыре Иверском во Святой горе, в немъ же церковь Успѣния пресвятой Богородицы.

(НБ СыктГУ УЦ р. 46. «Торжественник» (электронная копия). л. 325 об.– 330 об.)

Бѣ иѣкто купецъ в Иверскомъ царствии богатъ вельми. Имяше сына единородна млада еще. И разболѣся сѧмъ болѣзниу смертною, и раздая нищимъ множество богатства и церквамъ божиимъ, а прочее остави сыну своему – злато и сребро, и все житие свое приказа и сына своего сродникомъ своимъ соблюсти и останки своя вся. И яко преставися мужъ той, тогда начаша приказницы тии злохитрствомъ единъ по единому имати лучшия вещи от живота его. Сыну же его еще во младоумии сущу и не могуща возбранити имъ. И разнесоша злато и сребро, и сосуды вся и запасы // (л. 326) и святыя иконы.

Бѣ же у него икона пречистыя Богородицы вельми чудна, обложена златомъ з драгимъ камениемъ и жемчугомъ. Отрокъ же нача плакати пред иконою и глаголати: « О владычице всемилостивая царице госпоже Богородице, помилуй мою нищету, виждь насижение врагъ моихъ, ибо яко звѣрие лютии разграбиша вся, иже ми остави отецъ мой настѣдие имѣния своего. Киймъ быхъ оставленъ на сближеніе се, от нихъ же и погибохъ, конечное же хотять и от твоєя честныя иконы зрячія и поклоненія разлучити нищету мою. Но, о Владычице, сама соблюди достояние, и устрой и упокой честную свою икону. Также и мою нищету приупокой, яко всемощнаго Бога мати ». И аbie принес ю на берегъ пристанища градскаго // (л. 326 об.) и со всякимъ благочестиемъ и многими слезами обливаясь, пущаетъ на море. И аbie подняся честная она икона от воды на воздухъ, яко же можно рукою человеку досягнути, и поиде сама о себѣ быстрѣе орлова лѣтанія. Отроку же зрячу неизреченное оно чудо, и слезы безпрестаніи проливающу. И се аbie невидима бысть от очию его.

Возвративъ же ся отрок в домъ свой, уже не имѣя ничто же, надежда вся бо отята бысть. И нача просити, по граду ходя, яко единъ от нищихъ. И не моглии срама терпѣти, отиде от своего града Трапезонта и много походивъ по градомъ, устремися ко Святѣй горѣ, помышляя во иноческий образъ облечишия, уже бо в мѣру возраста Христова исполнена пришель. Бяше благочестив // (л. 327) и благообразиъ отрокъ и любя чистоту душевную и тѣлесную и беззѣрное смиреніе и тихость. Скитаясь многа лѣта в нищигѣ, яко в пещи палим от многихъ напастей и бѣль хождаше не вѣдый, камо грядеть.

Божественная же она икона пречистыя Богоматере, егда пусти отрокъ от себѣ на воду, прииде во единъ монастырь Святыхъ горы и ста при брезѣ пристанища, ильже братия воду черпают на всякую монастырскую потребу. И яко бысть по времени прииде поваръ на берегъ почерпти воды и се зритъ неизре-

ченное чудо: икону плавающу близь берга*, яко рукою мои дасягнути. И от радости устремися взяти рукою икону, и аbie отскочи от руку его. Покусився поваръ трижды взятия ся и не возможе. Аbie потече // (л. 327 об.) ко игумену и повѣда ему, яко икона плавает при брезѣ монастырскомъ пристаници, и «азъ покусихся многажды взяти ся, и отбѣгаше от руку мою».

Игуменъ же скоро воста и повелѣ звонити в тяжкую, и облечеся в свѣтлую одежду священную, со всею братиєю поиде в срѣднє. И яко приидша на брѣзь со свѣщами и кандилы, и зрять пречестную ту икону, к самому брѣгу приближающуся. Игуменъ же и братия радости многия исполнившеся и приближишася взяти ея, и се устремися икона Богородицина, вскочи сама о себѣ на руку игумена. Игуменъ же радостию неизреченною обять и повелѣ кадити честными араматы и пѣти молебень святѣй Богородицы. И принесе ю в монастырь, и поставиша в церкви пресвятая Богородица честнаго // (л. 328) и славнаго ея Успѣния у царскихъ вратъ, да видима будеть всѣми входящими.

По мнозѣ же времени прииде отрокъ во Святую гору и нача ходити по монастыремъ и проситися, еже бы прияти его Бога ради в кий либо монастырь и постригися во иноческий чинъ, но не во единъ монастырь не прияша его нищеты ради его. Еще же и оздобляемъ бѣ всѣми. Се же бысть промысломъ Божиимъ, ибо пречистая Богородица промышляетъ о рабѣ своемъ: яко же сама благоволи жилище себѣ, ту и рабу своему повелѣваетъ быти.

Бѣ убо туть монастырь убожайши пречихъ монастырей, идѣже бѣ икона отца его благославенія. Оному же отроку не вѣдущу о иконѣ той, прииде въ той монастырь, въ то же время // (л. 328 об.) поющімъ братиямъ святую литергию. Бѣ же времѧ лѣтнїкѣ. И въ той часъ вниде отрокъ въ церковь и по обычаю нача кланягися, взирая на иконы. И се зритъ въ то мѣсто, идѣже она икона пречистыя Богородицы, увѣщанная многоцѣнными утварымя, иже нѣкогда бѣ въ дому его. И отъ несказанныя же радости стоя, не могий проглаголати ничтоже на многъ часъ, ни поступити могий на ино мѣсто. Игуменъ же и братия диви-шеся стоянию его.

Отрокъ же яко бывъ в себѣ, паде пред чудною иконою Богоматере и начат со слезами гласомъ велиимъ вопити и глаголати: «О Владычице пресвятая Богородице, здѣ ли благоволи жилище себѣ в честнѣй обители сей и в честнѣй храмѣ своемъ, и яко же созданъ есть имени твоему». И обратився // (л. 329) к игумену и начать повѣдати ему, яко «икона сия отца моего есть». И сказавъ и имя отца своего, и како пусти ю на море, и в кое время, и кою притчею. Сия слышавше игумень и братия не яша ему вѣры, глаголюще: «Како ты, убогий человекъ, ходиши в сицевой худой одежди и сказываешся сицева отца сыномъ и икону сию называешьъ свою, го нѣси ты человекъ добрый. Мы про того человека слышали, даже нѣцы от братии и видѣли его, что онъ быть от славныхъ купцей. И того дѣля и называешься его сыномъ и хощеш икону оную украсти». И прогониша его из церкви и из монастыря воинъ, ни накормивъ и напоивъ.

Отрокъ же, яко ощути себѣ за монастыремъ и начать плакатися неутѣшно и глаголати: «О владычице моя // (л. 329 об.) пресвятая Богородице, почто за-была еси мою нищету и мое окаянство и презрѣла еси въ бѣдѣ моей. Азъ надѣялся отъ тебѣ помоци и покоя, се нынѣ выгнанъ есмь отъ обители твоей, еще же и с поруганиемъ и безчестиемъ». Сия и на многая изглаголовъ и от великия горести и печали ляже на земли и начать сплати за монастыремъ.

Бѣ же в то время полудне, варь же солнечный, яко огнемъ паляще лице его, онъ же спаше. Чудотворная же она икона, никимъ же несома, из церкви изыде и пришедъ, ста надъ отрокомъ на воздухѣ и начать осѣнѣти лице его от солнца. Отроку же не вѣдущу спа без пакости.

Братиямъ же обѣдающимъ в трапезѣ и по обѣдѣ в подобно время начаша клепати вечерни и придоша // (л. 330) в церковь, и не обрѣтоша иконы и вси единогласно рѣша, яко онъ ниши взять икону. И в той часъ поидаша вся братия на взысканіе отрока. И яко изыдоша за монастырь и видѣть неизреченное чудо: икону ону на воздухѣ, никимъ же держиму, отроку же спищу, образу же оскѣняющу лице ему от солнечнаго жжения. Они же стояще, ливящеся бы-
ваемы.

И разбудиша отрока спяща. И начаша молити и прошения от него просити за оскорбление его, яко выгнаша из монастыря. И просиша паки ити в монастырь. И потому падше пред иконою с молениемъ и со слезами дабы вшел туть чудотворный образъ в монастырь с воздуху. Чудная же она икона ни к единому от братии, ни ко игумену, но снide на руку отроку. // (Л 330 об.) И тако идоша вси вкупѣ в монастырь, отроку же несущу икону на рукахъ своихъ. И внидоша в церковь, и поставиша на обычномъ месте.

Отроку же тому игуменъ и братия велию честь воздаша. И пострижеся в том монастыри, и поживе лѣта довольна, и потому игуменъ бысть тому мангастырю. И оттолѣ монастырь той начать распространитися, и бысть зѣло богатъ и славенъ. И собрашаася братии числом до седмисотъ молитвами пресвятыя Богородицы, даже и до нынѣ стоять. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки. Аминь.

Сказание о монастыре Иверском во святой горе, в ней же церковь Успения пресвятой Богородицы.

(ИРЛИ УЦ 87, л. 68–80 об.)

Бѣ нѣкто купецъ во Иверскомъ царствии богатъ вельми, имѧше сына единороднаго млада еще, и разболѣлся самъ болѣзниу смертною и раздая нищимъ множеству богатства // (л. 68 об.) и церквамъ Божиимъ, а прочее оставилъ сыну своему злато и сребро, и все житие свое приказа и сына своего сродникомъ своимъ соблости, и останки своя вся. И яко преставися мужъ той, тогда начаша приказдницы тии злохитрствомъ единъ по единому имати лучшия вещи отъ живота его // (л. 69) Сыну же его еще во младоумии сущу и не могущу возбранити имъ, и разнесоша все имѣніе его, злато и сребро, и сосуды вся и запасы, и святые иконы.

* Переделано из *моря*

Бѣ же у него икона пречистыя Богородицы вельми чудна, обложена златомъ з драгимъ камениемъ и жемчугомъ.

Отрокъ же нача плакати пред иконою и глаголати: "О, владычице // (л. 69 об.) всемилостивая царице госпоже Богородице, помилуй мою нищету, виждь насиливание** врагъ моихъ, ибо яко звѣрие лютии разграбиша вся, яже ми оставил отецъ мой наслѣдие имѣнія своего. К нимъ бывъ оставленъ на соблюденіе се, от нихъ же и погибохъ, конечно же хотять и от твоєя честныя иконы зре́ния // (л. 70) и поклоненія разлучти нищету мою, но, о владычице, сама соблюди достояніе и устрой и упокой честную свою икону. Таке и мою нищету приупокой яко всемошнаго Бога мати". И се рекъ, взмѣнь честную ону икону Богоматере и принесъ ю на бергъ пристанища морскаго. И со всякимъ благовѣниемъ и многими слезами // (л. 70 об.) обливаясь. И аbie пушасть на море. Честная же она икона в той чась подняся от воды на воздухъ, яко же мощно рукою досягнута, и поиле сама о себѣ быстрѣе орлова лѣтания. Отроку же зрячу неизреченное оно чудо, и слезы безпрестанно проливаше. И се абиев невидима бысть от очиу его.

Возративъ же ся отрокъ в домъ свой, // (л. 71) уже не имѣя ничто же, надежда бо вся отята бысть, и нача просити по граду ходя, яко един от нищихъ. И не могий срама терпѣти от знаемыхъ ему, отиде от своего града Трапезонта, и много походивъ по градомъ и весемъ, устремися ко Святѣй горѣ, помышляя во иноческий образъ облещися, уже бо в мѣру возраста Христова // (л. 71 об.) исполнена пришелъ, бяше благочестивъ и благообразъ отрок и любя чистоту душевную и тѣлесную и безмерное смирение и тихость, скитаясѧ многа лѣта в нищетѣ, яко в пеши палимъ от многихъ напастей и бѣд, хождаше, не вѣдый, камо грядеть.

Божественная же она икона пречистыя Богоматере, егда пусти // (л. 72) отрокъ от себѣ на воду, прииде во единъ от монастырей Святыхъ горы и ста прибрѣзѣ пристанища, идѣже братия воду черпають на всяку монастырскую потребу. И яко бысть по времени прииде поваръ на бергъ почерпти воды. И се зритъ неизреченное чудоикону плавающу близъ берга яко рукою моши досягнути // (л. 72 об.). И от радости устремися взяти рукою икону, и аbie отскочки от руку его. Покусивъся поваръ трижды взяти ея и не возможе, аbie потече ко игумену и повѣда его, яко: «Икона плаваетъ при брѣзѣ монастырскомъ пристаници, и язъ покусихъ многажды взяти ея, и отбѣгаше от руку мою». Игумень же скоро воста // (л. 73) и повелѣ звонити в тяжкай, и облечеся в свѣтлую священную одежду, и изыде со всею братиєю в срѣтеніе. И яко приидоша на бергъ пристанища морскаго со свѣщами и кандалы, и се зрять пречистую ту икону, к самому бергу приближающуся. Игумень же и братия радости многия исполниша и приближиша взяти ея. И се // (л. 73 об.) зрять пречистую ону икону к самому игумену вскочившу на руцѣ сама о себѣ. Игумень же радости неизреченнаго исполнися и повелѣ ю кадити честными и благоуханными ароматы и пѣти молебная пресвятѣй Богородицы. И пренесе ю в монастырь, и поставила в церкви пресвятыя Богопродиць честнаго и славнаго

ся Успѣнія у царьскихъ врат, // (л. 74) да видима и поклоняема будеть всѣми входящими и исходящими.

По мнозѣ же времени прииде той преждереченный отрокъ во Святую гору и нача ходити по монастыремъ и проситися еже бы кто прияль его Бога ради в кий – либо монастырь и постригися во иноческий чинъ, но не во единъ монастырь не приша // (л. 74 об.) его многия ради нищты его, еще и поругаемъ бяше и озлобляемъ всѣми. Се же бысть Божиимъ промышлениемъ, ибо пречистая Богородица сама промышляетъ о рабѣ своемъ, яко же благоволи сама жилище себѣ, ту и рабу своему устрои.

Бѣ же той монастырь убожайши прочихъ монастырей, идѣже // (л. 75) бѣ икона отца его благословенія. Оному же отроку не вѣдущу о иконѣ той, прииде в той монастырь, в то же время поющимъ братиамъ святую литоргию. Бѣ же время лѣтнѣе, и в той чась вниле отрокъ в церкви и по обычаю нача кланяться, взирая на иконы. И се зритъ на то мѣсто, идѣже она икона // (л. 75 об.) пречистыя Богородицы, украшенная многочѣнными утварыми, иже нѣкогда бѣ в дому ея. И от несказанныя же радости стоя, не могий проглаголати ничтоже на многъ чась, ни поступити многий на ино мѣсто.

Игумень же и братия зряще, дивящеся стоянию его. Отрокъ же яко в себѣ бывъ, паде предъ // (л. 76) чудною ону иконою Богоматере и начать со слезами гласомъ велиимъ вопити и глаголати: «О владычице пресвятая Богородице, здѣ ли благоволи жилище себѣ в честнѣй обители сей, и в честнѣмъ храмѣ своемъ, ибо созданъ есть имени твоему!» И обративъся ко игумену и начать повѣдати ему, яко: «Икона сия отца // (л. 76 об.) моего есть». И сказавъ имя отца своего и како пусти ю на море, и в кое время и косю виною. Сия слышавше игумень и братия не яша вѣкры, глаголюще: «Како ты, убогий человекъ, ходиши и в снѣвой худой одежди и сказывающи сицева отца сыномъ и икону сию называющи своею, то нѣсъ ты человекъ добрый, а мы про того // (л. 77) человека слыхали даже и другия и видали его, что онъ былъ от славныхъ купцовъ и богатыхъ, того ради и называющи его сыномъ и хощеши икону ону украдти». И прогониша его из церкви и из монастыря воинъ, ни накормивъ, ни напоивъ.

Отрокъ же яко ощути себѣ за монастыремъ и начать плакатися не утѣшио // (л. 77 об.) и глаголати: «О владычице моя пресвятая Богородице, почто забыла еси мою нищету и мое окаянство и презрѣла еси к бѣдѣ моей, азъ надѣялся от тебѣ помоши и покоя. Се нынѣ изгнанъ есмь от обители твоєя, еще же и с поруганиемъ и безчестиемъ». Сия и на многая изрече и от великія горести // (л. 78) и печали возлегъ, ляже на земли и начать спати за монастыремъ. Бѣ же в то время полудне, варъ же солнечный яко огнемъ паляще лицо его. Онъ же спаше. Чюдотворная же она икона, никимъ же несома, ис церкви изыде и пришедъ, ста над отрокомъ на воздухѣ и начать остыни лицо его // (л. 78 об.) от солнца, отроку же не вѣдущу спа без пакости.

Братиамъ же обѣдающимъ вѣ трапезѣ и по обѣдѣ в подобно время начаша клепати вечерни, и приидоша в церковь, и не обрѣтоша иконы Богородицыны. И вси единогласно рѣша, яко онъ нищий взять икону. И в той чась поидоша вси братия // (л. 79) на взысканіе отрока. И яко изыдоша за монастырь и

** В рукописи отиска: наслование

уздѣша неизреченное чудо: икону ону на воздухѣ, никимъ же держиму, отро-
ку же спящу, образу же оставляющу лицо его от солнечнаго жжения. Они же
стояще, дивляхуся бываемым. И тако разбудиша отрока спяща и начаша моли-
ти его и прошения от него просити // (л. 79 об.) за оскарбление его, яко изгна-
ша за монастырь, и просиша паки ити в монастырь.

И потомъ падиша пред иконою со многимъ молениемъ и слезами, дабы
сшель той чудотворный образъ пресвятая Богородицы с воздуху. Чудная же
она икона ни единому от братии, ни ко игумену не снide, но почию на руку
отроку тому снide // (л. 80) И тако идоша вси вкупе в монастырь. Отроку же
несущу икону на рукахъ своихъ и внидоша в церковь, и поставиша на обыч-
номъ мѣстѣ.

Отроку же тому игумень же и вся братия велию честь воздаша и потомъ
постригоша его в томъ же монастыри. И поживе лѣта довольна ту.

По смерти же игумена // (л. 80 об.) бысть игуменъ тому монастырю. И
оттолѣ монастырь той начать распространяться и зѣло бысть богатъ и славенъ.
И собирахася братии чистомъ до седмисот. Молитвами пресвятая Богородицы
даже и до ныне стоить. Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.
Аминь.

Ю.В. Першина

Сочинения Ефрема Сирина в печорской рукописной традиции и его Слово о Иосифе Прекрасном

Усть-Цилемский район республики Коми считается одним из уникальных центров книжной культуры Русского Севера, здесь в течение трёх веков переписывались и хранились сотни древнерусских литературных и публицистических сочинений, создавались их новые редакции [1]. Среди печорских рукописей имеется значительное количество сочинений Ефрема Сирина – богослова, писателя и поэта IV в. – центральной фигуры «золотого века» сирийской литературы, оказавшего широкое влияние на всю средневековую христианскую литературу и даже русский фольклор.

Ефрем Сирин – автор огромного количества литературных сочинений, которые ещё при жизни писателя были переведены на греческий язык и получили широкое распространение во всём эллинистическом мире. Он считается наиболее авторитетным представителем раннехристианской традиции в Сирии IV века [2]. Преподобному Ефрему приписывается более тысячи различных произведений. Его сочинения играли важную роль в старообрядческой среде как труды одного из отцов церкви. Имеясь в его произведениях старообрядцы находили ответы на многие острые вопросы собственной духовной жизни [3]. Сочинения Ефрема Сирина, которые были доступны печорским читателям из среды крестьян-

старообрядцев, оказывали влияние на их образ мышления и религиозно-нравственные основы жизни.

Печорские рукописи, собранные в Усть-Цилемском районе Республики Коми, сейчас сосредоточены в нескольких собраниях [4]. Мы выявили 24 рукописных сборника, в составе которых есть сочинения, приписываемые Ефрему Сирину: молитвы, поучения и наказания, 32 слова Ефрема Сирина, а также его житие. Некоторые из «слов» встречаются в сборниках несколько раз: в двух списках дошли до нас Изречение Ефрема Сирина о покаянии, Слово об антихристе, Слово о безмолвии, Слово о страхе Божьем, Слово о долготерпении, Житие Ефрема Сирина из Паренессиса (сборника сочинений Ефрема Сирина); а Слово о Иосифе Прекрасном и Наказание мнихам читаются в трёх списках.

На начальной стадии работы мы заметили, что все выделенные нами сборники с сочинениями Ефрема Сирина можно условно разделить на те, которые содержат несколько его «слов» (таких сборников 15), и те, которые включают в свой состав только одно какое-то «слово» Ефрема Сирина – 9 рукописей. Такое большое количество сборников, включающих сразу несколько произведений (слов, поучений и др.) Ефрема Сирина, свидетельствует о том, что его сочинения знали на Печоре, о большом интересе печорских старообрядцев к его произведениям.

Охарактеризуем известные нам списки слов Ефрема Сирина с точки зрения хронологии, проанализируем тематику его сочинений, попавших в круг чтения печорских крестьян.

Печорских сборников XVII в., содержащих сочинения Ефрема Сирина, дошло всего 3 (**ИРЛИ УЦ**, №№ 12, 13, 145); сборники XVIII в. представлены достаточно широко – 9 сборных рукописей (**ИРЛИ УЦ**, №№ 15, 21, 26, **ИРЛИ УЦ** н., №№ 181, 183, 295; **ИРЛИ ВП** 2 [5]; **БАН, Тек. поэт.** 233; **НБ СыктГУ УЦ** р.13); сборников XIX в. сохранилось 3 (**ИРЛИ УЦ** н., №№ 10, 73, 223; к XX в. относятся 3 известных нам сборника, включающие произведения Ефрема Сирина (**НБ СыктГУ УЦ** р., №№ 3, 140, 196). Среди рукописей особый интерес для нашего исследования представляют сборники XIX-нач. XX вв., которые явно были переписаны на Печоре, то есть отражают непосредственный интерес печорских крестьян к сочинениям Ефрема Сирина.

Анализируя тематику слов Ефрема Сирина, выявленных в составе печорских рукописных сборников, мы пришли к выводу о том, что в среде устьциллов пользовались популярностью, а, следовательно, читались и переписывались сочинения Ефрема Сирина, отражающие определённый круг тем, связанных с окружающей печорских крестьян действительностью и отвечающих их духовным потребностям: одни сочинения Ефрема Сирина в составе печорских рукописных сборников призваны были обличать основные пороки и грехи человека (Изречения Ефрема Сирина о

покаянии, клевете, пьянстве, хуле, лести [6]); другие – регламентировать его духовную жизнь (Слово Ефрема Сирина о страхе божьем [7]), третий – раскрыть грядущие судьбы человечества (слова об Антихристе и втором пришествии Христове [8]), четвёртые – разъяснять смысл того или иного непонятного места из Священного Писания (Слово о Прекрасном Иосифе [9]).

В настоящее время мы работаем над созданием электронной базы данных, в которой будет собрана, по возможности, более полная информационная обо всех сочинениях торжественного красноречия, приписываемых Ефрему Сирину и входящих в состав сохранившихся печорских рукописных сборников.

Известен был на Печоре – в рукописном и печатном виде – и сборник слов и поучений Ефрема Сирина Паренесис, восходящий к греческому переводу. Полностью дошёл до нас один его список XVII в. (ИРЛИ УЦ 145 [10]), включающий 113 слов и поучений. Кроме того в Усть-Цильме бытовал и старопечатный Паренесис Ефрема Сирина [11]. Отдельные слова из Паренесиса рассредоточены по целому ряду рукописей, бытавших на Печоре (более 30-ти слов).

Непосредственным предметом нашего исследования является Слово Ефрема Сирина о Иосифе Прекрасном из Паренесиса (слово 104). Сказание об Иосифе Прекрасном является одним из экзегетических сочинений Ефрема Сирина на ветхозаветные темы. В настоящее время известно 5 печорских списков этого слова в составе рукописных сборников [12], в том числе и список в составе упомянутого выше рукописного Паренесиса [13].

Проблема бытования творений отцов церкви в северно-русской рукописной традиции уже привлекала к себе внимание филологов СыктГУ [14]. Обратило на себя внимание и Слово Ефрема Сирина об Иосифе Прекрасном как один из источников переработки сюжета об этом библейском герое Усть-Цилемского книжника И.С. Мяндина. М.В. Михайлова выявила те элементы текста в мяндинской редакции Сказания об Иосифе Прекрасном, которые восходят к Слову Ефрема Сирина [15]. Однако само Слово не было предметом её специального исследования. Мы продолжили работу М.В. Михайловой по изучению этого Слова Ефрема Сирина, обратив внимание на особенности его сюжетно-композиционной организации и стиля.

Сюжет об Иосифе, проданном братьями в рабство, читается в составе ветхозаветной Книги Бытия, но древнерусскому читателю этот сюжет был известен не только из первоисточника: повествование об Иосифе Прекрасном читалось в составе двух редакций Русского Хронографа – 1512 и 1617 гг. Обратил на него внимание и преподобный Ефрем – мастер риторики, создававший произведения, предназначенные для чтения вслух – «слова». По наблюдениям М.В. Михайловой, Ефрем Сирин

трансформировал библейский сюжет, не меняя фабулы рассказа, в произведение торжественного красноречия, при этом в жанре «слова» этот сюжет претерпел гораздо больше изменений, чем в Хронографе [16].

В соответствии с требованиями жанра торжественного красноречия Слово об Иосифе Прекрасном Ефрема Сирина начинается с обращения автора к Богу, вслед за которым читается восхваление Иосифа, при этом используется стиль, позднее названный Епифанием Премудрым стилем «плетения словес». М. В. Михайлова пришла к выводу о том, что «в сюжете Слова на первый план выдвигается частная судьба Иосифа – поучительная история о том, как герой-праведник сумел достойно пройти все ниспославленные ему испытания и за это получил награду – высокий сан правителя Египта. Таким образом, главная идея Слова – идея воздаяния человеку по его заслугам перед Богом» [17]. Такая трактовка истории об Иосифе несколько отличается от библейско-хронографической.

Таким образом, на основе библейского сказания Ефрем Сирин создал произведение с иным идеяным содержанием, изменённым образом главного героя и значительно разработанным в художественном отношении сюжетом. Язык Слова о Иосифе Прекрасном Ефрема Сирина также отличается от библейского и хронографического своей метафоричностью, обилием развёрнутых сравнений и ярких эпитетов. Особенностью прямой речи героев является использование пространных монологов–плачей (всего в Слове их семь). Таковы выводы нашей предшественницы.

Мы продолжили работу М.В. Михайловой и проанализировали слово о Иосифе Прекрасном Ефрема Сирина как памятник торжественного красноречия. Торжественные слова, как отмечал И.П. Ерёмин, – это прежде всего произведения риторического искусства, очень сложного и тонкого, корнями своими восходящего к праздничным декламациям античных софистов. В христианской литературе «слова» – произведения особого характера, предусмотренные церковным уставом. Они предназначались для произнесения в храме в присутствии молящихся в торжественной обстановке [18].

На данном этапе исследования мы привлекли для анализа пока только один печорский список Слова об Иосифе Прекрасном – ИРЛИ УЦ н. 183 (л. 96-128 об.) перв. четв. XVIII в. [19]. Список этот имеет некоторые дефекты: пропуск листов, отдельные недописанные слова; некоторые буквы попали под реставрационные заклейки и прочитаются только гипотетически.

Слово об Иосифе Прекрасном обычно читается в понедельник, вторник и среду страстной недели; в данном списке оно разделено на три части в соответствии с этими чтениями. Каждая часть начинается и заканчивается по традиции торжественного красноречия словами обращения к Богу: в начале «Благослави, Отче», в конце – «Богу нашему слава!».

В композиционном отношении Слово построено по чёткой схеме, традиционной для жанра торжественного красноречия: оно делится на три более или менее самостоятельных части, объединённые единством стилистического строя. Однако части эти имеют и некоторые свои, только им присущие особенности.

Вступление – часть Слова, которой риторами придавалось, без сомнения, большое значение, ведь успех речи в значительной мере зависит от того, как она будет начата. Содержание вступления в Слове об Иосифе Прекрасном условно-риторическое и во многом традиционное для ораторской прозы: оно начинается с обращения автора к Богу с просьбой благословить его, помочь в прославлении великого Иосифа: «Богъ Аврамов, Богъ Исааковъ, Богъ Иаковль, Боже, благослови ны....». Центральная часть слова носит повествовательный характер. В основе её лежит церковно-исторический сюжет: «како продаша» Иосифа «братия и како царствова во Египтѣ».

Заключение также традиционно: оно представляет собой обращение автора к слушателям с призывом прославить Бога: «За все же это восшлем славу Отцу и Сыну и Святому Духу. Ему слава и держава, честь и поклонение ныне и всегда, и во веки веков! Аминь».

Как уже было отмечено, повествовательная часть Слова содержит семь плачей, каждый из которых является образцом высокого риторического искусства; пять из них – плачи Иосифа. Первый плач Иосифа обращён к братьям, напавшим на него, второй – к отцу, третий плач обращён к Рахили, матери Иосифа, и произносится на её могиле по пути в Египетский плен. Четвёртый и пятый плачи вновь обращены к отцу, один из них звучит в тот момент, когда жена Потифара (в тексте данного списка он именуется Петрефием) пытается соблазнить Иосифа, другой – когда Иосиф впервые после долгой разлуки видит своего единогубрного брата Вениамина. Таким образом, монологи героев – плачи вводятся в текст «Слова» именно в те моменты развития сюжета, которые для главного героя являются критическими, трудно переживаемыми в психологическом, эмоциональном отношении, с очевидной целью – вызвать у слушателей состояние высокого эмоционального подъёма.

Широко используются Ефремом Сириным различные художественно-изобразительные средства: эпитеты, метафоры, сравнения: «вздыхание моего сердечного и горькаго плача», «не можета очи мои слезъ точити», что также характерно для торжественного красноречия. Все плачи объединены общими мотивами, постоянно повторяется мотив рва, куда Иосифа бросили братья: «Се бо в ров ввержен есмь и бых, яко мертвъ...» (л. 102); «...нынѣ же лежу в рове, яко убийца...» (л. 102); «Егда же свирѣпии ввергша в ров Иосифа и сѣдоша ясти и пити с радостию великою...» (л. 103); «И абине аки звѣрие ядовитии изведше из рова

Иосифа, продаша его купцем...» (л. 103 об.); «...и тщащеся честного того источника в ров погибели вовреши...» (л. 111).

Постепенно от одного плача к другому можно проследить повтор отдельных мотивов, которые в каждом последующем плаче варьируются (мотив смерти, образ гроба и др.). Каждый плач представляет собой риторическую тираду, и все они вместе создают определённый внутренний ритм.

На примере вступительной части Слова, о которой было сказано ранее, покажем, как строится у Ефрема Сирина большая риторическая тирада, представляющая собой целое словесное сооружение, в основе которого лежит чередование близких по значению и однотипных по синтаксической структуре предложений. В составе вступительной части можно выделить более мелкие тирады, тесно скреплённые вместе идейно-художественным замыслом.

После этикетной части – обращения к Богу за благословлением – в Слове следует обращение автора к слушателям, в котором Иосиф осмысливается как образ будущего Господня пришествия: «Азъ же, братие, глаголю, яко прѣлена есть младенец и дивень, тѣм же и образъ бысть пришествию Христову...». Это сравнение задаёт тон всей последующей части тирады: во-первых, делается акцент на идеином содержании вступления и всего Слова в целом; во-вторых, начинается развёртывание большой риторической тирады. Избранная для вступления тема развивается не прямо, а косвенно, при помоши развёрнутого сравнения – необычного, построенного на игре отдалёнными аналогиями. В основу сравнения положены две фигуры: Иосиф и Иисус Христос. Тирада строится на соотнесении этих двух образов: автор выбирает девять наиболее значимых событий из жизни Иосифа и к каждому по аналогии приводит эпизод из жизни Иисуса Христа [20].

1. Бог послан к нам для спасения – Иосиф послан Иаковом на поиски братьев («яко же Господь пущенъ к намъ, тако и отрокъ Иосифъ от пазухъ Иакова пущен бысть, да видит братию свою»).

2. Братья, замысливши зло, несмотря на то, что Иосиф нёс им мир, сравниваются с иудеями, которые замыслили убить Христа («да яко же злюта братия Иосифова видѣвшіе приближающа его, начаша мыслити злая на нь, а оному носящи миръ от отца, тако иудеи жестосердци видѣвшіе Спаса и глаголаху: «Сей есть наслѣдникъ, приидите и убием его, и да ся ураздним»).

3. Братья, разделявшие трапезу с Иосифом и предавшие его, сравниваются с иудеями, которые, вкусив с Христом пасху, заклали его («Сынове Иаковы, братия Иосифова, ядуще продаша его умолъ, тѣм же образом иудеи гнуснѣ пасху ядяху и убииша Спаса»).

4. Изгнание Иосифа в Египет уподобляется сожествию на землю Спаса-Христа (Сошествием Иосифово, еже во Египет, являше сошествие Спаса нашего, еже на землю).¹

5. Темница Иосифа уподобляется гробу Господню («Иосиф вверженъ бысть в ров до часа от нечаяния, тако же и Господь возмет весь грѣхъ от мира и во гробъ положен»).

6. Пребывание Иосифа два года в тюрьме соотносится с тремя днями, которые Христос провёл в аду, не претерпев истления («Иосиф два лѣта в темнице сотворив и ту быв в велицѣ пакости, а Господь нашъ Писусъ Христосъ 3 дни сотвори, яко силенъ не прити тѣлѣния»).

7. Иосиф, освобождённый из темницы повелением фараона и объяснивший ему истинное значение его снов, сравнивается с Господом, восставшим из ада и открывшим людям идею воскресения и бессмертия («Иосиф ис темницы звенѣдѣнь бывает повелѣнием фараоном, аки озѣбраз истиной сказася удобь решения голубиномъ кажаemu бытии, а Господь нашъ воста из мертвых своею силы изроверже ада, принесе ко Отцу своему наше смиреніе, проповѣда воскресие и жизнь вечную»).

8. Иосиф, получивший власть над всем Египтом, сравнивается со Спасом, который вознёсся на светлом облаке и восседает одесную Отца превыше Херувимов («Иосиф прити власть над всѣм Египтомъ, а Спасъ нашъ превѣчный воз? на небеса облаком свѣтлым и сѣде одесную Отца со славою над херувимом яко Сынъ единородный»).

9. Подобно тому, как братья Иосифа, которые не хотели, чтобы он властвовал над ними и, продав его, рассчитывали, что он погибнет, все равно попадают под его власть, так и все враги Господа, не хотевшие, чтобы он царствовал в мире, в день страшного суда будут приведены к его престолу («Яко продаша его, мнѣша бо, окаяннici, уморити его и расстлiti во аѣѣ, обрѣтеся убо в истину царствия над ними, тако же и в чась страшнѣй прииде Господь под облаком воздуха сѣдѧ на престолѣ своего царствия, приведена будут связаны аггелы страшными вси враги его пред судищемъ его, елико их не хотище царствовати над собою»).

10. Иосиф, сказавший братьям, что тот, кого они продали в рабство, теперь царствует над ними, сравнивается с Господом, который покажет распявшим его «крест светел на небеси» как символ его богосыновства («Яко же Иосиф глаголаше ко братии с дерзновениемъ, страша я и срамля, глаголя: „Азъ есмь Иосиф, брат вашъ, его же вы продасте, а нынѣ царствует над вами“; тако и Господь крестъ покажет свѣтл на небеси распеньшим его, не знающимъ? его креста и сына Божия, пропита ими»).

С помощью таких сравнений достигается определённый художественный результат: образ Иосифа поднимается на небывалую высоту, а

его история становится прообразом земной жизни Христа, при этом условно-риторическая пустота темы заполняется конкретными деталями и образами, а слушатели ошеломляются неожиданностью уподоблений, яркой живописностью текста.

Завершается тирада вновь словами обращения к слушателям: «Видите ли истину, како образ бысть Иосифов истинаго владыки своего, зане добродѣтель его волею наченьше убо повѣствуем добрая дѣтели отрока сего». Художественная задача, поставленная автором, достигнута: образ Иосифа поднят на небывалую высоту – соотнесён с образом самого Христа.

Данная тирада, обрамляемая обращениями к слушателям, строится с помощью различных риторических фигур: используются анафористические построения – повторяются отдельные слова или словосочетания в начале периодов, вводятся сравнительные союзы и обороты: «Яко же Господь пущенъ к намъ, тако и отрок Иосиф от пазуху Иакова пущен бысть, да видит братию свою, да яко же лютая братия Иосифова видѣвшіе приближающа его, начаша мыслити злая на нь (...). Тако иудеи жестосердии (...). Повторяются даже отдельные части предложений, что придаёт наибольшую близость двум объектам сравнения.

Чередования придают тираде своеобразный внутренний ритм: в рамках тирады чередуются предложения, в рамках предложения нередко повторяются одинаковые слова («Господь пущен» – «отрокъ Иосиф пущен...»), вводятся созвучные окончания.

В Слове используются в большом количестве не только сравнения, но и эпитеты и метафоры. Братья Иосифа характеризуются как «лютая братия», «гнуснѣ», «окаяннii», Иосиф назван «прелѣпым отроком», «прекрасным», «дивным».

Дальнейшее исследование этого Слова поможет углубить наши наблюдения. Предстоит ещё большая текстологическая работа, так как Слово о Иосифе прекрасном дошло до нас в нескольких печорских списках, и предстоит выяснить, каким из них воспользовался И.С. Мяндин, создавая свою версию сюжета об Иосифе Прекрасном.

1. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар. 2005. С. 10.
2. Соколов А. К. Жизнь и труды святого Ефрема Сирина // Святой Ефрем Сирин. Творения. М., 1993. Т. I. С. 55-68.
3. Дронова Т. И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (кон. XIX – XX вв.). Сыктывкар. 2002. С. 93.

4. Усть-Цилемское собрание ИРЛИ РАН (далее – ИРЛИ УЦ). Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ (далее – ИРЛИ УЦ н.). Усть-Цилемское рукописное собрание Научной библиотеки Сыктывкарского университета (далее – НБ СыктГУ УЦ р.) и печорские рукописи БАН в составе основного собрания и собрания текущих поступлений.
5. Данная рукопись попала на Верхнюю Печору из Усть-Цилемского района
6. ИРЛИ УЦ 1, л. 192–194; ИРЛИ УЦ 21, л. 25 – 35; НБ СыктГУ УЦ р. 13, л. 22 об.-23.
7. ИРЛИ УЦ 21, л. 25–30; БАН, Тек. пост. 223, л. 353 – 353 об.
8. ИРЛИ УЦ 8, л. 12–30; ИРЛИ УЦ 12, л. 161–168; ИРЛИ УЦ 54, л. 74–117; ИРЛИ УЦ н. 181, л. 259–256.
9. ИРЛИ УЦ 8 л. 46 – 75 об.; ИРЛИ УЦ 12 л. 103 об. – 125 об.; ИРЛИ УЦ н. 183 л. 96 – 128 об.
10. Паренесис Ефрема Сирина ИРЛИ УЦ 145 представляет собой рукопись XVII в. (вт. четв.), в лист. написанную полууставом на 469 л. Переплет — доски, покрытые кожей, корешок реставрирован (см. описание ее: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 61–63).
11. Паренесис читается в составе издания: Ефрем Сирин и Авва Дорофей. Поучения. Клиники: тип. Железникова, 1787, сентябрь. 2^о; 523 л. (НБ СыктГУ, УЦ п. 29).
12. БАН. Т.п. 153 (XVI в., кон.), л. 260–285; ИРЛИ УЦ 8 (XVII в., кон. тр. четв.), л. 46–75 об.? л. 47 и 54 – кон. XIX в. (реставрация), список без конца: ИРЛИ УЦ 12 (XVII в., кон.), л. 103 об.–125 об. («Слово в рукописи разделено на три самостоятельных слова (в понедельник «страстные» недели, во вторник и в среду), с киноварными заглавиями и указанием глав на полях («... о том же Иосифе» глава 48 и 49) и попало сюда в таком виде, вероятно, из Златоуста постного (Ср.: Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае: Труд В.И. Срезневского. СПб., 1913. С. 72–73)» (Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники... С. 62–63); ИРЛИ УЦ н. 183 (XVIII в., перв. тр.), л. 96–128 об. (переплет рукописи – доски в коже – работы И.С. Миандина (указание рабочего описания Усть-Цилимского нового собрания ИРЛИ, хранящегося в Древлехранилище им. В.И. Малышева).
13. ИРЛИ УЦ 145, л. 10: «Книга святого Ефрема Сирина, глаголема греческим языком Паренисис, сказуется же Паренисис притча, утешение, моление, поучение, наказание полезно различны. Благослови отче. Аминь». По наблюдениям В.И. Малышева, в этой рукописи «по слово 105 слова идут в таком же порядке, как в печатном московском издании 1647 г.» (Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники... С. 159).
14. См.: Чуб А.С. Сочинения Иоанна Златоуста в составе печорских рукописных сборников: Дипломная работа / Научн. руков. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2006.
15. Михайлова М.В. Сюжет об Иосифе Прекрасном в древнерусской средневековой литературе и поздней старообрядческой традиции: Дипломная работа / Научн. руков. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2004. По материалам дипломной работы подготовлена статья: Волкова Т. Ф., Михайлова М. В.. Сказание об Иосифе Прекрасном в обработке печорского книжника И. С. Миандина // ТОДРЛ. Т. 59 (в печати).
16. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян... С. 267–268.
17. Там же.
18. Еремин И.П. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX–XII вв. // Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. Л., 1987. С. 223.
19. Текст Слова далее цитируется по этому списку.
20. В рукописи ИРЛИ УЦ н. 183 данная тирада читается на л. 99–99 об.

Т.И. Дронова

Отношение к книге староверов-беспоповцев Усть-Цильмы (на примере рода Исаковых-Бабиковых)

Роль и значение книги в жизни хранителей древнего благочестия достаточно полно описаны археографами и не нуждаются в уточнении. Книга являлась и является неоспоримой истиной, в которой христиане ищут ответы на возникающие вопросы и черпают силы на выживание. В данном сообщении за основу взят материал, связанный со староверческим родом Исаковых, проживавший в д. Ильинка в верховых р. Нерицы, отдельные представители которого являлись не только хранителями старопечатных и рукописных книг, но и олицетворяли незыблемость древлехристианского благочестия. Изучая историю семьи, рода, мы открываем, что за именами простых людей зачастую скрываются необыкновенные судьбы людей, захватывающие жизненные истории, интереснейшие факты, открываются направленные на сохранение устоев семьи, передачу народных знаний неписанные правила жизни, которым следовали эти люди.

По семейным преданиям первопредок рода Исаковых – Иван – переселился на Нерицу на рубеже XVIII–XIX вв. из Ижемской волости и основал крепкий крестьянский род, насчитывающий к настоящему времени восемь поколений, а по росписи имен составляет свыше двухсот человек. В прошлом все переселенцы, вступавшие в брачный союз с представителями староверческих родов, обращались в староверие, но случалось, что наименование рода образовывалось уже от сына такого переселенца, преуспевшего в каких либо-либо прилежаниях, как это случилось и в рассматриваемом нами роде. В семейной династии были представители различных крестьянских профессий: скотоводы, столяры, плотники, пекари, охотники, рыболовы, но в своем сообщении я остановлюсь на тех из них, которые ко всему прочему являлись духовными лидерами – наставниками, окормлявшими христиан на совместно обживаемой ими территории. Таковыми являлись сын Исаак Никита и внук Зиновий. Людей, приложивших молитве, владевших книжными знаниями, совершивших

нужно-потребные таинства крещения и исповедания в усть-цилемских селениях, называют *грамотными, набожными*. В прошлом таких молитвенников в деревнях было большинство, в настоящее время их насчитываются единицы.

Вся информация записана нами от представителей рода Исааковых, а также односельчан, имевших общение с ними. Никита Исаакович Бабиков был крепким крестьянином, содержавшим в своем хозяйстве скот. Он занимался обработкой шкур, был умелым столяром, изготавляя деревянную посуду, ложки. С раннего возраста он познал староцерковную грамоту, хорошо читал, отличался прилежанием к молитве. После сорока лет он открыл в своем двухэтажном доме моленную, которую обустроил на втором этаже. По воспоминаниям староверов, в домах наставников и крестьян с достатком имелись подобные моленные – обычно это большая комната, в которой проходили службы к праздникам и воскресные. Здесь собирались жители всей деревни. Моленная была празднично-убрана: стены и пол всегда были начищены до блеска, аналой убран красным бархатом, окна зашторены дорогими занавесками: стена с восточной стороны во всю ее длину была обставлена древлеписьменными и литыми иконами, под ними стоял прилавок, где хранилась молитвенная утварь: книги, кадило, ладан, свечи. Для земных поклонов имелись лавки, подрушиники.

У Никиты Исааковича и его жены Марии было четверо детей (см. рис. 1). Всех своих детей он в младенчестве обучил грамоте, все умели читать, и по утвердившемуся в семье обычанию дети с раннего возраста были распределены по профессиям. Детей (мальчиков), выявлявших посердие к молитве, обучали профессиям, не связанным с промыслом, поскольку в дальнейшем это уводило их от глубокого познания церковных правил и духовного совершенствования, и к тому же, согласно правилам Кормчей книги, наставнику не позволялось трудиться на мирской службе и заниматься охотой и рыболовством.

В годы установления советской власти на р. Нерице у Никиты Исааковича были изъяты все жилые и хозяйствственные постройки. Вскоре отняли и вновь возведенный дом, после чего дети разъехались по деревням Усть-Цилемского района и в г. Нарьян-Мар, а старики остались доживать свой век в родной деревне, обустроив для проживания амбар. По воспоминаниям, Никита Исаакович, как и многие христиане, полагал, что в жизни «лучшего ждать не велено», смиренно принял факт изъятия дома, заметив при этом: «Хорошо, что пальцы не отрубили – можно крест класть и молиться».

В пос. Синегорье обосновался со своей женой и приемной дочерью Зиновий Никитич Бабиков, унаследовавший от отца духовное служение. По мирской профессии Зиновий Никитич был лесником, но был и прекрасным печником и уже на пенсии благодаря ремеслу активно ездил по

району, оказывал помощь по печному делу и проповедовал. З.Н. Бабиков был очень находчивым и умелым хозяйственным. Из семейных рассказов о нем приведу следующий. В поселке Синегорье действовал завод по обработке шкур. Случилось, что завод был остановлен из-за неисправности печи. По устранению неполадок работали разные специалисты, но результата не было. Тогда администрация завода обратилась к Зиновию Никитичу. Тот, предварительно обговорив цену работы, быстро устранил неполадки: привез воз соломы, сжег в печи, вся сажа выгорела и завод продолжил работу.

Если с представителями власти З.Н. Бабиков был достаточно расчетлив, то с односельчанами-староверами по-христиански милосерден. Работая лесником, он постоянно помогал крестьянам-единоверцам, знал их нужды: иным, возвращаясь из леса, приносил заготовки к орудиям труда, семьям со скучным достатком – дары леса. О его бескорыстии и честности по сей день вспоминают в поселке. Односельчане называли его «дядя Зиновей», поскольку обращение по имени отчеству наставник не приветствовал, считая его *величанием*, возвышавшим его над окружающими.

З.Н. Бабиков, как и его отец, являлся хранителем книг, которые он охотно предоставлял в пользование единоверцам. В сельской округе всегда поддерживалось правило, нарушение которого обрекало крестьянина на недоверие к нему земляков. Так, к примеру, книга, полученная на определенный срок (до года) обязательно должна быть возвращена владельцу к указанному сроку. Бывали случаи, когда читатели не укладывались в отведенный период, тогда они приходили к владельцу с книгой и просили продлить период ее использования. Иногда хранитель сам приходил к читателям и разъяснял непонятное в чтении.

Непросто складывались отношения Зиновия Никитича с известным собирателем В.И. Малышевым, к которому он относился крайне недоброжелательно и обвинял его в «грабеже» – увозе с Печоры ценных рукописей. Такое его отношение к ученому, вероятно, объяснялось тем, что Зиновий Никитич верил в будущее Усть-Цильмы и не приветствовал вывоз книг из района. С Владимиром Ивановичем он устраивал долгие дискуссии о вере, а по их завершении рассказывал о встречах с ученым односельчанам. Он убеждал единоверцев хранить книги в семейных библиотеках.

По неписаному семейному правилу из поколения в поколение передавалась традиция обеспечения отделявшихся молодых семей книгами *нужно-потребного* содержания, по которым совершали суточный цикл молитв и, если позволял достаток, то книгами назидательного характера. В каждой семье рода Бабковых имелись старинные книги и в их числе – Псалтырь, которую староверы называли главной книгой. Критерием признания человека к числу «грамотных» являлось суждение: «грамотный

– Псалтырь читал». По ней обучались чтению, – это была настольная книга, которую читали каждый день. Традиционно книги в семьях находились в ведении стариков и старух. Они обучали детей и взрослых чтению, разъясняли толкования. В воскресные и праздничные дни в кругу семьи читали вслух, что являлось благочестивым времяпрожождением. По-прежнему для старовера считается «греховым» иметь книги и не читать их: «Держишь у себя книги да не читаш, док тольки во вред себе. Грех это большой» [1].

Хотя книги были в каждой семье, но не всем разрешалось читать их перед иконами. При чтении было важно читать правильно, соблюдая ударение (*читать по силам*) и напевность в произношении (*протяг*). В большинстве случаев книги располагали на обеденном столе. Они всегда находилась в обращении: их брали читать родственники и соседи, после смерти владельца книги передавали по наследству или в пользование сведущим грамоте староверам, бывало, что *раздавали остатками* (в память об усопшем). Но никогда книги не продавали – считалось грехом. Так распорядились и с книгами З.Н. Бабикова: большую часть раздали богомольным старицам.

Зиновий Никитич, по воспоминаниям его родственников, был очень начитанным и владел искусством рассказчика – «из него речь лилась». В своих рассказах он умел заинтересовать не только взрослых, но и детей, а в случае утомления последних, находчиво ободрял их игрой, окликая детей не присущими им именами и вновь продолжал свой рассказ. Его рассказы имели назидательный, обучающий характер. Не имея своих детей, он обучал бережному отношению к книге детей единоверцев. Призывал хояек, хранивших книги на обозреваемых местах, трепетнее относиться к ним – заворачивать в чистое полотенце – так, в частности об этом поведала одна из его племянниц.

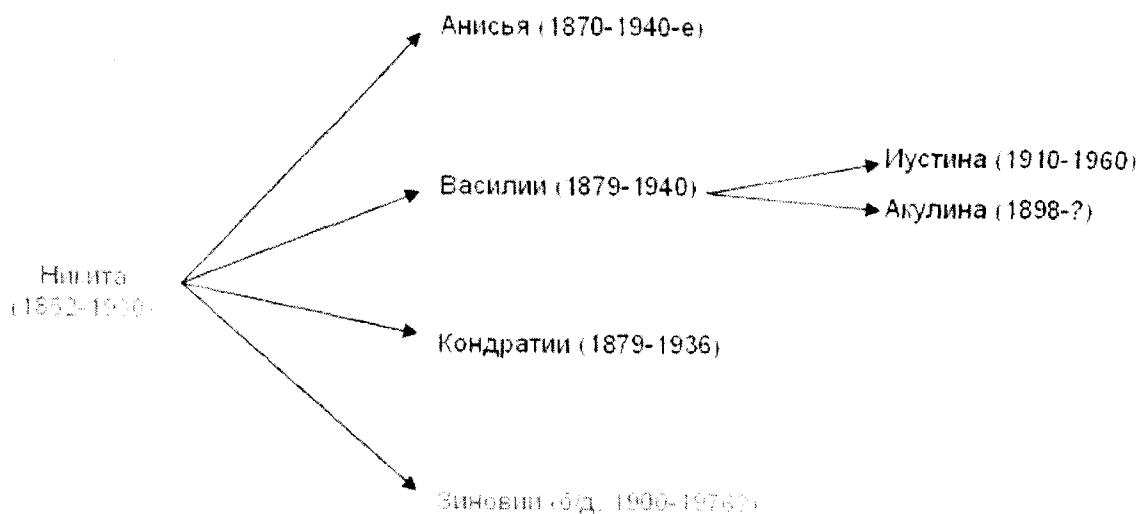
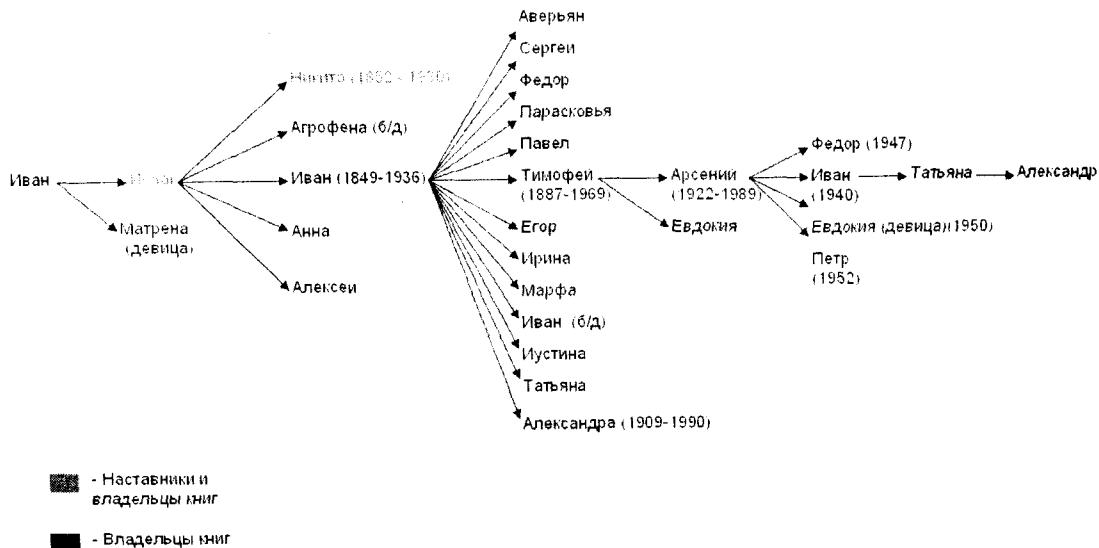
Наставники и «грамотные» в праздничные дни ходили в гости к сельчанам и вместо привычных пустословных разговоров рассказывали о прочитанном, чаще в назидание хозяевам. Практиковалось и такое, что «грамотные», увидев крестьянина или крестьянку за работой в праздничный день, шли к ним в дом и поучали: «Дядя Гаврил (друг З.Н. Бабикова – Т.Д.) грамотный был, шилко много книг читал. В воскресенье шел из магазина и увидел: Ваниха полоскаться пошла. Пришел домой, сумку оставил и пошел к Ванихе, говорит: «Пойду к Ванихи, надо научить, а то блудит. Люди в воскресенье молятся, а она стирает. Блудит»» [2]. Подобные визиты принимались с благодарностью, поскольку в советский период чаще всего правила нарушались по незнанию, и, бывало, жители деревни просили грамотных предупреждать о предстоящем празднике заранее.

В конце 1970-х гг. притеснения древлехристиан были уже не столь сокрушительны: допускалось проводить соборные службы к двунадесятым праздникам, поминования. В этот период многие устьцилемы, выйдя на заслуженный отдых, стали на спасительный путь и для них остро обозначился дефицит старопечатных книг, который восполняли привозом печатной продукции из старообрядческих центров Ленинграда и Риги. Поскольку книги печатались в этих изданиях обычным шрифтом (гражданская печать), многие старцы отказывались от этих книг называя их *новизенными*, и полагали, что в них меньше благодати, а потому доверяли рукописям, переписанным местными молитвенниками, в число которых входил и З.Н. Бабиков. В настоящее время *новизенные* книги также вос требованы как и старопечатные. Между тем, следует отметить, что во все времена на Печоре проходило обучение чтению на старославянском языке, и в настоящее время, когда Российский Совет Древлеправославной церкви наладил издание книг старопечатным способом, спрос на них вновь возобновился.

Семейные традиции в роду Бабиковых по-прежнему живы, передаются из поколения в поколение и старинные книги, рассказывают истории о предках, их славных делах. В настоящее время многие устьцилемские семьи занялись выявлением своих генеалогических корней, на родовых домах устанавливаются памятные доски. В ближайшем будущем на дне в д. Чукчино, где продолжил жизнь один из представителей рода Исаковых (Бабиковых), его дети, внуки – будет также установлен памятный знак.

1. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5, оп. 2, д.568, л.42.
2. ПМА (?) Записано от Бабиковой А.М. в 1999 г.

РОД ИСААКОВЫХ (БАБИКОВЫХ)

**История Усть-Цилемского края в устной традиции
(по результатам системного описания)***

Фольклорная культура Усть-Цилемского района [1] и устная народная история края – тема, как нельзя более характерная именно для данной традиции. Это проявляется особенно ярко на фоне народно-исторического пласта знаний и соответствующего фольклорного репертуара соседних с Усть-Цильмой традиций, которые на протяжении многих лет изучаются фольклористами Сыктывкарского государственного университета [2] и в которых не удалось зафиксировать того большого корпуса устных исторических рассказов, как в Усть-Цилемском районе, где проживают потомки сторонников староверия. Причины этого в определенной степени можно связывать с двумя обстоятельствами: во-первых, с консервативностью сознания устьцилемов и со свойственной им установкой на «культуру памяти» (А.М. Панченко); во-вторых, со сравнительно молодым «возрастом» традиции, сформировавшейся, по сути, в XVIII в. [3] и «еще» переживающей, актуализирующей события прошлого. Нельзя не учитывать также и специфику территориальных контактов жителей Усть-Цильмы, в прошлом находившихся в близком соседстве лишь с инозычными коми-ижемцами и в достаточном отдалении от своих сородичей – нижнепечорских и мезенских русских. Заметная обособленность – языковая, конфессиональная, территориально-экономическая – в условиях проживания (укоренения) на окраинном российском севере во многом способствовала появлению достаточно четкой самоидентификации жителей Усть-Цилемского края, и в настоящее время называющих себя «устьцилемами» [4].

Рассказы, отражающие историческую память и мировоззренческие установки жителей этого края, известны нам, главным образом, по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского госуниверситета (далее – СыктГУ; записи 1980-2000-х гг.), а также архива кафедры фольклора Московского госуниверситета (записи 1978, 1980 гг.). Записи, собранные в СыктГУ в 1980-х гг., в той или иной степени уже становились предметом специального рассмотрения: составлен указатель основных тем и мотивов усть-цилемских исторических преданий [5]; проведено сравнение этих текстов с местным церковным летописцем [6]; предпринята ха-

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РГНФ (№ 07-04-12143в).
Первая публикация: Канева Т.С. История Усть-Цилемского края в устной традиции (по результатам системного описания) // Народные культуры Европейского Севера: Материалы респ. научной конференции (15-17 октября 2007 г., г. Архангельск). Архангельск. 2008. С. 89-98.

теристика отдельных циклов [7]. В данной работе делается попытка представить некоторые обобщающие наблюдения над текстами, отражающими устную народную историю Усть-Цильмы, как в свете новых записей (в последние годы фольклористы СыктГУ возобновили полевое обследование в Усть-Цилемском районе), так и в свете новых задач, вытекающих из необходимости подготовки системно-аналитического описания накопленного материала для мультимедийного справочно-библиографического издания по данной традиции. Упорядочение этого материала в виде по-разному организованных указателей и таблиц (основные мотивы преданий, относящиеся к одной местности – алфавитный и топографический перечни; типы основных мотивов, отмеченные в усть-цилемских преданиях; основные мотивы преданий о лицах / героях местной истории) позволило обобщить данные, сопоставить его с так называемыми общерусскими сюжетами и выделить наиболее заметные специфические черты.

Репертуару усть-цилемских нарративов можно дать, на первый взгляд, довольно странную оценку: он выглядит не очень разнообразно. Весь корпус имеющихся в нашем распоряжении текстов можно разделить на две большие тематические группы: это рассказы, повествующие (1) о заселении и освоении края, в том числе предания с топонимическими мотивами, и (2) о событиях местной старообрядческой истории (о Великокопоженском и Тобышском скитах, в том числе о самосожжении на Великих пожнях и об Иване из Тобышского скита), об исторических лицах, связанных с событиями раскола (небольшая группа записей о проповеди Аввакуме и патриархе Никоне). При более подробном рассмотрении очевидным становится, что у многих текстов этих условно выделенных групп имеется общий мотив, как раз и придающий основному корпусу записей заметное единство – гонения на старообрядцев. Он является отправным едва ли не в каждом третьем повествовании о появлении тех или иных поселений. Приведем примеры из записей: «Вот гнанье когда было, они там и заселились, приехали. Родились там и расплодились. (...) Гнали из веры тут везде на север, набежали да и заселились...» [8]; «Когда Никон-патриарх пришел к власти, начали нашу староверскую веру корежить, от и побежали: то в Сибирь, то по Северу побежали староверы. Они ушли через Камень, через Тиман. До Мезени с Верхнего Новгорода они добрались, поднялись к мезенской Пижмы, через Тиман перешли на нашу Пижму. И заселились тут» [9]. Во многих подобных текстах наличествуют формульные выражения «из веры гнали», «из креста гнали».

Само появление поселенцев на Печорской земле видится устьцилем как следствие раскола церкви. Реальные факты возникновения и дореформенной жизни селения остались заслоненными более значимыми явлениями – изгнанием, поиском прибежища и обоснованием в чужих kra-

ях отлученных от церкви предков. Эти события – как некогда пережитая трагедия – оставили глубокий след в памяти потомков, став и точкой отсчета («первособытием»), и основным содержанием местной истории.

Судя по сообщениям усть-цилемского летописца, а также по некоторым историческим источникам, в Усть-Цилемском крае, отсчитывающем свою историю с 40-х гг. XVI в., происходили не только события, связанные с расколом: это и неоднократные нападения на слободку разбойников; и пожар, уничтоживший чуть ли не все поселение вместе с первой в округе Никольской церковью [10]; и «серебряно-медная лихорадка» на Цильме [11], и некоторые другие. Однако можно сказать, что память устьцилемов «избирательно» сохранила лишь отдельные страницы местной истории, как бы отдавая предпочтение истории старообрядческой. Весьма примечательно, что хронологически такие события, как, например, самосожжение в Великопоженском ските и пожар в Усть-Цильме следуют по времени один за другим (1742 и 1745 гг. соответственно), но в устной традиции сохранились лишь предания об огненной трагедии на Пижме [12].

Взгляд в прошлое сквозь призму истории раскола вызвал появление свойственных фольклорной повествовательности анахронизмов: возникновение поселения в Усть-Цильме (напомним: основанной в начале 1540-х гг.) в отдельных рассказах представляется значительно более поздним событием, как бы «переставляется» на хронологической шкале в позицию *после* более важных для устьцилемов моментов, таких, как, например, основание старообрядческого общежительства на Пижме (1710-е гг.) («Скит самый первый был. В ските уже все было, а в Усть-Цильме всего один домик только был» [13]). О таких явлениях Н.А. Криничная отмечала, что отступления от факта, «смешения» являются следствием изменений реалистических (поздних) элементов преданий, которые занимают место мифем [14].

Ранняя усть-цилемская история обозначена в устных рассказах именами Ивана Грозного – правителя, санкционировавшего появление слободки (что соответствует документальным данным), и Ивашки Ластки – основателя поселения, имя которого также сохранили и исторические свидетельства. Однако и их деяния нередко связываются в «народной истории» также со старообрядчеством: первый выступает иногда в устных воспоминаниях как гонитель приверженцев истинной веры, второй – гонимым («Беженцы бежали от Грозного...» [15]: «Были при Иване Грозном ище... было гоненье за веру, тоже он строгий был, дак бежали. Беженцы заселялись сюды, Иван Ластко» [16]). Кроме того, в отдельных рассказах исторический персонаж, первозаселщик Усть-Цильмы Ивашка Ластка и последний страдалец за веру Иван из Тобышского (Цилемского) скита являются одним героям [17].

Значительно мифологизированный в местной традиции образ новгородской прародины устьцилемов также испытал на себе некоторые влияния их своеобразных исторических предпочтений: новгородская земля часто характеризуется исполнителями не просто как исходная территория, откуда когда-то, возможно, приходили на Печору и ее притоки насељники, но и как родина последователей староверия: «Первы насељники-ти Ортя был. <...> Ортя – брат Анкудину, он тоже из Новгорода. У его только два брата да сестра была Машка, Марья.<...> А все из Новгороду они. Анкудин да Микифер был. Како ле гоненье скитских было, ле чё ле, он там где ле поселился у Микишиных, так и называли...» [18]; «Их шесть, говорят, братьев было. По Пижме селились <...> через бор, бора кругом, дак Боровской назвали. Охотники были. Признаивают, что это новгородцы жили. Раньше беженцы были, по скитам ходили – ну, как скрывались, тоже чем-то притесняли их, и они вот уходили подальше» [19]; «Это беженцы, этот пижемский скит громило царское правительство. Они сами были новгородские...» [20].

Чтобы излишне не преувеличить место старообрядческой темы в устьцилемских преданиях, укажем, что подобного рода рассказы неравномерно представлены в пространстве и времени традиции. Так, эта тема практически уходит из воспоминаний исторической направленности, записывавшихся в тех усть-цилемских поселениях по реке Печоре, которые появились в значительно более позднее время. Свою специфику обнаруживают повествования о последователях старой веры в пижемских и в цилемских деревнях: на Пижме, главным образом, локализуются предания о самосожжении в Великопоженском ските, на Цильме – о Тобышском (на притоке Цильмы), что в общем объясняется пространственной локализацией скитов. По личным впечатлениям от экспедиций последних трех лет также отмечу, что на Пижме, по праву считающейся колыбелью печорского старообрядчества, память о сакрализованной истории не выглядит более активной, нежели на Цильме, где некогда также существовал скит, но не такой крупный и известный, как Великопоженский. Очевидно, немаловажную роль в поддержании памяти играет статус сакрализованного локуса: место знаменитого скита на Пижме, по сути, не сохранилось, растворившись в пространстве д. Скитской, а место Тобышского общежительства («у покойных»), удаленное от жилья, до сих пор является обетным для жителей Цильмы.

В продолжение темы об «исторических местах» обратим внимание на запечатленные в устной традиции факты повторяемости отдельных событий, относящихся ко времени освоения новых земель. Речь идет о мотиве переселения с места первоначального обоснования на более удобные, пригодные для проживания территории. Этот мотив зафиксирован в рассказах о двух разновеликих и разностадиальных, но типологически соот-

носимых локусах: о «Старых Дворищах» – «первопространстве» усть-цилемской традиции, месте на левом берегу Печоры, напротив появившейся позже слободки, разросшейся до современного села Усть-Цильмы [21], и о местечке «у старой избы», расположенному на противоположном относительно села Трусова (центрального для цилемской округи) берегу реки Цильмы. Оба первооселения оказались неудачными для благополучного проживания (их заливало весенним половодьем, а цилемское, кроме того, не давало хлеба из-за «тяжелой» – по местному выражению – земли) и, таким образом, стали временными, как бы «несостоявшимися», местами обоснования, но сохранившимися в сходных и очень показательных с точки зрения «народной диахронии» топонимах (*старые дворища, старая изба*) [22]. Развитие этой темы в цилемских преданиях можно усматривать в образе «золотой горы» («Трусово – золотая гора») – так некоторые трусовцы по традиции, идущей от дедов, называют возвышенный берег реки, на котором выстроилось село рядом с полями, дававшими первооселенцам хлеб: «Сперва будто поселились за реку <...>, там топить стало, вода-то больша, ак топить стало, дак они на гору переселились. Стали чистить вот это всё эти носки-ти да, то слыхала то вот, что тут золота гора. хлеб-от хорошой приходил на горы-то. Хлеба прежде много было дак, вот и золота гора называлась. <...> Жито хорошо приходило на горы-то, вот и золота гора называлась» [23]; «Сперва-то еще заселились были в мег, а потом из мегу за рекой эво ко Старой избе заселились. А потом стали вешать, это которая земля легче к приходу. Эта оказалась легче, и они сюды переехали. Первый дом был на холму там, нашо полё, наш овин там был. Ну, а эта земля легче <...> к приходу, <...> всё говорили: Трусово – золотая гора. А нынче всё заставлено, тогда все были эти поля...» [24].

На Цильме, в более молодом – по сравнению с Пижмой или самим селом Усть-Цильмой – микрорайоне, неплохо сохраняется история родов, ведущих свою генеалогию от первооснователей Василия Труса (Васины), Филиппа, Максимковы и др., в ней удерживается память о смешанных браках – мезенской [25] и ненецкой [26] линиях.

В усть-цилемской традиции память о первооселенцах поддерживается довольно большим количеством отыменных названий деревень (Степановская, Климовка, Алексино, Сергеева Щелья, Лёвкинская и т.д.), их примерно около половины от всего перечня местных топонимов. Историко-топонимические мотивы включают также воспоминания (иногда просто упоминания) о братьях – засельщиках одной или нескольких близких деревень (шесть братьев – основателей поселений на Пижме: Абрамовской, Алексеевки, Микишиных [27]; три брата, обосновавшихся на Цильме – в Трусово, Ортино и Филиппово; и три брата – первооселенцы деревни Бык на Печоре).

В сравнении с репертуаром других севернорусских преданий, обобщенном в указателе Н.А. Криничной [28], отчетливо бросается в глаза отсутствие в усть-цилемских записях следов так называемой мифолого-эпической линии (сюжеты об аборигенной чуди, кладах, разбойниках, особенностях ландшафта в связи с деятельностью первопредков и т.п.), но при этом вполне отчетливо сохраняются реальные и фольклоризированные факты поздней эпохи (которая собственно и сформировала феномен усть-цилемской традиции). Первооснователи усть-цилемских поселений осмысливаются народным преданием как вполне реальные лица, появившиеся на печорской земле, как правило, вследствие гонений на старообрядцев и в поиске богатых промысловых угодий, удобных для проживания мест. Они практически лишены каких-либо «личностных» характеристик (физическая сила, особенности внешности, знаний и поведения и т.п.) и, по сути, вся память о них сконцентрировалась в имени (антропониме); исключение в этом ряду составляет, пожалуй, лишь основатель цилемского села Трусова – Василий Трус, которому приписываются противоречивые свойства: то трусость, то, напротив, смелость, выразившаяся в том, что он однажды испугал («трусынулся») медведя. Событийный ряд «народной истории» Усть-Цильмы представлен, главным образом, трагическими случаями из жизни гонимых приверженцев староверия (самосожжение в Великопоженском ските, вымирание тобышских скитников, ссылка Аввакума). Лишь редкие рассказы сохраняют отголоски особых бытовых «происшествий», как, например, необычное появление быка или коровы на еще не обжитом пространстве (д. Бык, д. Коровий Ручей). Небольшая группа историко-топонимических рассказов отражает подмеченные засельщиками особенности ландшафта (д. Бор, Боровская, Гарево, Замежная, Загривочная и др.).

Обозревая в целом корпус устных исторических воспоминаний Усть-Цильмы, можно отметить, что они обладают ярко выраженной спецификой, обусловленной местными конфессиональными особенностями. Освоение края, события прошлого в народной летописи оказались так или иначе связанными с историей появления старообрядцев на Печоре и ее притоках или переосмысленными под ее влиянием. Следует также отметить, что устойчивость устной исторической памяти усть-цилемов в значительной степени обеспечивается местной рукописно-книжной культурой, также запечатлевшей имена и события старообрядческого движения.

1. По современному административно-территориальному делению – в составе Республики Коми, до 1929 г. – в составе Архангельской губ. Район расположен в среднем течении реки Печоры и ее притоков Пижмы и Цильмы.

2. См.: Власов А.Н., Канева Т.С., Филиппова В.В. Основные итоги фольклористической деятельности Сыктывкарского университета // Народная культура европейского севера России: региональные аспекты изучения. Сборник научных трудов к 10-летию кафедры фольклора и истории книги. Сыктывкар. 2006. С. 9-12.
3. Усть-Цилемская слободка была основана в 1540-х гг., однако сложение местного культурного уклада можно связывать с появлением в Печорском крае староверов в нач. XVII в. Литературу об истории и культуре Усть-Цильмы см.: Библиографический указатель по истории и культуре русских староверческих групп, проживающих в Республике Коми / Сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева // Староверие на северо-востоке европейской части России: Сборник статей. Сыктывкар. 2006. С. 217-241.
4. Показательна в этом отношении самохарактеристика местных жителей, бытующая на уровне формульного текста: «Мы не коми, мы не русские, мы – устьцилёма».
5. См.: Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы: Учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар. 2002. С. 108-120.
6. Канева Т.С. Церковный летописец и устная историческая проза Усть-Цильмы // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сборник статей. Сыктывкар. 1996. Т.2. С. 102-108.
7. Волкова Т.Ф. Усть-цилемские предания о проповеде Аввакуме и патриархе Никоне (по материалам Фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции: Тезисы докладов научной конференции. Екатеринбург, 1998. С. 20-23; Усть-цилемские предания об Иване / Подгот. текстов и comment. Т.С. Каневой // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999. Т.30. С. 423-430; Канева Т.С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы: Учебное пособие... С. 76-86; Канева Т.С., Матвеева Л.Е. Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VII междунар. научной конференции. М., 2005. Т.2. С. 234-240.
8. Фольклорный архив СыктГУ. Усть-Цилемское собрание (далее – ФА СыктГУ) 0308-16. Зап. в 1986 г. в с. Замежной от А.К.Андреевой. 1911 г.р.
9. ФА СыктГУ 0342-33. Зап. в 1988 г. в д. Филипповской от Ф.Ф.Носова. 1910 г.р.
10. См.: Канева Т.С. Усть-цилемский церковный летописец: реконструкция текста и комментарий // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера: Межвуз. сборник науч. трудов. Сыктывкар, 1997. С. 23-24.
11. Окладников Н.А. Тайна древних Цилемских рудников // Арт: Республика: литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал. 2007. № 2. С. 95.
12. См.: Канева Т.С., Матвеева Л.Е. Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции. С.234-240.
13. ФА СыктГУ 0388-8. Зап. в 1989 г. в д. Скитской от Михеева С.М.. 1914 г.р.
14. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 11-12.
15. ФА СыктГУ РФ 03-XIX-15. Зап. в 1987 г. в с. Замежной от У.И.Чупровой. 1906 г.р.
16. ФА СыктГУ 0353-15. Зап. в 1984 г. в с. Усть-Цильме от М.Д.Овчинниковой. 1919 г.р.
17. Усть-цилемские предания об Иване: см. также: Канева Т.С. К вопросу о специфике усть-цилемской фольклорной традиции // Рябининские чтения – 95: Сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 160-162.
18. ФА СыктГУ 03105-54. Зап. в 1990 г. в с. Замежной от А.Г.Мяндиной. 1903 г.р.
19. ФА СыктГУ 0356-60. зап. в 1987 г. в с. Замежной от Р.М.Мяндина. 1922 г.р.
20. ФА СыктГУ 0342-33. Зап. в 1988 г. в д. Филипповской от Ф.Ф.Носова. 1910 г.р.
21. Первоначально Ивашка Ластка с товарищем Власком, прибывшие на Печору, поселились на левом берегу Печоры при впадении в нее Цильмы, но вскоре перебрались на правую сторону реки, обосновавшись напротив того же устья. Там первопоселенцы завели земледелие, между тем как противоположная сторона, богатая лугами, представлялась удобной для скотоводства (см.: Канева Т.С. Усть-цилемский церковный летописец: реконструкция текста... С. 21). О месте Старых Дворищ в календарной обрядности устьцилемов см.: Канева Т.С. Календарно-бытовой уклад жизни устьцилемов (по публикациям XIX – начала XX вв. и материалам фольклорных экспедиций СыктГУ) // Старообрядчество: История, культура, современность: Матер. 5-й науч.-практ. конференции М., 2000. С. 412-429.
22. Примечательно, что в традиционной усть-цилемской топонимике нет названий со словом «новый» или производными от него.
23. ФА СыктГУ 03232-4. Зап. в 2007 г. в с. Трусово от Е.И.Чупровой. 1918 г.р.
24. ФА СыктГУ 03235-17. Зап. в 2007 г. в с. Трусово от Ф.Ф.Ермолиной. 1927 г.р.
25. С Мезенью в устных повествованиях связывается и история заселения Пижмы, однако только на Цильме мы встретили такие характеристики семей, как «мезёнкины» (или воспоминания о «бабке-мезёнке») и «лещуконские».
26. Ненецкий субстрат нашел отражение в прозвищах жителей двух цилемских деревень – Мылы и Нонбурга: «юнбурски самоды» (самоеды) и «мыльски горшки» (черные – смуглолицые, темноволосые и темноглазые) (См., например: ФА СыктГУ 03232-2. Зап. в 2007 г. в с. Трусово от Е.И.Чупровой, 1918 г.р., а также другие материалы цилемской фольклорной экспедиции СыктГУ 2007 г.).
27. Это предание нашло отражение в родословной Чупровых. См.: Есева М.И. Об истории одного пижемского рода («Мой XX век» М.В. Чупрова) // Молодые исследователи – Республике Коми (в рамках Всерос. научно-социальной программы «Шаг в будущее»): Сборник тезисов 9-й респ. научно-практической конференции. Сыктывкар. 2006. С. 26-27.
28. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 278-294.

Е.И. Герасимова, С.В Мяндина

**Миссия Усть-Цилемской центральной библиотеки
в развитии чтения и популяризации краеведческой книги**

«Родной край, его история – ,
Основа, на которой только
и может осуществляться
рост духовной культуры
всего общества»

Д.С. Лихачев

2008 год – юбилейный в культурной жизни Усть-Цильмы. 3 января исполнилось 105 лет со дня открытия в селе первой бесплатной народной библиотеки. Это событие обозначено Постановлением главы муниципального образования муниципальный район «Усть-Цилемский» от 22 января 2008 года № 71 «О мероприятиях, посвященных 105-летию первой бесплатной народной библиотеке в с. Усть-Цильма».

Усть-Цилемская центральная библиотека – крупнейшее книгохранилище района. Одной из главных задач библиотеки которого является работа по развитию чтения, популяризации книги, в т.ч. краеведческой. Сотрудники библиотеки понимают, что ничто так не объединяет людей, как чувство малой родины.

На протяжении не одного десятка лет библиотека занимается краеведческой деятельностью. Здесь собран уникальный краеведческий фонд на различных носителях. Есть материалы и о И.С. Мяндине. Это монография В.И. Малышева «Рукописные сборники XVI-XX веков», опубликованная в Сыктывкаре в 1960 г., учебное пособие по спецкурсу «Древнерусская литература в круге чтения Печорских крестьян» Т.Ф. Волковой, изданное в СыктГУ в 2005 году, компакт-диск CD-ROM «Электронная коллекция рукописных материалов Усть-Цилемского собрания научной библиотеки СыктГУ», созданный коллективом научных Сыктывкарского университета и ректоров Нашчий библиотеки университета, и др.

Центральная библиотека Усть-Цильмы – это настоящий информационно-культурный центр, с ее участием проходит много интересных крупных акций республиканского и районного масштабов не только в стенах библиотеки, но и на других площадках Усть-Цильмы и сельских поселений: праздники, посвященные Дню славянской письменности и культуры, в программе которых театрализованное представление «Как слово зародилось», литературный вечер «Отец и сын Журавлевы», читательская конференция «Книга в моей жизни», встречи с Настоятелем старообрядческой поморской общины в с. Усть-Цильма Алексеем Григорьевичем

Носовым, конкурс «Я – библиотекарь», акция «Полюби книгу о родном крае», торжественное открытие Года чтения семьи – 2008 и презентация проектов Центральной библиотеки: «Мой дом, жители, библиотека», «Человек читающий».

Совместно с Центральной детской библиотекой в течение ряда лет реализуется программа «Нам жить, и помнить, и беречь». Самое ценное, что удалось осуществить в рамках деятельности этой программы, – это сбор краеведческой информации и выпуск библиографических изданий, памяток, закладок (см. далее Приложение):

Деловые люди российской провинции (предприниматели Усть-Цилемского района на страницах периодической печати) / Сост. Н.А. Носова – 2005.

Их именами названы улицы Усть-Цильмы / Сост. С.В. Мяндина. – 2007.

В поддержку малого бизнеса (деловым людям Усть-Цилемского района) / Сост. М.А. Федотова – 2008.

К 80-летию Усть-Цилемского района готовится к выпуску новый указатель литературы «Край Печорский. Что читать об Усть-Цилемском районе и его населенных пунктах».

Интерес жителей к родному краю, к истории своих поселений всегда существовал и особенно усилился в последние годы, когда Коми региональная общественная организация «Русь Печорская» сумела привлечь внимание многих людей к богатому духовному наследию усть-цилемов.

В библиотеки и музеи стали обращаться с вопросами: когда было основано родное селение, сколько в нем жило людей, чем занимались предки и т.д. Чтобы ответить на эти вопросы и выдать читателям справки, библиотекари решили издать пособие, куда будет включен список научно-популярной, массовой литературы.

Главным источником для отбора материала для этого пособия были фонды, краеведческая библиографическая и периодическая печать, каталоги и картотеки Центральной и Центральной детской библиотек.

История Усть-Цильмы столь богата и разнообразна, что требует разработать еще ряд пособий, которые необходимы не только жителям Усть-Цилемского района, но и всем интересующимся историей нашего северного края в Республике Коми и других городах России.

Не должна быть забыта и многолетняя дружба со знаменитыми людьми, родившимися или проживающими в определенное время в этом районе,. Поэтому библиотекари на перспективу планируют выпуски библиографических указателей с рабочими названиями: «В.С. Журавлев-Печорский: жизнь и творчество» (писатель в Усть-Цильме), В.И. Осташов «Он о Печоре петь не уставал», «Знаменитый российский поэт» (О.А. Чупров) и ряд других.

К данной библиографической деятельности библиотекари подходят как к практическому патриотизму, стараясь сохранить историческую память и доступ к краеведческой информации.

Приложение

Список краеведческих и библиографических изданий, осуществленных Центральной библиотекой Усть-Цилемского района

Из истории родной Усть-Цильмы: указатель литературы, посвященный доктору исторических наук В.И. Чупрову / Сост. С.В. Мяндина – 2006.

Только доблесть бессмертно живет: библиографический указатель о воинах Героях Советского Союза Усть-Цилемского района для учащихся среднего и старшего школьного возраста / Сост. А.С. Попова – 2006.

Дорог каждый миг: памятка к 75-летию со дня рождения Н.А. Чупрова / Сост. А.С. Попова – 2005.

Исследователь Севера (к 125-летию Андрея Владимировича Журавского): библиографическая памятка для школьников / Сост. А.С. Попова – 2007.

Поэт страны Выюжана: памятка к 65-летию со дня рождения А.К. Журавлева / Сост. А.С. Попова – 2003.

Народный праздник «Усть-Цилемская горка» – шедевр русского и нематериального наследия человечества: информационный список литературы / Сост. С.В. Мяндина – 2005.

E.H. Рожкин, П.В. Габов

Роль Межрегионального общественного движения «Русь Печорская» в культурно-просветительской работе

Культурно-просветительская деятельность исторически имеет огромное значение в изучении родного края. Задачами республиканского общества «Русь Печорская», созданного в 1990 году, являются сохранение и развитие самобытной культуры Усть-цильмы и бытового уклада жизни усть-цилемцев. А сохранение и передача молодёжи традиционной культуры предков немыслимы без культурно-просветительской работы активистов общества «Русь Печорская». Выходцы из Усть-Цилемского района, оставшиеся преданными своей малой родине, создали отделения общества «Русь Печорская» в городах Ухте, Печоре, Сыктывкаре, Инте, в Москве. Они хорошо вписались в систему национально-культурных объединений.

Со дня основания общество «Русь Печорская» отличается крепкими связями с городскими отделениями, которыми руководят авторитетные люди. В г. Ухте общество «Русь Печорская» бессменно возглавляет замужженный работник Республики Коми, член Союза писателей СССР и России, поэт Александр Константинович Журавлев. Ухтинское отделение и фольклорно-этнографический ансамбль «Устьцилёмочка» активно участвуют в просветительской работе с детьми в Ухтинском центре славянских культур.

Чупров Владимир Иванович, уроженец с. Усть-Цильма, историк, в 1993 году в Институте российской истории РАН защитил докторскую диссертацию «Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX – начале XX вв. (1895-1917 гг.)». В последние годы Владимир Иванович регулярно выступает на научных конференциях, публикует в России и за рубежом научные работы. В 2000 году ему присвоено ученое звание профессора. Он – соавтор таких крупных работ, как «Связь времен» (2000 г.) и «Атлас Республики Коми» (2001 г.), читает лекции по истории России, публикует учебные пособия.

Особое место в жизни и творчестве В.И.Чупрова занимает его родина Усть-Цильма. В 1991 году он опубликовал совместно с коллегами книгу «Усть-Цильма – край Печорский», а в 1992 г. – уникальный сборник усть-цилемских сказок. В 1991 г. Владимир Иванович стал одним из инициаторов создания общества «Русь Печорская», объединившего устьцилёмов со всей республики. Более 17-ти лет В.И. Чупров бессменно возглавлял Сыктывкарское отделение общества. В настоящее время он – заместитель председателя «Руси Печорской», организатор и участник всех научных мероприятий. Владимир Иванович пользуется заслуженным авторитетом в республике и за ее пределами. В.И.Чупрова хорошо знают и высоко ценят коллеги-историки в Петрозаводске, Вологде, Архангельске и других городах. Владимир Иванович – яркий пример того, насколько естественно научная основательность, можно даже сказать – степенность при написании книг по истории Севера и преподавательской деятельности могут сочетаться с удивительной живостью и темпераментом, проявляющимися в сохранении и приумножении богатейшей традиционной культуры устьцилёмов.

Другой знаменитый устьцилем – Олег Чупров – ведущий поэт России, член правления Союза писателей России, член президиума Петровской академии наук и искусства, профессор Международной славянской академии в Санкт-Петербурге. Он в своих произведениях прославляет просторы Севера, широкую гладь Печоры, и конечно же – родную Усть-Цильму. Поэт известен также как автор текстов многих гимнов: Ленинградского военного округа, Военно-морской академии, Белгородского и Сыктывкарского университетов, а также гимна великого города Санкт-

Петербурга. Одно то, что в поэтическом конкурсе по созданию текста гимна на музыку композитора Р. Глиэра участвовало более 400 поэтов, а лучшим стал наш земляк Олег Чупров, не может не вызывать чувства гордости.

Творческий коллектив «Русь Печорская» начался со знаменитых посиделок Усть-Цилемского землячества, на которые в Сыктывкаре собирались до двухсот уроженцев старинного русского села. А какой празднике без песен? Так постепенно складывался самобытный, абсолютно ни на кого не похожий песенный коллектив. Руководителем коллектива стала Нина Ананьевна Матвеева. Интересен тот факт, что коллективу удалось полностью восстановить сценический вариант древнейшего массового хороводного праздника «Горка». В Москве наших земляков оценили по достоинству. Руководитель коллектива Н. Матвеева стала победителем в конкурсе «Душа России» в номинации «Руководитель коллектива народного пения»

Основанное в XVI веке выходцами из Новгорода село Усть-Цильма уникально во многих отношениях. Это один из старейших населенных пунктов на территории Коми, центр уникальной по сохранности древнерусской культуры и традиций. Считается, что только здесь сохранились практически в неприкосновенности язык, бытовой уклад, староверчество, этнографический облик древних новгородских переселенцев.

В первое десятилетие XXI века Усть-Цильма все чаще становится местом проведения научно-практических конференций. В 2001 году здесь прошла Всероссийская конференция, посвященная деятельности А.В. Журавского и 90-летию Печорской опытной станции, которая собрала академиков-аграрников страны. В 2005 году прошел межрегиональный семинар «Особенности воспитания на Севере», в 2006 году состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Сельская Россия: прошлое и настоящее. Исторические судьбы северной деревни». Тематика заслушанных докладов была очень разнообразной: история северных поселений и особенности экономического развития различных регионов Севера, древнерусская книжность, иконопись и литье; отдельный блок материалов был посвящен персоналиям, внесшим вклад в развитие истории и культуры России.

Особый интерес выявила работа секции «Усть-Цильма – феномен древнерусской культуры», на которой выступили ученые из Москвы, Сыктывкара, Вологды, Новгорода, Архангельска, на протяжении десятилетий изучающие историю и культуру Усть-Цилемского края, подтвердившие тезис о феноменальности староверческой культуры Усть-Цильмы.

По итогам этой конференции к 465-летию Усть-Цильмы был издан сборник с аналогичным названием [1]. Презентация книги прошла в юби-

лейные дни во время встречи землячеств общества «Русь Печорская». Фильм «Русь Печорская» также был показан в рамках юбилея. И не только он. Еще два документальных кинофильма начала 70-х – «Там, за рекой Печорой» и «Праздник на Печоре» – были отреставрированы и отцифрованы при благотворительной поддержке некоммерческой организации «Благотворительный фонд «ЛУКОЙЛ» и ООО «ЛУКОЙЛ-Коми». Все фильмы по сути своей уникальны, хотя и снимались в разных идеологических условиях.

Культурно-просветительская работа общества постепенно выходит на экраны. Документальный фильм «Русь Печорская», снятый по заказу Министерства культуры и национальной политики РК и повествующий о самобытных обрядах устьцилемов, стал дипломантом престижного конкурса документальных фильмов «Золотой бубен». Конкурс проходил в Ханты-Мансийске с 16 по 20 сентября 2006 года. В 15 номинациях состязались около 80 фильмов. И все-таки фильм о жителях старинного северного русского села – старообрядцах Усть-Цильмы, снятый полупрофессиональной камерой, произвел на жюри сильное впечатление. Как подчеркивают авторы, в 26-минутном фильме минимум постановочных кадров – они нужны лишь для того, чтобы подробно показать какие-то детали обряда, например, как мастерица плетет поясок. Но именно потому, что здесь запечатлено действие в его естественном виде, фильм смотрится на одном дыхании.

С 29 октября по 2 ноября 2007 года в Москве впервые прошли Дни устьцилемской культуры, собравшие уроженцев этого северного старообрядческого села не только непосредственно из нашей республики, но и из Санкт-Петербурга, Суздаля и Москвы. Мероприятие это – не рядовое еще и потому, что проводилось оно на столь высоком уровне в год, объявленный Президентом РФ В. Путиным Годом русского языка, а Усть-Цильма до сих пор остается уникальным заповедником старорусской духовной и материальной культуры. Самая многочисленная делегация – около 50 человек – прибыла из районов Республики Коми. В ее состав вошли фольклорно-этнографические коллективы «Усть-Цилемские краснопевцы» и «Русь Печорская», благодаря которым гости праздника, собственно, и смогли окунуться в атмосферу старорусской культуры с ее дивной песенной традицией. Большую помощь в организации Дней оказали председатель комитета по бюджету, налогам и экономической политике Госсовета РК, председатель объединения «Русь Печорская» в Сыктывкаре Белла Забровская и председатель московского филиала этой организации Татьяна Вокуева.

Торжественное открытие Дней состоялось 30 октября в Московском доме национальностей. Здесь для собравшихся был дан концерт, звучали приветственные речи официальных лиц и стихи из уст поэтов, посвящен-

ные их малой родине. На следующий день в Постоянном представительстве РК при Президенте РФ прошла презентация материалов Всероссийской научно-практической конференции «Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни)».

В 2007 году село Усть-Цильма отметило 465-летие. К юбилею в Национальном музее РК была приурочена выставка «Старопрежней Руси осколок», на которой были представлены различные экспонаты – от ярких усть-цилемских сарафанов до старинного фотоаппарата с треножником, привезенного в 1912 году известным ученым Андреем Журавским.

В том же 2007 году вышла в свет удивительная книга Татьяны Дроновой «Жили мы у бабушки, кушали оладушки». Этот научно-популярный сборник посвящен богатейшему детскому фольклору устьцилемов. Еще одну книгу, посвященную Усть-Цильме, под названием «И горка радугой цветет» на свои деньги выпустила в свет бывшая устьцилемка, а ныне жительница Ухты Мария Терентьева. Впрочем, бывших устьцилемок не бывает, и на новом месте жительства Мария Васильевна старается и приобщить к традициям старинного села своих друзей. Книга Марии Терентьевой полностью посвящена таинствам «горки».

Усть-Цилемская центральная библиотека – крупнейшее книгохранилище района – имеет в своих фондах более 40 тысяч единиц хранения и по сути является центром культурно-просветительской работы. Библиотека тесно сотрудничает с Коми региональной общественной организацией «Русь Печорская», председателем которой является директор ЦБС Е.И.Герасимова. На базе библиотеки проведены значимые мероприятия: научно-практическая конференция «Традиционная культура усть-цилем»; научно-практическая конференция «Традиционная культура усть-цилем»; Круглый стол «Особенности воспитания на Севере: опыт, традиции, современность». По итогам юбилейной конференции был выпущен сборник «Для меня Усть-Цильма место, где родиться повезло». В читальном зале библиотеки проходят вечера-встречи с представителями землячеств Сыктывкара, Ухты, Печоры, Нарьян-Мара, Москвы, Инты, талантливыми писателями, поэтами, композиторами.

Таким образом, представители Межрегионального общества «Русь Печорская» всецело посвящают свою деятельность культурно-просветительской работе и являются примером для других национально-культурных объединений Республики Коми.

1. Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Республика Коми, с. Усть-Цильма. 10-13 июля 2006 г.). М.: Сыктывкар. 2006.

II. История Печорского края и Республики Коми

В.И. Чупров

Социальный протест крестьян с. Усть-Цильма во второй половине XIX в.*

В рассматриваемый нами период – вторая половина XIX века – проходила творческая деятельность Ивана Степановича Мяндина. Он профессионально занимался сохранением старинных рукописей и редактированием древнерусских повестей, сам писал различные древнерусские сочинения – сказания, жития и многие другие произведения. Вместе с ним по сохранению и дальнейшему развитию традиционной материальной и духовной культуры Усть-Цильмы трудились и многие другие печорские крестьяне. Однако не одним «духом» жив человек. Устьцилемские крестьяне занимались земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой и различными неземледельческими промыслами. И одной из основных целей производственной деятельности крестьян Печоры было обеспечение населения хлебом.

Научные исследования, проведенные по изучению вопросов развития земледелия и землепользования показывают, что в Печорском крае земледелие во второй половине XIX-начале XX вв. получило незначительное развитие [1]. Преобладающей культурой являлся ячмень, который составлял почти сто процентов посевного зерна. Так, в 1912 году фигурирует по Усть-Цилемской волости посевным только ячмень – 8630 пудов. Собрано было 32 140 пудов на население волости, равнявшееся к тому времени 9393 человекам, на душу приходилось всего 3,4 пуда. Учитывая, что для нормального существования по расчетам было необходимо минимум 18 пудов на одного человека в год, можно заключить, что обеспеченность хлебом усть-цилемского крестьянства составляла всего 18,8 %, т.е. своего хлеба хватало буквально на 2,5 месяца. Хотя упорным трудом крестьяне расширяли пашню, но хлеба больше не становилось. Хлебопашество на Печоре развивалось экстенсивно, едва успевало за приростом населения, оно носило рутинный, натуральный характер. Однако, несмотря на это, земледелие было составной частью крестьянского хозяйства и оказывало влияние на все стороны жизни устьцилемского населения. Большинство крестьян видело в нем солидный источник существования. Своя пашня придавала северному крестьянину психологическую устойчивость в борьбе за существование. Тем не менее суровая жизнь диктовала и свои условия. Усть-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 09-01-41105 а/с.

Цилемцы полностью зависели от продовольственных комитетов, хлебозапасных магазинов и чердынских купцов. Кстати, хлебозапасные магазины были открыты в середине XIX века.

Одно из требований, с которыми выступал в Екатерининской Уложенной комиссии И. Чупров, было выполнено намного позже. Царское правительство признало организацию подобных магазинов. Угроза умереть голодной смертью отпала, но крестьяне не могли избавиться от хлебных недоимок, которые образовывались из-за невозможности во время внести долг. Просьбы о снятии или отсрочке хлебного долга шли из среды усть-цилемского крестьянства бесконечным потоком. И они вели постоянную борьбу за снижение хлебных долгов. Нам удалось найти в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге интересное дело, связанное с этим вопросом и хочется частично его отразить на нашей конференции.

28 февраля 1867 года усть-цилемские крестьяне ходатайствовали перед правительством о том, чтобы продовольственные комитеты не закупали хлеб у чердынских купцов, так как цена на хлеб на рынке от этого возрастила. Однако чиновники продовольственного комитета Печорского уезда к просьбам крестьян не прислушались, заключили контракт с чердынскими купцами, закупили у них 13 тыс. пудов хлеба, заплатив за куль муки (9 пудов) 12 руб. 50 коп. [2] В вольной же продаже до заключения этого контракта крестьяне Печорских волостей покупали хлеб с доставкой на место от 7 р. 50 коп. до 8 руб. за куль. Видя, что подобные действия комитета могут привести к вздорожанию цен на хлеб, крестьяне Усть-Цилемской волости, в количестве 197 человек, собрались 11 июня 1867 г. на сельский сход и приняли приговор, отправленный архангельскому губернатору. В нем печорцы писали: «...Комитет не обратил внимание на бедственное положение крестьян Запечорского края, закупил хлеб в казну и возвысил цену на 4 р. 51 коп. на куль, через что крестьяне пришли в совершенное недоумение, видя крайнее разорение, а не защиту со стороны комитета» [3]. И далее крестьяне сообщали, что они «вынуждены принять смелость остановить приемку хлеба в Усть-Цилемский торговый магазин, с принятием всей ответственности, могущей случиться», а также «отстранить их (имеются в виду членов правления Продовольственного комитета – В.Ч.) от приема хлеба» [4].

Вскоре от Мезенского уездного исправника пришло предписание начать «прием хлеба в казенный магазин, заготовленного в настоящую навигацию от чердынских торговцев». Но усть-цилемцы на это предписание откликнулись новым приговором, в котором писали, что приговор от 11 июня 1867 г. они не могут изменить, «оставляют в полной его силе» [5]. Выход из положения крестьяне видели в том, чтобы заготовлять хлеб заблаговременно и

помимо чердынских купцов. Они предлагали завозить хлеб зимой через г. Пинегу, откуда они могли бы его доставлять на лошадях.

21 августа приходит разъяснение из Архангельска. «Действия крестьян Усть-Цилемской волости незаконны, – писал по поручению губернатора старший чиновник особых поручений. Они не имеют ни малейшего права препятствовать распоряжениям правительства и не принимать казенного хлеба, который составляет не их собственность, а имущество казны и принимается в казенные магазины, что препятствие их в этом равняется ослушанию закона и поведет к строгой ответственности, что нарушители спокойствия и ослушники будут взяты и переданы суду, что распоряжение правительства должно быть исполнено» [6]. Таким образом, противодействие крестьян закупкам хлеба продовольственными комитетами расценивалось царским чиновником как выступления против государственного строя.

После этого инцидента прошло пятнадцать лет и в 1892 г. архангельский губернатор князь Голицын посыпал в Печорский уезд приказ, отпечатанный в типографии, в котором говорилось, что «Крестьяне Печорского уезда, накопив громадные долги по хлебным ссудам, в последние годы видимо стали уклоняться от выплаты долгов; за неимением средств, недостатком промыслов и т.п.» [7]. Далее эти крестьянские действия объяснялись губернатором избалованностью крестьян, нетребовательностью волостных старшин и сельских старост. В конце приказа давалось указание чиновнику по крестьянским делам Печорского уезда «неослабно следить за деятельность старшин и старост по взысканию хлебных долгов и за всякое послабление в этом отношении строго наказывать их и даже предавать суду за бездействие власти. Настоящий приказ прочитать во всех волостных и сельских сходах и вывесить, на видных местах в волостных правлениях и мирских избах» [8]. Приказ князя Голицына был вызван донесением местного чиновника по крестьянским делам от уклонения крестьян Печорского уезда от платежа хлебных долгов [9].

14 ноября 1894 г. в связи с восшествием на престол Николая II выходит манифест о даровании милостей и облегчениях крестьянскому населению России. Усть-цилемские крестьяне ждали, что с них будут списаны все долги, но в прибывшем предписании сообщалось, что снимаются только те долги, которые образовались до 1866 г., а их в тот период было всего 590 рублей 40 копеек. Остальная же сумма долгов, причем значительно большая, осталась по-прежнему за крестьянами. Это сообщение вызвало волну возмущения. Был собран сельский сход Усть-Цилемской волости и доверенные от крестьян И.А. Носов и В.Е. Мяндин послали прошение министру внутренних дел, в котором излагалась вся история борьбы усть-цилемских крестьян с 1867 года с приложением десяти до-

кументов: приговоров сельских сходов и ответов на них царских чиновников [10].

Министр внутренних дел обращается за разъяснениями к архангельскому губернатору. Последний в пространной записке описал жизнь крестьян Усть-Цилемской волости и сделал вывод, что они «имеют полную возможность с течением времени уплатить числящиеся за ними хлебные долги» [11].

Пока шла переписка, прошел почти год. 7 февраля 1836 г. Носов посыпал министру внутренних дел телеграмму, в которой просит уведомить о результатах. 12 февраля в г. Архангельск приходит ответ: «Ходатайство крестьян Носова и Мяндина не заслуживает уважения...» [12]. Таким образом, и у верховной власти крестьяне ничего не добились.

В целом, борьба за хлеб в Усть-Цилемской волости занимала ведущее место и решение земельного вопроса являлось жизненно необходимым и для усть-цилемцев.

1. Цой Ун-Ен. Сельское хозяйство Печорского края на рубеже XIX-XX веков // Серия препринтов «Научные доклады». – Сыктывкар. 1979. – Вып. 50. – С. 5-6.
2. Российский Государственный исторический архив (Далее – РГИА), ф. 1287, оп.4, д. 2087, л. 165.
3. РГИА. ф. 1287, оп. 4, д. 2087, л. 165.
4. Там же, л. 166 об.
5. Там же, л. 167.
6. Там же, л. 169.
7. Там же, л. 180.
8. Там же, л. 180-181.
9. Там же, л. 186.
10. Там же, л. 154-163 об.
11. Там же, л. 187.
12. Там же, л. 191.

И.Л. Жеребцов

Материалы о повседневной жизни нижнепечорского крестьянства начала XX века в государственном архиве Архангельской области

В Государственном архиве Архангельской области (ГАО) хранятся весьма содержательные документы – подготовленные уездным исправником обзоры Печорского уезда, из которых можно почерпнуть весьма любопытные данные о повседневной жизни местного населения (занят-

тиях, условиях существования и образе жизни). Ниже публикуются несколько фрагментов из названных документов.

Общий обзор Печорского уезда за 1907 г. (ГАО. Ф. 6, оп. 2, д. 334)

(л. 7 – 7об.) <...> Рыбный промысел.

Промысел этот в Печорском уезде один из более распространенных ввиду обилия рек и озер... Производится... в реке Печоре, в притоках ее: Кожве, Усе, Ижме, Цильме, Пижме и др., а зимою также и в озерах (подледный лов). Делится промысел на семужий и белорыбный; к последнему относится лов: омулей, Чиров, нельмы, пелядей, сигов, щук, карасей, на-ваг, харьюсов, окуней, ельцов (по местному названию «зельдя») и нагишшей (мелкая бесчешуйчатая рыба); только последние четыре сорта рыбы поступают сполна для местного потребления, а остальные сорта почти целиком вывозятся из уезда в соленом и мороженом виде. Навага и на-гиши ловятся в одной только Пустозерской волости. По успешности и выгодности промысла волости уезда следуют в таком порядке — в отношении улова семги: Пустозерская, Усть-Цилемская, Усть-Кожвинская и Красноборская, и улова // (л.7об.) белой рыбы: Пустозерская, Усть-Цилемская, Ижемская, Усть-Кожвинская, Мохченская, Красноборская и Кедавомская; семга в последней вовсе не ловится, а в Ижемской и Мохченской волостях она попадается очень редко: так, в 1907 г. там поймано было всего 24 пуда. В шести волостях уезда право производства рыбного промысла и пользования для этой цели наличными водами совершенно свободны для всего населения [1]. <...>

(л. 10) Лесная охота.

Охота на пушных зверей и птиц составляет... один из доходнейших промыслов, мало уступая рыбному... [2] <...>

(л. 11) Охотничий промысел начинается обыкновенно в конце августа, т.е. с наступлением ранних морозов, и оканчивается чаще в конце ноября, а иногда и позже, если снег не особенно глубок. Ружейный способ охоты практикуется мало, только на более крупного зверя, обычный же способ промысла на зверя и птиц составляют калканы, западни, разные другие ловушки и силки. Напоминание населению о неправильности такого способа охоты, противоречащего закону 3 февраля 1892 года, совершенно в Печорском уезде бесполезно; крестьяне поголовно убеждены, в том числе и сельские власти, в необходимости для их // (л. 11об.) существования охотниччьего промысла и в том, что законный способ охоты не окупит даже расходов на нее и потому всегда будет убыточным. При таком условии чинам лесного ведомства и полиции, разбросанным поодиночке на огромных пространствах уезда и не могущим рассчитывать на серьезной содействие сельских должностных лиц, преследовать виновных в неза-

конной охоте прямо невозможно, а потому и бывают такие случаи очень редко и не производят на крестьян никакого впечатления. Они откровенно возражают на убеждения чинов полиции, что незаконная охота дает им иногда заработки и до 100 руб. в год, и потому лишиться пары-другой конфискованных птиц и отсидеть два-три дня под арестом за такую охоту вовсе для них не убыточно. Были уже не раз в уезде случаи составления целыми сельскими обществами приговоров с ходатайствами о дозволении им охоты запрещенными законом способами. <...>

(л. 12) Лесной промысел. Лесные заготовки в пределах Печорского уезда... очень незначительны, и к тому же само местное население к лесному промыслу относится несочувственно, и его избегают [3]. <...>

(л. 13) Отхожий промысел... развит очень мало. <...> (л. 17об.) Развившееся в настоящее время пароходство на Печоре очень благотворно влияет на интересы населения, удешевив против прежних лет цены на многие необходимые предметы, сделав // (л. 18) их доступными для большинства населенных пунктов уезда и умерив значительно прежнюю эксплуатацию крестьян чердынскими торговцами. <...>

(л. 24) Ежегодно по открытии навигации по реке Печоре чердынцы с верховьев этой реки, от Якшинской пристани, плывут на каюках, нагруженных разным товаром, преимущественно хлебным и крестьянским, до последних поселений в устье Печоры и останавливаются для торговли у... населенных пунктов. Торговля ведется как за наличные деньги, так и в долг. Отпуск товаров в долг даже предпочитают чердынцы ввиду того, что стоимость товара, отпускаемого в долг, повышается... и полу чает значение менового. Возвращаются чердынцы со своими каюками домой уже осенью, забирая на них всякий промысловый товар от своих должников [4]. <...>

(л. 29) В Усть цилем ской волости находится до 2500 чел. старообрядцев, которые крестят новорожденных, хоронят умерших и венчают свою молодежь по своим обрядам, без всякого участия приходских православных причтов. <...>

(л. 34об.) Население этой (Усть-Цилемской – И.Ж.) волости почти по-головно старообрядцы, но старообрядцы какие-то странные. По принятому общему понятию, старообрядцы народ честный, трудолюбивый, в массе трезвый и лишь избегающий общения с людьми не их веры. Крестьяне усть-цилемские наоборот: пристрастие к пьянству не только у мужчин, но и у женщин необыкновенное, разврат, кражи, прием краденого, всякие мошенничества, драки, буйства практикуются в широких размерах: между прочим, здесь не придается никакого значения и судебной присяге, и потому преследование закона нарушения судом мало достигает цели, так как имея деньги, можно достать лжесвидетелей по какому угодно делу. <...>

Обзор Печорского уезда за 1906 г. (ГААО. Ф. 6, оп. 2, д. 331)

(л. 14 – 14об.) <...> В зиму 1905/6 года были привлечены полициею к уголовной ответственности несколько лиц, задержанных с птицею, ловленно силками. Дела этих лиц разобраны были мировым судьею в ноябре и декабре 1906 года, и судья, признав их виновными, постановил сделать им «выговор», иначе говоря, по толкованию самих же обвиняемых, оставить их без наказания. Приговор этот теперь уже известен населению, и промышленники говорят: «Значит, только одна полиция запрещает ловлю силками» [5]. <...>

(л. 21об.) Средств для борьбы с пожарами в Печорском уезде почти нет. Наличных 17 пожарных труб на семь волостей, конечно, недостаточно, да они и редко могут поспеть на пожары при огромных расстояниях между населенными пунктами уезда и приносят пользу только тем селениям, в которых хранятся. Остается для таковой борьбы лишь натуральная повинность, т.е. обязанность крестьян являться на пожары с домашними огнегасительными средствами по назначению существующего на этот предмет расписания. Только этими средствами население почти всегда и обходитсya [6]. <...>

Публикация И.Л.Жеребцова

1. Только в Пустозерске существовал определенный порядок пользования водными угодьями – семьям выделялись наделы (здесь и далее прим. публикатора).

2. Самые ценные из пушиных зверей – горностай и песец, в большом количестве добывали белку, а лисиц, куниц, медведей, росомах и волков – в небольших размерах. Из птиц добывали рябчиков, куропаток, тетеревов и др.

3. Это, в общем, было и неудивительно, поскольку лесозаготовительный сезон совпадал с охотничим, а сплавной – с рыболовным. Отвлекаться от охоты и рыбной ловли местные жители соглашались только за «чрезмерно высокую» поденную сдельную плату. Из-за этого Русанов и другие лесопромышленники заготавливали и сплавляли лес с помощью крестьян Яренского уезда. Компания «Стела поларе», имевшая свой завод в низовьях Печоры, почти весь лес заготавливала в соседней Вологодской губернии, а дворянин Гласко, заготавливавший в Печорском уезде брусья, выписал 40 рабочих аж из Витебской и Курляндской губерний.

4. «Засилью» чердынских торговцев способствовало, надо полагать, и отсутствие в уезде ярмарок. Было, правда, разрешено проведение Введенской ярмарки в Мокче, «но и до сих пор таковая ни разу не состоялась», констатировалось в обзоре 1907 г.

5. Законы нарушали не только местные жители, но и ссыльные, каковых в уезде в начале 1906 г. было всего 6, причем ни одного политического, а на исходе года – уже 89, из них 87 политических. Могло бы быть и больше – за год в уезда прислали 106 ссыльных, из них 96 политических, но 23 (в том числе 9 политических) в тот же год отбыли. Один из ссыльных по фамилии Домашний умудрился изготавливать фальшивые серебряные монеты. Два других подрались (возможно, из-за теоретических разногласий), да так, что один из-за полученных ран умер.

6. Пожары, меж тем, случались нередко. В 1905 г. был 21 пожар, принесший убыток на 43111 рублей, в 1906 г. – 25 пожаров, а убытки оказались чуть не в 10 раз больше – аж 400217 рублей. 380000 пришлось на лесобиржу шведского лесопильного завода, расположившегося в низовьях Печоры: 16 июля по неизвестной причине сгорели пристани, дом, лесоматериалы и т.д.: предприятие так и не восстановили. 23 марта 1906 г. от неосторожного обращения с огнем сгорела усть-Цилемская больница: имущество, к счастью, спасли. В 1907 г. также произошло 25 пожаров. Больше всего не повезло Красноборской (8 пожаров, все из-за неосторожного обращения с огнем). Усть-Цилемской (7 пожаров, из них 5 из-за неосторожного обращения с огнем, 2 «от «турного устройства печной трубы») и Ижемской (6 пожаров, из них 5 из-за неосторожного обращения с огнем, 1 по неведомой причине) волостям. В Моченской волости приключилось три пожара (причем в одном случае имел место поджог). В Пустозерской – один пожар (тоже поджог). Кедавомскую и Усть-Кожвинскую волости, как говорится, бог миловал.

M.B. Мелихов

Жизнь печорских крестьян начала XX века в автобиографических записках старообрядца С.А. Носова

Изучением повседневной жизни простого народа всегда занимались и занимаются, в основном, профессиональные исследователи-этнографы, получающие информацию исключительно из материалов полевых фольклорных и этнографических экспедиций, из записей путешественников. Основательность и продуманность самого процесса собирания этих материалов как в прошлом, так и в настоящее время, их сохранения и последующей обработки не вызывает никаких сомнений. Намного меньше известно том, как себя, свою повседневную жизнь и работу видели, как умели о ней рассказывать, что считали важным в своей жизни и в жизни окружающих сами крестьяне, в особенности – крестьяне Русского Севера как одного из самых отдаленных от центра регионов России.

Научно-исследовательскую работу по изучению Печоры и областей крайнего Севера проводили еще в XIX в. Самое известное научно-беллетристическое описание быта и нравов северян содержится в записках С.В. Максимова. Собрano множество текстов и начато изучение устных преданий и о героях из простого народа – о борцах с «панами» и раз-

бойниками и просто об очень сильных людях, по преимуществу – о северянах [1]. Гораздо меньше известны предания, записанные не профессиональными собирателями старины, а самими крестьянами, героями которых также были крестьяне и охотники.

Благодаря изыскательской работе археографов Проблемной лаборатории по изучению фольклора и старинной книжности Сыктывкарского университета [2] Т.Ф. Волковой [3], А.Н. Власова, Е.А. Рыжовой [4], в научный оборот введены новые имена не только хранителей и переписчиков древних рукописей и старопечатных книг на Печоре и в других книжных центрах Республики Коми, но и самобытных старообрядческих писателей.

Свое слово в старообрядческой письменности сказал и печорский писатель, хранитель и переписчик старинных книг С.А. Носов (1902–1981) [5]. С.А. Носов был хорошо знаком с В.И. Малышевым и переписывался с ним, его неоднократно посещали участники археографических экспедиций ЛГУ, а впоследствии – и съктывкарского университета, в том числе и автор статьи. Он имел небольшую коллекцию рукописных и старообрядческих книг, сам составил и переплел 27 рукописных сборников традиционного старообрядческого состава [6]. Но особый интерес представляют оригинальные сочинения печорского книжника: 19 видений – оригинальных эсхатологических сочинений, в которых повествуется о многочисленных казнях, которым был подвергнут автобиографический герой видений за свои грехи; автобиографические записки в трех редакциях; 109 писем к печорскому старообрядцу Е.И. Осташову с 1963 по 1981 гг.; 12 «пояснений»-комментариев к видениям, записи воспоминаний о беседах с дедом С.А. Носова Лукой Васильевичем Носовым. По воспоминаниям дочери С.А. Носова Устины Степановны Носовой, известно, что у ее отца были 8 тетрадей с записями местных исторических преданий, былин, сказок, воспоминаний о поездке в Москву на ВДНХ в 1939 г. и родословной Носовых [7]. Эти тетради были сожжены им во время тяжелой психической болезни в 1955 г.

Главная особенность оригинальных сочинений С.А. Носова – их ярко выраженный личностный характер и отчетливая ориентация на стиль и образность произведений протопопа Аввакума, имя которого неоднократно упоминается в ряду таких религиозных писателей, как Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин и др. Ни в одном из своих сочинений С.А. Носов вообще не упоминает о том, что был знаком с кем-то из настоящих книжников. Тем не менее, он хорошо ориентируется в догматике, в богослужебных и четьюх книгах, а природная одаренность позволила ему создать произведения с глубоко самобытным образом автобиографического героя. С.А. Носов всегда тщательно работает над сюжетами своих произведений, составляя повествование из самого разнообразного

материала: фактов из своей жизни, услышанных когда-либо преданий, пересказов книжных сюжетов. В большинстве случаев в сочинениях Носова (прежде всего – в его видениях) этикетные для христианской литературы апокалиптические мотивы накладываются на современную автору (и читателю) действительность.

С.А. Носов не всегда следовал традиционной для старообрядческих сочинений эсхатологической тематике в выборе материала для своих произведений. С наибольшей очевидностью об этом свидетельствует небольшой текст, названный им «Воспоминания деда Луки Васильевича», в которой собраны предания, рассказанные ему в юности дедом, Лукой Васильевичем Носовым [8]. Лука Васильевич, профессиональный охотник, на зиму уходил с внуком в лес и там, в избушке, рассказывал ему не только сказки (ни записей сказок, ни упоминаний о них ни в одном из сочинений нет), а правдивые истории о своеобразном «золотом веке» северных охотников. Тогда на Печоре жили богатыри-охотники, добывавшие десятки медведей копьями или голыми руками, несметное количество другой дичи – ружьями и ловушками. Они осваивали новые земли, основывали новые поселения, которые впоследствии называли их именами [9]. В этой же рукописи есть и воспоминания самого С.А. Носова о том, как раньше, в самом начале XX в., строились дома и бани, как деды передавали своим внукам житейский опыт, делились разнообразными маленькими бытовыми и охотничими хитростями. Например, расстапливать печь с сырьими дровами его научил именно дед, он же показал, как правильно отстрелять белок, если их на одном дереве оказалось несколько, как нужно охотиться на рябчиков и т.д.

Наибольший интерес, как нам кажется, представляет группа преданий, в которых проявляется специфика уклада жизни именно печорских крестьян и этапы становления личности будущего охотника, рыболова, землепашца, строителя, система их ценностей, представления об идеале человека, о проблемах тяжелой жизни и путях их преодоления. Какие же события и происшествия, закрепленные в устных преданиях и рассказах охотников, привлекали внимание печорских старообрядцев? Это, конечно, прежде всего, «богатырские» предания – об охотниках-богатырях, совершивших на охоте немыслимые подвиги, но, в то же время, С.А. Носова интересовали и более прозаические истории и факты: он записал воспоминания деда о появлении на Печоре первого парохода, о смене кремневых охотничих ружей на пистонные и т.п. Отметим, что С.А. Носов никогда не указывает дат событий, о которых рассказывал ему дед, крайне редко он называет и имена героев. Необходимо отметить, что во всех преданиях уже сказывается известный рационализм автора и не свойственная фольклору и собственно фольклорным преданиям реалистичность в прозаичность сюжетов. В интерпретации его печенского

книжника его герои – не легендарные личности, а земляки автора, которых знал если не он сам, то его родственники.

Герои «охотничих» преданий – не былинные богатыри, а просто необыкновенно сильные, мужественные и находчивые люди. Тем не менее, для них характерен особый условно-эпический стиль и целенаправленная идеализация прошлого. В преданиях, как и в народных сказках и охотничих анекдотах, смешиваются страшное и смешное, но победителем в схватке с хищным зверем всегда выходит храбрый охотник. О драматических ситуациях, в которых речь идет о жизни и смерти героя, повествуется лаконично и, чаще всего, без эмоций, как о самых будничных событиях. Например, рассказывая о нападении на одного из безымянных героев стаи волков, С.А. Носов пишет: «Один мужик как-то попался безо всего, напала стая волков, то он успел: выпряг лошадь и вывернулся оглобли и стал бить их оглоблей. Часть их убил, остальные пустились наутек» (С. 125).

Охотничий истории, повествующие о встречах с медведями, сгруппированы. Первая история, записанная С.А. Носовым, несколько напоминает «правдивый» анекдот в стиле барона Мюнхгаузена. Ее герои – простодушный, но сильный и скромный охотник и медведь. На охотника, который отправился с котелком к ручью за водой, напал медведь. Охотник не растерялся, затащил медведя в воду и утопил его: «Медведя до себя не допустил, бросил котелок, да и медведя за уши, и начал пятиться к речке и медведя не отпускает. Подошел поближе к яме глубины речки и медведя стал пятить в круган речки. Когда у медведя ноги не стали доставать, то не дал ему больше воздуху, захлебнул его в кургане (так!). Затем взял котелок, занес воды и сказал о случившемся (так!). И на вопрос, почто не позвал его на помощь, сказал: «А на что? Я и так хорошо справился!» (С.126).

Как своеобразный охотничий анекдот оформлена и следующая «медвежья» история: на пастуха, вооруженного кремневым ружьем, напал медведь. Зарядить ружье у него времени не было, и отважный пастух воспользовался им как обычной дубиной: он «схватил ружье за ствол да закричал: «Уой, уой, съел меня!», а сам не струсил, медведя по носу – раз, тот и пал, а пастух давай еще ружьем наливать покрепче, и так уколотил медведя» (С. 126).

В сравнении с предшествующими краткими анекдотами более подробно разработано повествование об охотнике-медвежатнике, который с копьем добыл 43 медведя. И в этой истории, как и в предшествующих, не названо имя героя: «Были, говорит дед, некоторые сильные люди. Один старик из деревни Левкинская 43 медведя добыл за свой век, а ружье не пременял, все на витню да на удар посоха [10]. Когда медведь набросится, то подставляет копье в грудь зверя, а он лезет на тебя, а ты держишь за веревку и древко, зверь накалывается и сняться не может, и лезет на человека, и, наконец, обезсилит и падет. А посохом так ловил старик, и

это было последний медведь, 43-й: идет он, и вдруг слышит – медведь сзади по берегу бежит на него. «Я, – говорит старик, – жду, когда он будет поближе, и мне на удар бы было, и гляжу себе втай через плечо: медведь подбежал совсем близко, чтобы [11] достать посохом. Я тогда [...] обернулся (а посох-то был на плечи и не тоньше оглобли березовой, крепок, завял весной на солнце), и – раз медведю между ушей. Он пал, а я еще раз по морде да затылку, – и все кончено». Вынял нож из ножней, содрал кожу и вернулся в деревню (за 1 километр было). Принес шкуру в дом дочери, где гостили, и его еще уговаривали: «Не ходи, Василий, медведь у нас злой, нападает на людей». А он сказал одно: «Посох-то мой еще в руках держится». И говорит: «Вот вам, кого боялись, возмите, а мне более делать с ним нечего», и ушел домой. Однако рука долони его была величиной с две руки любого мужчины» (С. 124).

Как отличительную особенность преданий следует отметить их фиксирующий характер с минимальным присутствием автора, полное отсутствие комментариев. Автор практически всегда воздерживается от собственных рассуждений, но, теме не менее, задачу свою видит в том, чтобы воссоздать колорит глубокой древности. Примером могут послужить два факта, которые объединены темой продвижения на Север технического прогресса. Например, только на памяти деда И.С. Носова на Печоре появились первые пилы и место кремневых ружей охотники стали пользоваться листонными. Передавая слова деда, С.А. Носов так рассказывает об этих важнейших новых явлениях, существенно облегчивших нелегкую жизнь северных охотников и лесорубов в конце XIX в., он воспроизводит (спустя много десятилетий) слова деда: «При мне, говорил дед, впервые появились пилы, дробовики (капсулевые сначала). Какое, казалось, удобство после кремневки ружья пулей. Да то ли одно при мне началось, говорил дед. Бывало, как-то первый пароход (кажись, «Урал» звали) шел по Печоре, а в то время несли покойника на кладбище. Увидя пароход, новинку, как не посмотреть диковинку? И все решили покойника положить на землю и выйти поближе к реке. И вот, пока глазели на пароход, время было весна, скот был голоден, не было зелени, за это время по дороге шли, очевидно, голодные. Почувяв запах листьев веников, опрокинули гроб и съели листья, постеленные покойнику. Ну, после этого, конечно, было немало толков на разные суждения, пришлось и покойника снова обрядить, и о встрече парохода долго помнить, который показал смех и горе» (С. 122).

Очевидно, что все записанные С.А. Носовым предания основаны на реальных событиях, на воспоминаниях реальных людей. Такие или похожие рассказы слышали все, кто бывал в экспедициях, их часто записывают фольклористы и этнографы во время экспедиций. Но своеобразие данных преданий заключается в том, что их записал не профессиональный исследователь, а самобытный народный писатель. В них нет ни религи-

озной дидактики, обычной для сочинений старообрядцев, ни впечатляющей образности эсхатологических видений С.А. Носова, ни «ученой» педантичности и дидактизма его писем.

Записанные С.А. Носовым предания, с одной стороны, дополняют образ этого оригинального и самобытного печорского крестьянского писателя новыми чертами, с другой – сохраняют уникальные сведения о практически неизвестной в наше время обыденной жизни простого народа. Сам автор предстает в этих простых и не осложненных никакими научными проблемами текстах не как сочинитель традиционных для старообрядчества по тематике и задачам эсхатологических или религиозно-полемических произведений, но как хранитель памяти о выдающихся земляках, обычных, как и он сам, охотниках.

1. См., например: Северные предания. Беломорско-Обонежский регион / Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л., 1978; Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.
2. Обзор основных направлений научной деятельности Лаборатории см.: Волкова Т.Ф., Власов А.Н. Работа Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета по изучению духовной культуры Севера // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 3–19.
3. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печенских крестьян. Сыктывкар, 2005.
4. Власов А.Н., Рыжова Е.А. Старообрядческий книжный центр на Удоре // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Тезисы III научно-практической конференции. М., 1997. С. 171 – 172; Рыжова Е.А. Удорская старообрядческая редакция «Азбуки о голом и небогатом человеке» // Уральский сборник. История. Культура. Религия. II. Екатеринбург, 1998. С. 237 – 241.
5. Подробная биография С.А. Носова и издание большей части его оригинальных сочинений опубликованы нами: Печорский старообрядческий писатель С.А. Носов. Видения, письма, записки / Подгот. текста, вступит. статья и примеч. М.В. Мелихова. М., 2005.
6. Пять из них в настоящее время находятся в Усть-Цилемском собрании рукописей Отдела редкой книги НБ СыктГУ. Описания трех сборников (У-Ц. р. №№ 138, 140, 196) см.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. I. В. I. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. С. 205–215, 232–239. В библиотеке СГУ находится еще два аналогичных по содержанию и оформлению сборника: У-Ц р. № 250 и У-Ц р. № 251. В 2004 г. от дочери С.А. Носова Р.С. Носовой нами получена полная ксерокопия сборника № 26 и автограф оглавления сборника № 27.
7. Свой род С.А. Носов вел от Ивана Калиты (?!).
8. Рукопись в настоящее время находится на хранении в Нарьян-Марском областном краеведческом музее (НОКМ 392/7 в.х.), в 4-ку. 9 л., бумага в клетку.

фиолетовые чернила, скоропись. Далее текст цитируется по изданию: Печорский старообрядческий писатель С.А. Носов. С.119-130. Орфография сохранена авторская, пунктуация приведена в соответствие с современными правилами. Страницы, с которых в статье цитируется текст, указаны в круглых скобках после цитаты.

9. Среди них – и прадед С.А. Носова Александр, уроженец с. Усть-Цильма (отчество неизвестно), по имени которого основанная им деревня стала называться Алексаевская. Позже деревня была переименована в Загрибочную.

10. «Витня – копье на древке, в середине – шарик на веревке» – поясняет далее сам С.А. Носов.

11. Здесь и далее курсивом выделены восстановленные по смыслу слова.

Л.П. Кучеренко

Великая Отечественная война в дневниковых записях уроженца Печорского края

Чтение и анализ дневниковых записей моего отца, Аншукова Прокопия Федотовича (1921-1991), было делом весьма нелегким. Не покидало сожаление по поводу того, что поздно взялась за них. Перед глазами прошла жизнь отца того периода, о которой я почти ничего не знала или знала крайне мало. Отец не любил говорить о войне. Минуты откровения были редкими. Несомненно, дневник также дело сугубо личное и по этой причине в предлагаемой читателю публикации рассматриваются сюжеты только общего плана, позволяющие восстановить повседневность военного лихолетья.

Ведение дневниковых записей – явление достаточно распространенное до недавнего времени. Дневник П.Ф. Аншукова (записи датируются концом 1930-х – 1961 г.) интересен по многим причинам. В дневнике нашел отражение один из самых тяжелых периодов российской истории XX в. – предвоенный этап, годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Дневник составлялся человеком, который вряд ли был знаком с нюансами российской культуры в целом, но, по всей видимости, традиция ведения дневников ему была известна. Образование, полученное им в предвоенные годы, могло обратить его к этой, очень характерной для наших соотечественников тех времен, творческой работе. С другой стороны, автор дневника вырос в условиях старообрядческой культуры, в которой книжная и письменная традиция никогда не прерывалась. Видимо, перечисленные факторы, а также личные качества – жизнелюбие, педантичность, целеустремленность – способствовали обращению к регулярной записи происходившего. Несомненно, на характере и содержании записей сказался молодой возраст автора и его личное отношение к событиям, но тот факт, что записи велись непрерывно в течение дли-

тельного времени, сам по себе уже заслуживает внимания. Очень характерен стиль автора: записи, как правило, подробны и отражают суть происходящего.

Для дневника была использована амбарная книга объемом в 364 страницы, следовательно, автор вполне осознанно для своего юношеского возраста рассчитывал на ведение дневника в течение всей жизни. Первые записи, отмеченные 1928-1939 годами, крайне лаконичны и, по всей видимости, были сделаны *post factum*, скорее всего, когда он уже был призван в армию. Значительная часть страниц – с девятой по пятидесятую – отражает события военного времени. Остальные из заполненных 107 страниц посвящены послевоенным годам. Удивителен сам факт существования такого раритета, поскольку, думается, условия военного времени, с одной стороны, вовсе не располагали к такой работе, а с другой, это было просто не безопасно. Да и тяжело было постоянно таскать за собой килограммовую амбарную книгу, когда в солдатском вещмешке учтивался каждый лишний килограмм. Нужны были еще и чернила: записи сделаны красивым почерком обычной перьевской ручкой, грамотно и очень аккуратно. Первые тринадцать страниц практически не сохранились, часть из них сохранилась процентов на тридцать-пятьдесят, поскольку автор попытался их сжечь. Неизвестно, что могло послужить причиной этому, но, скорее всего, само их содержание, где речь шла о первых месяцах войны, когда автор этих строк дважды попадал в окружение. Этот факт отрицательно сказался на последующей судьбе солдата, который, как и любой другой на его месте, по-юношески, мечтал о военной славе, подтверждением чему является запись, сделанная летом 1943 г.: «Часто гадаю. Несколько раз: «Будешь награжден», а это можно только на передовой, значит я должен быть там» (Стиль и орфография автора здесь и далее сохранены – Л.К.). Забегая вперед, отметим, что П.Ф. Аншуков был награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией».

Если говорить о содержании записей, то автор обращается к теме военных действий, политических событий, хозяйственных работ, отношений с однополчанами, родственниками и друзьями, солдатского досуга и отдыха. Военные действия описываются скрупульезно, и автор сравнительно редко обращается к этому главному событию того времени, тем не менее, записи позволяют понять, как воспринималась война рядовым солдатом и подробнее рассмотреть роль человеческого фактора на войне. Записи 1941 г. – занимают два листа, 1942 г. – один, 1943 г. – девять, 1944 г. – восемь, 1945 – один. Учитывая выше изложенное, можно сказать, что дневниковые записи П.Ф. Аншукова достаточно редкий материал и вполне могут служить источником по названной теме.

До войны автор дневника учился в Щельяюрском речном училище, учеба в котором была престижной – это мечта многих юношей района тех лет. Прослеживаются записи о преподавателях и друзьях периода учебы в училище. Призывную комиссию проходил, видимо, по этой причине, в с. Ижма., а не в родной Усть-Цильме. Затем в записях появляются названия городов Ярославль, Пенза, Саратов. Видимо, служба начиналась там. В записях от 1-13 июня 1941 г. описаны сборы пулеметчиков, сопровождающиеся еще мальчишеским: «Вот постреляли». От 13 июня фиксируется первая запись, имеющая непосредственное отношение к надвигающимся событиям: «Дивизия снялась по тревоге. Чувствуется что-то необычайное. Получили новое вооружение. На станциях нам было запрещено (далее – лакуна)». 19 июня датируется запись о прибытии в Гомель. Последующий текст сильно поврежден. От 22 июня прочитывается только начало записи: «По тревоге со ... шая новость ... в ... Великая Отечеств ...». И уже от 10 июля непрочитываемая надпись, к которой позже была сделана приписка карандашом «1 окруж.». Последующие записи, сделанные в июле, свидетельствуют о крайне тяжелой ситуации: «Из 2 ДС обстреляли группу ... До 10 человек осталось ... выставляем охранение ... этот жаркий бой запомню до смерти ... к немцам, а имели по 5 патр.» Ситуация изменилась к лучшему к середине августа: в записи от 15 августа автор говорит о том, что солдаты «приводят себя в порядок». Судя по записям, до середины сентября армия отступала. Записи в это время делались нерегулярно, они лаконичны и не содержат подробностей. К записи от 3 октября еще одна приписка карандашом «2 окруж.». На следующей странице прочитываются отдельные слова и фразы «Утром отходить было некуда ... выхода нет ... пиши никакой и так до 7 октября». В следующей записи прочитывается фраза «Лежим в окопчиках ... сил не хватает». Наконец, от 13 ноября запись «... рады, что на конец-то освободились». Пожалуй, это был самый тяжелый для автора дневника период войны. Судя по упоминаемым географическим названиям, все это происходило на границе Белоруссии и Смоленской области. Однако восстановить весь путь передвижения воинского подразделения, в котором находился автор дневника, в этот период не представляется возможности.

Записи 1943 и 1944 гг. более подробны, ведутся ежедневно и даже по часам, и позволяют проследить многие стороны жизни солдата пулеметной роты от рядового воина до старшины комендантского взвода. Сохранилась часть записи о назначении командиром взвода: «Вечером как снег на голову ... в 6.00 25.06.43 принять взвод от Бикина. Готов – ...» и следующая запись (от 8.07.43) по этому поводу свидетельствует о понимании возложенной на него ответственности: «Ведь мне доверили людей ... Я с честью должен оправдать это доверие». В начале сентября появляют-

ся первые записи об успехах советской армии: « ... известия по Радио. Освобожд. города, села, области». Октябрем 1943 г. датируются записи о продвижении армии на Запад: «Завтра выступаем. Курс на Запад. Вот потопаем! Все готово. ... На горизонте Рославль. Двигаемся на Запад. Прошли уже много деревень, в которых был в 1941 г. Устали, но бодры. Рославль позади на 40 км. Перешли р. Сож. Прошай Смоленщина! Здравствуй Беларусь! Двигаемся на Запад. Население встречает радостно». В этом же месяце или в начале следующего появляется запись об освобождении Киева (крайне плохая сохранность): « ... В условиях Великой отечественной войны ... наши доблестные войска вчера овладели ... Киевом. Это подарок для праздника ... – перед слезами. Хотя я не плакал ... но камень на сердце утяжелился ...». Возможно, из-за горечи личной утраты: «Оля (двоюродная сестра – Л.К.) прислала письмо, где сообщает, что 11 июля 1943 г. убили Алешу – самого старшего, любимого племянника».

Иногда встречаются и более полные описания, связанные с военными действиями, например, февральские записи 1944 г.: «Очищаем траншеи от снега ... Обстановка напряженная. Все готово для боя. Проверили пулеметы ... Работают на ...; подразделения переформированы. Что будет дальше? ... пока не известно» (27.02.44). Следующая запись от 29.02.44: «Целый день огонь. Немцы вели минометный огонь. Один раненый. У меня пока все целы. Что будет дальше. Немец молчит. Вернулись в расположение. Один убит и 3 раненых. За этот период несколько раз. Взвод работает хорошо, но есть ряд недостатков». Весной-летом 1944-ого года шло постепенное продвижение на Запад. В путь отправлялись рано утром – в пять-шесть часов. Автор отмечает трудные условия передвижения – жара, пыль, иногда, наоборот, ночи и дни проводили под дождем. Не всегда успевали ужинать. С обустройством на ночлег получалось по-разному: от землянок, шалащей и палаток (кстати, так случалось раньше и в зимние месяцы) до изб, где самым большим удовольствием было помыться в русской печи. В записи от 4 июля находим: «по дороге полно трупов фрицев, есть и в реке (здесь – Днепр, в котором он «плавал на западный берег»)». От 14 июля: «Вся дорога завалена машинами и разным скарбом. Всюду вонь. Вчера попала на встречу колонна фрицев и машина с ними. Березина позади». Часто делались большие привалы, иногда останавливались на «сугубочный отдых». Постоянной была проблема с сапогами – то украдут, то не подходят по размеру, то негодные, то долго ремонтируют или шьют, поэтому, в одном из случаев, два дня ходил «босиком». Мечтал об офицерских сапогах. В пути радовали политические и фронтовые новости. Вот какая реакция была, например, по поводу открытия в 1944 г. второго фронта: «Позавчера услышал о взятии союзниками столицы Италии – Рима. Вчера – второй фронт 4 тыс. кораблей, 11 тыс. самолетов, планеры, артиллерия. Настроение у всех приподнятое».

Интересна запись от 22 июня, отличающаяся несвойственным автору стилем и официальностью: «Три года тому назад началась Великая Отечественная война нашего народа и Красной Армии против, вероломно напавшей, гитлеровской армии». Скорее всего, это фраза из информационного сообщения. Отмечаются «замечательные новости» в связи с успешным продвижением на Запад Белорусского фронта. Моменты негативного плана также фиксируются автором: «Гор. Могилев. Военный городок. Население встречает плохо». Особенno педантичен автор в описании продвижения по территории Польши и Пруссии. 23 июля 1944 г. «перешли границу Польши 1939 г. в 21.36». Описание продвижения по Польше: «Двигаемся по Польше. Население не встречает. Всю ночь и до сих пор проливной дождь. Мокры до ниточки. Неман позади. Сообщение о покушении на Гитлера. Население встречает как собака палку. Останавливаляемся на ночлег. Впечатление: оберегаются отравления, убийств со стороны населения и отдельных банд». На автора производят неизгладимое впечатление пострадавшие от бомбежек города, например, в записи от 19.09.44 описывает г. Кнышин, «разрушенный до камня». За этот период встречаются записи о принятии военнопленных (по несколько десятков человек), которых потом «сдавали»: «Позавчера получил 73 [гаврика] военнопленных ... Сегодня сдаем людей». Вливались в воинские подразделения партизаны: «Принял 2 уч. взв. партизан. Большинство награжденных» (от 2.08.44). В конце 1944 г. ситуация становится более напряженной. Появляются записи типа «Несчастье может постигнуть каждую минуту, но я об этом не думаю – Бог с ним!..» или – «Частый обстрел. Можно ожидать всего, но я не думаю ...». А вот запись от 16. 01. 45 о существенных изменениях в обстановке: «В 6.00 артподготовка. Сплошной гул и визг снарядов. Земля ходит под ногами. Немец под нашими ударами отходит. Двигаемся вперед. Разбитые кирпичи – прорвали оборону». Далее отмечается, что «на территорию Пруссии вступили 26 января. ... Вот она какая Пруссия. Чего только нет. Как же они г... кото-вали – чего же они еще хотели. Теперь все преклоняются перед нами. Живые г... ушли, оставив все не живое и мертвое». Снова Польша – Данциг, автор отмечает: «много грязи». 26.03 – «из боев вышли». 11.04 – «Совершили большой марш. Через Данцигский коридор и Померанию. Вот она какая Германия. Пошли к реке Одер – последняя опора немцев. Вот где пришлось все отведать, вплоть до «купания» в Одере в 40 м. от немцев 1,5 суток. Противник сбит с рубежа и отходит. Сколько хлопьев полегло! ...». 1 мая 1945 г. вступили на территорию Германия: «Вот сегодня и праздник ... С боями продвигаемся по 20-30 км в сутки ... Под гор. Пархим – последний бой. В Пархиме Американцы». По поводу окончания войны находим очень краткую запись от 9.05.: «Сегодня новый праздник – День Победы над Германией. Сколько облегченных и

сколько тяжких вздохов в нашей стране и во всем мире, абсолютно в каждой душе ... Но настроение почему то испортилось. Вчера было лучшее». Можно только строить предположения по поводу последних фраз. Несомненно одно – слишком много испытаний и переживаний по поводу увиденного и пережитого за годы войны, горечи личных утрат, обиды из-за несостоявшихся надежд выпало на долю наших защитников и поэтому у каждого из воевавших был свой личный счет на этой войне.

Другой ведущей темой дневника является военный быт. У автора армейские будни описаны подробно и разносторонне. И в первую очередь это работа: строительство землянок, оборудование казарм, посадка и уборка картошки, прокладывание дорог («Дорога к дому командующего [ждем его] должна быть готова к 8.00»), переброска лесоматериалов, когда «наредность приходилось потрошки тянуть» и «некоторые расхныкались», рытье траншей. Записи «много работы», «люди на работе» встречаются достаточно часто. Однажды и сам автор не выдержал: «Когда кончится работа?». Но даже тяжелые будни не мешали автору замечать окружающую природу. Человек, по натуре близкий к ней, он записывал в свой дневник и первую увиденную после зимней спячки лягушку, и первую кукушку, и «первый гром с молнией». От 6-7. 07.44 прочитывается запись: «Цветы для гербария». По всей видимости, красота июльских лугов средней полосы произвела сильное впечатление на солдата с севера. Или вот такое красочное описание марта 1944 г. в Смоленской области: «Вынуждали уже 2 сутки. Страшно показать нос на улицу. Сугробы наравне с крышами. В передней уйма снегу».

Регулярный характер носят заметки о занятиях, вначале «не по программе», затем уже «по программе»: «Ежедневно строй. подготовка под музыку – сколачивание взводов». Или – «С утра занятия ком. взводов. После обеда политбеседа под дубом». Отмечаются «частые строевые смотры». Подготовкой своего взвода (55 чел.) был доволен, «за исключением немногих». Отмечает и другие достижения: «Позавчера (13.08.44) были полк.соревнования серж. состава. Наш пульбат – III место. Ну теперь кажется почти на правах офицера» – резюмирует автор. «Готовимся к зачетам», «неплохо сдал зачеты армейской комиссии. 10.04 по БУП-42 часть I, а вчера 12.04.44 по Уставам». «Позавчера 13.04 сдал последние зачеты по оружию, но по некоторым слабовато», – самокритично замечает автор.

Много внимания, как ни удивительно (до этого ли было на войне?!), уделялось спорту. В июне 1944 г. сделана запись о назначении физруком батальона, что «прибавило работы». Вслед за этим идут сведения о содержании этой работы: подготовка к пятиборью и сами соревнования: «Волейбол – нос в кровь. Бег 100 м. 9 сек. Граната лежа 49 м., стоя 61-2 м.». В соревнованиях батальон занял первое место. Отмечено и личное

достижение – I место в беге на 1000 м. – 3 мин.24 сек. А проводились еще, и достаточно регулярно, кроссы, о чем свидетельствует запись от 10.09.44: «Воскресенье – выходной. Кросс на 3 км». Чаще встречаются записи о подготовке по пулевой стрельбе: «Удачно стрелял на стрельбище. Мне завидовали». Последняя фраза, свидетельствующая об амбициях, свойственных этому возрасту, напоминает нам, как все-таки молоды были наши отцы. Но верить написанному можно, поскольку северян с детства приучали к охоте, и они отличались особой меткостью в стрельбе, так что для гордости были все основания. В рамкахказанного можно отметить и следующую запись: «После охоты на лис «обрабатывал шкуры как беличьи» и этим тоже хотел «хвастнуть».

Случались неожиданные встречи с земляками, например, с племянником Елифером «во время чистки оружия», с которым «покушали, поговорили» (19.10.44 в 15.37) и за которого позже радуется: «Получил письмо от Елифера. Молодец, получил уже третью награду». 20.05.44 еще одна случайная встреча: «Встретил Дуркина (какого именно Дуркина – уточнить не удалось – Л.К.) с нашего района».

Знакомство с дневником позволяет сделать определенные выводы об устройстве солдатского быта. 12.05.43 «Едем в город, зашли в парикмахерскую. С горем пополам сфотографировались». Вообще же, фронтовых фотографий, очень неплохого качества, в семье фронтовика сохранилось достаточно много. На фронте они давали возможность отдохнуть душой и порадовать в знаменательные даты. Так, в день рождения (8.07.44) автор пишет: «Исполнилось 24 года. Замечательная погода. Дежурю по кухне. Пересмотрел все фотокарточки. Вспомнил всех, особенно родителей, родных, Анечку и др. Написал вчера 6 писем и сегодня напишу». Фронтовые письма – тема особая. Нужно особо отметить эту связующую нить военного времени. Их ждали, им радовались, переживали и тревожились по поводу их отсутствия, подшивали и не расставались с ними во время труднейших переходов. Удивителен факт четкой работы полевой почты в течение всех военных лет, несмотря ни на какие обстоятельства. Письма регулярно поступали из самых далеких уголков Советского Союза, а также из фронтовой зоны. 12.05.44 автор делает запись: «Сегодня радость – письмо от Тита (старший брат – Л.К.). Он в Румынии – пишу ответ». Получал письма и от второго брата – Сергея, который воевал на территории Западной Украины. Вместе с тем лейтмотивом весны 1945 г. станут записи: «Нет писем, родные не пишут». Но тут же признается: «Да и сам не пишу – некогда». И радуется, когда они наконец-то были получены: «Получил письма от отца, Ани, Тита, Сережи (любимая девушка и братья – Л.К.) – настроение хорошее» (17.03.45). Мысленно солдат часто возвращался на свою Малую родину – в родную Пижму, где ждали его возвращения: «Что с родителями? Братьями, сестрами?», «Как мои папаша, мамаша и остальные?». Употребление слов

«папаша» и «мамаша» не характерно для северян, которые чаще всего называли родителей «татко», «мамка». Видимо, это уже результат адаптации к новой среде.

Достаточно полно отражен досуг солдат в условиях войны и передислокаций. Довольно часто демонстрировались фильмы, репертуар которых разнообразен: «Старый Чикаго», «Во имя родины», «Насреддин из Бухары», «Георгий Саакадзе», «Орловская Битва», «Щорс», «Небо Москвы», о котором отзывается «замечательная вещь» и который смотрел неоднократно, «Балтийцы», «Медведь», «Концерт фронту». Фронтовикам предлагались и «живые» концерты, о чем свидетельствует, например, запись от 28.06.44: «Вечером концерт фронтовой бригады: песни, пляски, декламация, баяны». Отдыхали также в офицерских клубах и домах отдыха, когда таковые находились в расположении воинских подразделений. Судя по положительным отзывам, этой стороне военного быта уделялось особое внимание, и она была хорошо организована. И вновь молодость берет свое: «Учусь танцевать» или – «танцевали вальс, танго, фокстрот». Несомненно, отмечались все праздники. Так, автор записывает, что он получил на роту на один из первомайских праздников: «...прянников, по 46 гр. эрзацмасла, 27 гр. сахара и по 20 гр. ... 200 гр. махры». А вот еще одна запись по поводу праздничной даты (от 30.04.44): «Воскресенье. Завтра 1 мая. В прошлом году провели праздник в пути с трассы, а сейчас наверно еще хуже». Предположения оправдались: в записи от 1 мая – «Вот тебе бабушка и Юрьев день! Работаем как обычно».

Именно на фронте к солдату пришла настоящая любовь. Первые записи о своей будущей любимой датируются концом сентября 1943 г., когда просто констатируется факт, что в части появились «писаря Смирнова Ниура и Беляева Римма». А в январе 1944 г. появляется фраза: «Где теперь милая Анечка (так он стал называть Ниура – Л.К.)? Я не знаю, почему ее так сильно полюбил». Февральская запись: «Какие отношения у нас с Анечкой – может каждый позавидовать». 23.04.44 он признается дневнику: «Чудно, что кроме нее все девушки постылы мне». В мае 1944 г. им все же пришлось расстаться: «Сегодня она уходит с нашего подразделения в ЗСБ в 7 гвардейскую. На кого оставляет меня? ... А как тяжело расставаться?». Июльская запись, когда воинская часть находилась уже недалеко от Минска, свидетельствует о самых серьезных намерениях: «Думаю о будущей жизни после войны. Будет ли она довольна?». Они расстались в сентябре 1944 г., так как впереди у автора дневника были бои за освобождение Польши и Германии: «Разлука горькая. Анечка уже в 7 гвард. Когда и куда отправят. Расстаемся ... надолго ли? Что будет? Что?». И поверх этой записи рукой самой Анечки приписка: «В день этой разлуки последние мои слова: до свидания, до приятной и радостной встречи. Будь счастлив. Не забудь! Аня». Они встретятся после войны.

Прокопий Федотович вернется за своей любимой на Смоленщину и увезет на север, в далекую Усть-Цильму. Так счастливо закончится их фронтовой роман.

Я завершаю свое небольшое исследование словами признательности и благодарности своему отцу, который не только честно и отважно прошел вместе с однополчанами всю войну, но, оставив потомкам записи о ней, дал возможность взглянуть на это событие глазами обычного русского парня.

Д.В. Милохин

Развитие животноводства в колхозах Коми АССР в 1940-е – 1953 гг.*

В рассматриваемый период в советской деревне, доминировал колхозный способ производства, созданный в ходе сплошной коллективизации в конце 1920-х начале 1930-х гг. и вновь обретший после Великой Отечественной войны свои определяющие черты. Как известно, он характеризовался тем, что субъекты хозяйствования – колхозы и колхозники находились в прямом подчинении государству. При этом прямое финансирование из государственного бюджета производителей аграрной продукции было исключено. Установленные государством заготовительные и закупочные цены на молоко, масло, мясо, зерно и т.д. были очень низкими и не покрывали стоимость производства. В силу этого, государственные поставки приобретали характер натурального налога и служили методом эксплуатации колхозной деревни со стороны государства. Это подрывало экономику коллективных хозяйств.

Следует отметить, что вышеперечисленные факторы развития аграрной подсистемы СССР были характерны и для Коми АССР. К концу Великой Отечественной войны перед республикой, как и перед государством в целом, всталась задача восстановления и развития подорваннойвойной экономики.

На седьмой сессии Верховного Совета Коми АССР 29 августа 1946 г. был утвержден подготовленный Госпланом и принятый Советом Министров республики «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР на 1946-1950 гг.» [1]. Данный документ, в соответствии с подобными по РСФСР и СССР, представлял собой развернутую программу развития экономики и культуры первых пяти послевоенных лет.

Приоритеты «Закона» были отданы не в пользу деревни. В тексте указывалось на первоочередность восстановления и развития промышленно-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 09-01-41103а/С).

сти [2]. Политика на изъятие ресурсов из деревни и «перекачку» их в другие сектора экономики, характерная для 1930-х гг., была продолжена. Аграрный сектор должен был стать одним из важнейших источников роста советской экономики [3].

Тем не менее, к концу пятилетки планировалось увеличить уровень производства продукции сельского хозяйства на 27% [4], расширить посевные площади к 1950 г. на 23,1% против 1940 г. (в целом по колхозам СССР на 32%) [5]. Повысить валовой сбор зерна на 19,5%, картофеля в 1,5 раза, овощей в 7,5 раз по отношению к 1940 г. В области животноводства намечалось повысить поголовье крупного рогатого скота на 35,4% (по колхозам СССР на 62%) [6], лошадей на 36,2, овец на 21,4, свиней на 51,5%.

Животноводство являлось ведущей отраслью сельского хозяйства в республике. В условиях Коми АССР оно разделялось на две категории: скотоводство обычного характера и оленеводство. Животноводство было, прежде всего, сосредоточено в северных районах республики, где налипчивало почти все поголовье оленей и значительная часть крупного рогатого скота. В целом, за послевоенный дореформенный период (до 1953 г.) поголовье продуктивного скота в общественном стаде колхозов росло достаточно интенсивно. Так, за 1946-1952 гг. количество крупного рогатого скота прибавилось с 72,2 тыс. голов до 77,8 тыс., свиней – с 8,2 тыс. до 10,4 тыс., птицы – с 13,3 тыс. до 40,2 тыс., оленей – со 104,4 тыс. до 125,2 тыс., соответственно (табл. 1).

Таблица 1
Поголовье скота и птицы в колхозах Коми АССР в 1940-1953 гг.
(на конец года)

Виды скота	1940г.	1946г.	1948г.	1950г.	1952г.	1953г.
Крупный рогатый скот	84022	72481	79127	98748	77773	69030
В том числе коров	29540	27218	25957	31958	29869	27511
Свиньи	12034	8194	9210	12818	10415	9966
Овцы и козы	26317	50208	55532	69574	50634	49514
Куры и петухи	Нет св.	13257	9751	35393	40254	26300
Олени	95626	104380	146257	159901	125234	137100
Лошади	44226	31174	31527	36099	37503	33200
В том числе рабочие лошади	20617	20366	19619	21890	22621	Нет св.
Пчелы (семей)	нет св.	1402	1189	767	516	Нет св.

Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф.9476. Оп.1. Д.1219. Л.72; НА РК. Ф.408. Оп.1. Д.42. Л.1. 68, 98: Там же. Ф.408. Оп.1. Д.113. Л.4. 11, 19 об., 42 об.. 47 об., 80 об.: Там же. Ф.140. Оп.2. Д.3852. Л.7 об.: Д.3896. Л.6; Д.3897. Л.23 об.. 47 об.: Д.3898. Л.6; Там же. Ф.1329. Оп.1. Д.897. Л.6. 7, 8, 20.

Таблица 3

**Валовой выпуск продукции животноводства и поголовья колхозами
Коми АССР в 1940 – 1953 гг.**

Показатели	Ед. измер.	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.
Мясо и сало всякое*	тыс. т**	1,8	1,2	1,2	3,0	1,4	3,5
Молоко коровье цельное	тыс. л	22900	21479	22378	25656	21421	20675
Шерсть овечья	ц	200	454	494	643	545	552
Яйца	тыс. шт.	100	374	238	322	406	650
Мед	п	112	262	12	10	19	32
Масло коровье	ц	2025	1603	1908	2187	2908	2865
Сливки и сметана	ц	нет св.	136	нет св.	272	391	371

Таблица составлена по данным: Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941): Дис....учен. степ. канд. истор. наук. Сыктывкар, 1985. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2 Д.359 Л.76. 86; Коми АССР за 40 лет. Статистический сборник. Сыктывкар. 1961. С.96. НА РК. Ф.408 Оп.1 Д.42 Л.29; Д.113 Л.2. 2 об.. 3. 3 об., 7 об.. 8, 8 об.. 9, 9 об.. 10, 16 об.. 17, 17 об.. 18, 66 об.. 67, 68 об.. 69, 78 об.. 79,79 об.. 80, 80 об.. 81; Д.1954. Л.3 об.. 4, 4 об.. 5; Там же. Ф.140. Оп.2. Д.1441. Л.38. 40; Д.3834. Л.37: Д.3852. Л.3 об.. 4, 4 об.. 5. 6 об.. 7: Д.3863. Л.7 об.. 8; Д.3897. Л.3 об.. 4, 4 об.. 5. 7. 21 об.. 22, 22 об.. 23, 23 об.. 24, 45 об.. 46, 46 об.: Там же. Ф.1329. Оп.1. Д.911. Л.283. 284. 285.

* В натуральном виде, исключая продажу и сдачу живого скота. Данные о которой несопоставимы.

** В убойном весе.

Как известно, наибольшей продуктивностью обладает породный скот. Однако обеспечить должные условия содержания породных животных колхозы были не в состоянии. Это приводило к сокращению их численности. Так, поголовье породного крупного рогатого скота в колхозах уменьшилось в 1953 г. до 55,4 тыс., против 64,5 тыс. в 1950 г., коров – до 23,5 тыс. против 24,1 тыс., овец – до 25,9 тыс. против 28,2 тыс. Количество породных свиней за тот же период осталось неизменным – 6,7 тыс. голов. Однако за счет сокращения общего поголовья удельный вес всех видов породного скота в общественном стаде существенно возрос и составлял в 1953 г. по крупному рогатому скоту 83%, по коровам 85, по свиньям 72, по овцам 64, против, соответственно 69, 75, 62 и 50% в 1950 г. (табл. 4).

**Таблица 2
Удельный вес и численность коров в стаде крупного рогатого скота
колхозов Коми АССР в 1940 – 1953 гг.**

Показатели	1940г.	1946г.	1948г.	1950г.	1952г.	1953г.
Всего коров	29540	27218	25957	31958	29869	27511
Удельный вес коров в стаде	35,2	37,6	32,8	32,4	38,4	39,9

Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф.9476. Оп.1. Д.1219. Л.72; НА РК. Ф.408. Оп.1. Д.42. Л.1. 68. 98: Д.113. Л.4. 11, 19 об.. 42 об.. 69 об.. 80 об.; Там же. Ф.140. Оп.2. Д.3852. Л.7 об.: Д.3896. Л.6: Д.3897. Л.23 об.. 47 об.: Д.3898. Л.6.

Несмотря на то, что к 1952 г. доля коров в стаде возросла до 38,4%, этого было недостаточно, так как хорошим показателем считалось наличие не менее 50-60% коров.

Тем не менее, в колхозах республики был заметен рост объемов валового выпуска продуктов животноводства. Так, производство мяса всех видов в убойном весе в 1946 г. составило 1,2 тыс. т, а в 1953 г. – 3,5 тыс., шерсти, соответственно, 454 ц и 552, куриных яиц – 374 тыс. шт. и 650 тыс. С другой стороны, валовое производство молока сократилось с 21,5 млн. л в 1946 г. до 20,8 млн. в 1953 г. (табл. 3).

Таблица 4
Поголовье породного скота в колхозах Коми АССР в 1950 – 1953 гг.

Показатели	1950г.	%	1953г.	%
	тыс. голов		тыс. голов	
Крупный рогатый скот	64,5	69	55,4	83
В том числе коровы	24,1	75	23,5	85
Свиньи	6,7	62	6,7	72
Овцы (без валухов)	28,2	50	25,9	64

Таблица составлена по данным: Народное хозяйство Коми АССР. Сыктывкар. 1957. С.60, 61, 62, 63, 83; Коми АССР за 40 лет. Статистический сборник. Сыктывкар. 1961. С. 78, 75.

Несмотря на это, ситуация с продуктивностью колхозного животноводства в послевоенный дореформенный период (1946–1953 гг.) оставалась очень тяжелой. Среднегодовой убой молока на одну фуражную корову не только был чрезвычайно низким, но и снизился к 1952 г. до не было малой величины – 647 кг., против 751 кг. в 1946 г. Средний настриг шерсти на одну овцу в 1952 г. составил 0,757 кг против 0,920 кг в 1946 г. Продуктивность птицы также заметно сократилась. Если в 1946 г. от одной курицы несушки было получено 29 яиц, то в 1952 г. – только 18 (табл. 5).

Главная причина столь низкой продуктивности животноводства заключалась в хроническом недостатке кормов.

Таблица 5
Продуктивность животноводства в колхозах Коми АССР в 1940–1953 гг.

Показатели	Ед. измер.	1940г.	1946г.	1948г.	1950г.	1953г.
Среднегодовое число фуражных коров	Тыс. голов	26,9	28,6	24,8	30,5	30,2
Среднегодовой убой молока на одну среднегодовую корову	л	850	751	900,5	840	965
Настриг шерсти на одну овцу	кг	1,44	0,92	1,033	1,04	1,190
Среднегодовое число кур несушек	Тыс. голов	Нет св.	12,8	7,9	12,2	33,8
От них получено яиц	Тыс. шт.	Нет св.	372,3	238,3	305,5	727,9
Средняя яйценоскость кур	шт.	Нет св.	29	30	25	30

Таблица составлена по данным: Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938–июнь 1941): Дис. ... учен. степ. канд. истор. наук. Сыктывкар. 1985. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.359. Л.85, 86: НА РК. Ф.408. Оп.1. Д.113. Л.2, 10, 17, 42, 69, 81; Там же. Ф.140. Оп.2. Д.3852. Л.6 об.; Д.3896. Л.6; Д.3897. Л.7, 24, 48; Д.4775. Л.60.

Основу кормовой базы животноводства республики составляли естественные кормовые угодья. В рассматриваемые годы, полеводство давало не более 10 % всех добываемых кормов. Следует отметить, что за годы войны часть естественных кормовых угодий была заброшена и выведена из сельскохозяйственного оборота. В среднем на каждые 100 га пашни колхозов приходилось 322 га естественных кормовых угодий, в том числе 269 га сенокосов. Естественных сенокосов на одну переводную голову крупного рогатого скота в колхозных хозяйствах приходилось 2,2 га, при их средней продуктивности в 8–9 ц с гектара. Таким образом, потенциально на одну переводную голову могло быть получено не более 17–19 ц сена. В действительности все обстояло несколько сложнее. Значительная площадь сенокосов из года в год оставалась в колхозах неубранной в силу нехватки рабочих рук, неблагоприятных погодных условий, заболоченности и закустаренности земель. Все это приводило к тому, что в колхозах на одну голову, с учетом широко практиковавшихся добавок в виде соломы, хвои и веток, приходилось не более 9–10 ц кормов, что составляло только половину от установленных норм обеспечения скота грубыми кормами.

Исключительно тяжелое положение складывалось в республике и с пастбищными угодьями. При весьма низкой продуктивности имевшихся пастбищ (лесных и суходольных) требовалось на одну переводную голову крупного рогатого скота 2,5–3 га, а фактически имелось только 0,4 [8].

В лучшем положении, в плане кормодобычи, находились колхозы северных районов Коми АССР, так как там в долинах рек Печоры, Цильмы, Ижмы, Усы были расположены высокопродуктивные заливные луга. Они составляли достаточно прочную кормовую базу для развития животноводства. В средней и южной зонах республики природные условия были более благоприятными для земледелия. В то же время небольшие площади заливных лугов при слабом развитии полевого кормодобычи сдерживали возможности развития животноводства.

Резкий рост поголовья колхозного скота в результате кампании 1949–1951 гг. при узости кормовой базы и неэффективности ее использования привел к тому, что в послевоенный дореформенный период ситуация с кормами резко ухудшилась. Например, если в стойловый период 1946 г. общественный скот был обеспечен грубыми кормами, в среднем по республике, на 61,1%, а сочными на 50,9 от научно определенных норм, то в период 1952–1953 гг. – только, соответственно, на 51,7% и 24,8. За три года кампании на приобретение кормов колхозами республики было из-

расходовано в 1949 г. 7751,6 тыс. руб., в 1950 г. – 6685 тыс., в 1951 г. – 6075 тыс., всего 20,5 млн. руб. [9] Однако это не помогло решить проблему. Кормов не хватало и это приводило к тому, что весной на колхозных фермах наступала бескормица. Увеличивался падеж скота. Так, только за четыре месяца 1952 г. в артелях республики пало: лошадей – 912 голов, крупного рогатого скота – 4723, свиней – 1847, овец – 8635, а всего – 16117 голов [10]. Зачастую, колхозникам приходилось подвязывать к потолку еле стоящий на ногах от голода скот. Это делалось с той целью, чтобы не позволить ослабевшему животному лечь на пол, так как, в противном случае, выходить и спасти его в дальнейшем было уже невозможно.

Большие затруднения испытывали и с помещениями для содержания животных. Их строительство было затруднено тем, что в колхозах ощущался острый недостаток в строительных материалах. В продаже не хватало гвоздей, стекла, цемента, шифера и др. В связи с этим нарекания вызывала у партийно-хозяйственных органов работа сельской потребкооперации [11]. Тем не менее, в период 1946-1953 гг. ситуация с содержанием скота была несколько улучшена. При этом общее количество всех типов животноводческих построек сокращалось, но одновременно их вместимость возросла. Так, за указанный период число конюшен уменьшилось с 1166 построек до 1086, однако их вместимость возросла с 29 тыс. скотомест до 32 тыс. Аналогичная ситуация прослеживалась и с коровниками, телятниками, свинарниками, овчарнями. С другой стороны, следует отметить, что типовые постройки составляли меньшинство. Большая же часть данных сооружений представляла собой приспособленные, сырье и холодные помещения. Среди причин «непроизводительного отхода скота» чаще всего фигурировали так называемые «незаразные заболевания», т.е. попросту, голод и холод.

В 1948 г. Областной комитет партии отмечал, что «состояние ветеринарного дела в колхозах Коми АССР неудовлетворительно .., лечебная и профилактическая работа находится на низком уровне, зооветеринарные правила грубо нарушаются и все это приводит к значительному отходу животных .., многие ветлечебные помещения в республике находятся в запущенном состоянии, плохо оборудованы и не имеют необходимых медикаментов...», в результате за последние годы резко увеличилось количество инвазионных и незаразных болезней» [12]. Скудный рацион кормления, неприспособленность скотопомещений приводили к тому, что за зиму скот терял упитанность, увеличивался непроизводительный отход. Значительная часть общественного скота вынужденно содержалась во дворах колхозников, что приводило к неизбежному расхищению кормов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в развитии колхозного животноводства в период 1946-1953 гг. преобладали противоречивые тенденции. С

одной стороны, наблюдался рост общественного стада, увеличение валового производства продуктов животноводства, с другой – падала продуктивность скота, ухудшалось его качество. Низкие государственные заготовительные цены на продукты животноводства не стимулировали производство, вели к убыткам. Политика форсированного увеличения поголовья артельного скота не была подкреплена ни ресурсными возможностями колхозов, ни должной финансовой поддержкой со стороны государства. Главным стимулом экономической активности артелей оставался административный нажим.

Вплоть до 1953 г. уровень развития животноводства большинства колхозов республики не только оставался невысоким, но и был склонен к регрессии.

1. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР на 1946-1950 гг. Сыктывкар. 1946.
2. Там же. С. 5.
3. Справедливости ради следует отметить, что подобная установка диктовалась во многом объективной необходимостью подъема тяжелой промышленности и научноемких отраслей производства в качестве основы высокой обороноспособности Советского государства.
4. История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4. С. 39.
5. Там же.
6. Там же. С. 40.
7. За новый Север. 1949. 15 июня.
8. Там же.
9. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 82.
10. Там же.
11. Красное Знамя. 1956. 14 ноября.
12. НА РК хр.2 Ф. 1. Оп. 1. Д. 600. Л. 12.

А.Ф. Сметанин

К анализу современного состояния деревни Республики Коми*

Проблемы развития современной аграрной сферы являются исключительно актуальными. Еще более актуальными они оказались для северных территорий России, поскольку деревня здесь чрезвычайно чувствительна ко всякого рода непродуманным вмешательствам, что наглядно продемонстрировали два последних десятилетия. В этом смысле она хотя и не отличается принципиально от других регионов, однако имеет свои

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект 09-01-41103 а/С)

специфические особенности, связанные прежде всего с естественно природными условиями. Так, показатели социально-экономического развития северного села в последние годы оказались значительно более низкими, чем средние по стране. При этом спад происходил на фоне крайне благоприятного для развития деревни 1960-х – 1980-х годов, когда осуществлялась оптимальная по своему содержанию аграрная политика. Если в эти годы речь шла о формировании индустриального типа сельского хозяйства, регулярном повышении жизненного уровня населения, то в последующий период ситуация стала развиваться по совершенно противоположному сценарию. Произошла деиндустриализация производства, были значительно подорваны производительные силы деревни. За 1990-2005 годы в Республике Коми энергетические мощности в расчете на 100 гектаров посевной площади уменьшились в два раза, количество крупного рогатого скота сократилось в 3,8 раза [1].

Одной из важнейших причин такого положения стало то, что государство полностью отстранилось от поддержки северной деревни, для которой подобный курс оказался крайне пагубным. В качестве сравнения укажем, что в 1981-1985 годах в Республике Коми объем капитальных вложений на 1 гектар сельхозугодий был в пять раз выше, чем в 1966-1970-х годах и превзошел соответствующий показатель по Нечерноземной зоне России, а к 2000 году их уровень дошел до мизерных показателей, которые фактически нельзя было принимать во внимание.

Резкий уход государства из аграрного сектора привел к ликвидации совхозов и колхозов, составлявших базовую основу сельского сообщества. Ее особенностью являлось то, что сельскохозяйственные предприятия обеспечивали функционирование всего хозяйственно-социального и культурного комплекса деревни. Результаты такого курса проявились очень быстро, что можно продемонстрировать на любом из показателей, касающихся агропромышленного комплекса. К примеру, среднегодовые темпы сокращения сельскохозяйственного производства в 1991-1995 годах составили 5,7%, в 1996-2000 годах – 18% [2]. Именно в 1990-е годы произошла «перестройка», которая полностью противоречила интересам сельского населения – в личных подсобных хозяйствах стало производиться более половины общего валового продукта земледелия и животноводства, а сбор картофеля в них достиг 90%. овощей – 68% [3]. Одновременно распадались крупнейшие животноводческие комплексы, такие как Зеленецкий, Межадорский и другие, что отбросило село и АПК на многие десятилетия назад. Можно привести многочисленные факты, свидетельствующие о деградации производственной сферы деревни в указанный период. Наибольший урон в годы преобразований понесла животноводческая отрасль сельского хозяйства, являвшаяся основой благосостояния сельских жителей. Только за 1990-2000 годы поголовье крупного рогатого скота, а также свиней уменьшилось более чем в два

раза. Если исходить из того, что «аграрное производство – это сложный хозяйствственный механизм, определяющий не только производство продуктов питания, но и создающий уклад жизни сельского населения» [4], то придется признать катастрофичность для деревни подобного масштаба потерь.

Не в меньшей степени пострадали другие отрасли жизни сельского населения. Почти ничего не вкладывалось в инфраструктуру села, закрылись многие культурные учреждения, показатели социального развития скатились до уровня 1950-х годов. В 2005 году учреждений культурно-досугового типа в республике было в 1,4 раза меньше, чем в 1990 году, общедоступных библиотек – в 1,3 раза. Сократился библиотечный фонд, а в сельской местности он не пополнялся. Сельские жители оказались отрезанными от информации, подписка на газеты и журналы сократилась до минимума. При этом культурная среда села оказалась ничуть не более устойчивой к переменам, чем производственная. Во многих домах культуры, где раньше работали различные кружки, проводились всевозможные мероприятия, деятельность которых свелась к организации дискотек. Подобное положение не удовлетворяло население и уже во второй половине 1990-х годов спонтанно начали появляться инициативы, прежде всего в среде сельской молодежи, по возрождению очагов культуры. Крайне недостаточно удовлетворяются национальные интересы сельских жителей, хотя к этой сфере в рассматриваемый период уделялось чрезвычайное внимание. После длительного перерыва было издано большое количество различной литературы по проблемам коми языка, региональной истории, традиционной культуры. Однако из-за маленьких тиражей эти публикации, пользующиеся повышенным спросом, практически не попадали ни в сельские, ни в школьные библиотеки. Перемены в культуре затрагивали больше город, чем деревню, разрыв между которыми продолжал нарастать. Укажем, что для сельчан это был крайне болезненный процесс, поскольку в предшествующий период осуществлялась специальная политика, направленная на стирание различий между городом и деревней. Она была далека от завершения, однако давала ощутимые результаты.

Многие проблемы были вызваны ухудшением материального положения населения. Реальная заработная плата, особенно у работников сельскохозяйственных предприятий, сократилась до минимума. В 2004 году она была в 2,3 раза меньше, чем в среднем по экономике республики, и в 3,7 раза меньшем, чем, например, на транспорте. В некоторые годы, особенно в период раз渲ла совхозов, она вовсе не выплачивалась. Небольшая натуральная оплата не обеспечивала потребности семьи, а отсутствие рынка не позволяло реализовать даже производимую в личном подсобном хозяйстве продукцию. Все это сказалось и на улучшении жилищных условий, здоровье сельчан, возможности получения нормального образования, подвижности сельского населения, которое замкнулось в пределах своего населенного пункта, в лучшем случае муниципального

образования. Одним из примеров такой ситуации стал Ижемский район Республики Коми. Еще в 1970-х годах здесь было налажено авиационное сообщение каждого сельского Совета с райцентром, далее – со столицей республики, благодаря чему дорога от которой до сел занимала несколько часов. В 1990 годы авиационное обслуживание населения полностью прекратилось. В таком же положении оказался и соседний Усть-Цилемский район, который пострадал еще более из-за прекращения работы речного транспорта.

Исключительно неблагоприятными стали демографические характеристики сельского населения. Рождаемость на селе в 1990-е годы упала в 1,6 раза, смертность возросла почти в 1,4 раза. Крайне неблагоприятной стала первая половина рассматриваемого десятилетия, в середине которой число родившихся на 1000 человек было в 1,6 раза ниже, чем количество умерших. Деформированными оказалось большинство социально-демографических показателей. В том же Ижемском районе при почти неизменном количестве населения в 2000 году было заключено всего лишь 78 браков против 308 в 1981 (самый высший показатель, начиная с переписи населения 1959 года) [5]. Происходило неуклонное повышение среднего возраста сельских жителей, удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста уменьшился более чем в два раза. Отметим также, что речь идет о национальном регионе, где значительная часть коренного населения сосредоточена в сельской местности. Тревожной тенденцией стало прекращение воспроизводства коми и при его немногочисленности в перспективе это может привести к угасанию самого народа. Диспропорции в этническом составе коми крайне негативны. Так, в 2002 году доля лиц старше трудоспособного возраста у женщин составляла 24,8%, а у мужчин – 11,7%. Неблагоприятной остается соотношение полов, что, по утверждению В.В. Фаузера, «можно объяснить сверхвысокой смертностью мужского населения». В конечном итоге в 2006 году убыль сельского населения в Республике Коми по разным причинам составила 5,7%, хотя и была существенно ниже, чем в большинстве финно-угорских регионов России. В Республике Мордовия к примеру, она достигла 13,2% [6].

Таким образом, все сферы жизни аграрной подсистемы республики в 1990-2000-е гг. оказались в глубоком кризисе. Деревня республики деградировала, по всем позициям была отброшена на десятилетия назад. Позитивные моменты в ее развитии в рассматриваемый период найти крайне трудно. Коренные преобразования в области форм собственности и в экономике в целом привели к трудновосполнимым потерям. До последнего времени не устоялась ситуация в пользовании землей, плохо выполняются уже принятые законы. Материально-техническая база сельского хозяйства была подорвана. Кроме всего прочего, это вызвало изменения в социальной структуре населения, в составе которой существенно

сократилась доля управренцев, специалистов, механизаторов и некоторых других продвинутых профессий. Все это привело к падению жизненного уровня населения, сказалось на продолжительности жизни. Важно подчеркнуть, что к худшему изменилось морально-психологическое состояние населения. Не только безденежье, но и безработица, отсутствие перспектив привели население к худшему из состояний, преодоление которого требует длительного времени. Можно согласиться, что радикальная перестройка экономики и социальных отношений требует жертв, но они оказались чрезмерными. При этом следует подчеркнуть, что село по-прежнему остается не только традиционной социальной, природной и этнокультурной средой жизнедеятельности, но и средой воспроизведения коренного коми этноса.

1. Республике Коми – 85 лет. Историко-статистический сборник. – Сыктывкар, 2006. – С.118, 119.
2. Республика Коми к 80-летию государственности (1921-2001 гг.). Статистический сборник. – Сыктывкар, 2001. – С.81.
3. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Том второй. – Сыктывкар, 2004. – С.684-685.
4. Республика Коми к 80-летию государственности.... с.85.
5. Черных Н.А. Этнодемографическая оценка здоровья ижемских коми в XVIII – XX веках. – Сыктывкар, 2002. – С.31.
6. Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире: демографическое измерение // Идентичность и изменяющийся мир / V Всемирный конгресс финно-угорских народов. г. Ханты-Мансийск, Россия, 2008. – Сыктывкар, 2008. – С.160.
7. Там же. с.158.

A.A. Попов

Писатели-«деревенщики» о судьбах северной российской деревни: на материалах политики «неперспективных» деревень (этнокультурный аспект)*

В автономных республиках и областях Европейского Севера России реализация установок на ликвидационные мероприятия по отношению к малым поселениям началась на рубеже 1950-60-х годов. Как показывает анализ, они проходили исключительно под лозунгом «сближения» города и деревни, «всемерного развития» культуры села, «подъема» сельскохозяйственного производства. Показательно в этом отношении выступле-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект 09-01-41103 а/С).

ние первого секретаря Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгина в феврале 1963 г. на областном совещании передовиков сельского хозяйства: «Многие колхозы приняли по Уставу сельхозартели положение о бригадных хозяйственных центрах, решения о запрещении нового строительства в мелких деревнях... В ряде колхозов установлены меры помощи семьям, переселяющимся в бригадные центры. Это задача огромной важности. Она позволяет правильно осуществлять не только производственное, но и культурно-бытовое строительство, практически устранив имеющиеся различия между городом и деревней» [1].

К распространению по всей области рекомендовался опыт форсированного сселения «жителей мелких селений в колхозе “Родина”, на территории которого находилось 48 населенных пунктов и где в 1962 г. правление колхоза приняло решение «О создании двух хозяйственных и культурно-бытовых центров и селении мелких населенных пунктов» [2]. Подводя итоги восьмой пятилетки, первый секретарь обкома А.С. Дрыгин нарисовал такую перспективу: из 11 тысяч сельских поселений Вологодской области «будут развиваться как перспективные лишь около двух тысяч населенных пунктов» [3]. В девятой пятилетке областными планово-ыми органами эти цифры были пересмотрены на основе схем вновь составленных районных планировок. Предполагалось оставить уже только 1062 поселения, половина из которых должна быть с числом жителей от 300 до 1000 человек. По «Перспективной системе расселения в разрезе районов» из этих 1062 поселений 922 должны быть сельскохозяйственно-го профиля, в том числе 79 центральных усадеб. При этом средняя численность жителей одного поселения должна возрасти с 67 до 500 человек. Пересмотр контрольных цифр стал возможен в условиях использования такого радикального способа реконструкции как целенаправленное селение. Только за первых полтора года девятой пятилетки в области были переселены жители 370 населенных пунктов [4].

Однако перестроить поселенческую сеть так, как это планировалось, не удалось. сельские жители зачастую, минуя центральные усадьбы, совсем покидали сельскую местность. За межпереписной период 1959-1979 гг. в Вологодской области наблюдался массовый исход сельского населения в города – с 842,7 тыс. человек оно сократилось до 545,6 тыс. человек. сли при общем уменьшении сельского населения в других областях и республиках вропейского Севера средняя плотность одного сельского поселения в них несколько выросла, о в Вологодской области она сократилась с 68 чел. до 64 чел. К 1988 г. пятая часть всех жилых омов в сельской местности по области пустовала, а в таких районах как Грязовецкий, ирилловский, Харовский они составили более 1/3 [5].

Примерно по такой же схеме происходили аналогичные процессы в Архангельской области. Здесь также в достаточно крупных масштабах

практиковалось селение сельских жителей. 43 1970 г. Облисполком принял порайонную разнарядку по этому вопросу. Специальная программа была рассмотрена и одобрена на XVI областной партийной конференции в феврале 1971 г. [6]

В автономных республиках Карелии и Коми селение в таких масштабах не осуществлялось. Здесь, как правило, определялась категория поселений «не подлежащих дальнейшему развитию». Однако и этого оказалось достаточно для так называемой «самоликвидации» небольших деревень.

В 1963 г. в Сыктывкаре состоялось республиканское совещание «Градостроительные проблемы Коми АССР». На основе его материалов и рекомендаций в 1964 г. было принято постановление Совета Министров Коми АССР «О мерах по улучшению застройки сельских населенных пунктов». В соответствии с ним было определено более 200 сел для перспективного развития [7]. В последующем с завершением составления общей «Схемы районной планировки Коми АССР» число перспективных поселений было намечено до 100-140. К этому времени в республике насчитывалось более одной тысячи сельских населенных пунктов.

Результаты ликвидационной политики в Коми АССР можно проиллюстрировать на примере классической глубинки – Усть-Цилемского района. Указанным выше решением Совета Министров республики был утвержден перечень на 16 перспективных поселений из 109. На состоявшейся 23 сентября 1965 г. IV сессии райсовета было прямо указано: «В дальнейшем культурно-бытовые учреждения будут строиться только в перспективных населенных пунктах». Строго оговаривалось предотвращение распыления нового строительства в мелких поселениях, не подлежащих развитию. В итоге всего за одну пятилетку число поселений сократилось до 41. Закрывались именно небольшие деревни, а из числа оставшихся лишь немногие имели учреждения соцкультбыта [8]. О реакции населения на эту политику, т.е. самих усть-цилемов, – можно судить по материалам районной газеты «Красная Печора». О деревне Рошинский Ручей: «А в Рошинском Ручье... ни огонька, ни звука. Была на высоком печорском берегу веселая деревня с животноводческой фермой. Ферму снесли и деревни не стало. Заросли поля и лужки на террасах, осталось поэтическое название – Рошинский Ручей да неприютные дома без рам» [9]. О деревне Черногорской: «В свое время здесь была и начальная школа, и детсад. Затем в недобрые времена немудрых указаний деревня начала рушиться на глазах: закрыли школу и детский сад – коренные основы жизни деревни. Молодежь стала уезжать, искать лучшую долю» [10]. О деревне Среднее Бугаево (корреспонденция А. Выучейского): «Полтора десятка лет мое родное село Среднее Бугаево считалось неперспективным. Это крепко подорвало экономику общественного производства, отрицательно повлияло на его социальный облик и настроение людей. Все

эти годы в строительстве царил самый настоящий застой. Не стучали плотничьи топоры, потихоньку хирели постройки. Между тем катились вниз уди от совхозных буренок, народ спивался – к горькой потянулись и женщины. Трудно жить, когда впереди никакого просвета» [11].

Конечно же, ход и результаты политики такого способа стирания существенных различий между городом и деревней были у всех на виду. Однако, люди от решения своей собственной судьбы были отрешены. Редкие прорывы проблемы на страницы печати оставались по существу гласом вопиющего в пустыне. Например, на XVI Архангельской областной партконференции (февраль 1971 г.) в докладе первого секретаря обкома Б.В. Попова в очередной раз превозносилась программа ликвидации мелких поселений. И хотя в прениях буквально через выступление чуть ли «не криком кричали» об обреченности на медленную смерть деревенской глубинки, о чувстве малой Родины, – программа была принята и реализована в жизнь [12]. Другой пример. Директор совхоза «Кузьминский» Ленского района Архангельской области семь лет добивался средств на развитие деревень на территории совхоза. По его словам за это время (1969-1975 гг.) «совхозу выделены средства только на строительство восьми двухквартирных домиков и то хозспособом, а за это время на территории совхоза перестало существовать 17 деревень» [13]. В 1976 г. «Правда Севера» в качестве дискуссионной поместила статью главного инженера института «Архангельскгражданпроект» В. Треушкова, апологета укрупнения деревень и сторонника застройки центральных усадеб исключительно на городской манер. Редакция газеты выразила надежду, что сами «жители сел и деревень высажают свое мнение по этому поводу» [14]. Однако, в просмотренных нами за весь год номерах газеты следов дискуссии не обнаружилось.

Попытки вмешательства в происходящее представителей общественности, с чьим высоким авторитетом приходилось считаться, резко пресекались. Известно, какая острая борьба в 1960-70-е годы развернулась по проекту переброски водных ресурсов северных рек, вокруг экологического состояния Байкала и других проектов. Конечно, ближе всего к судьбам северной деревни находились известные писатели-«деревенщики», такие как Ф. Абрамов, Я. Ругоев, Г. Юшков, А. Яшин, В. Белов и другие. Все они в эти годы писали о сложнейших проблемах северного села – русского, коми, карельского. Но надо признать, что основная, хотя и неравная, борьба шла на вологодской земле, где массовые масштабы принял такое явление, как селение из мелких поселений.

В декабрьском номере журнала «Новый мир» за 1962 год появился рассказ вологодского писателя Александра Яшина «Вологодская свадьба» [15]. Рассказ появился после того, как А. Яшин побывал у своих земляков на свадьбе в деревне Скачково (в рассказе Сушиново). Рассказ – это по сути изложение в художественной форме откровенного мнения сельчан о своем житье-бытье: о том, что нет в деревне ни электричества, ни радио, ни библиотеки, ни клуба, а кинопередвижка за последние два

года ни разу не заглядывала, и главное нет никаких перспектив. В этих условиях «людям не до веселья, не до песен, не до плясок». Лейтмотив рассказа – мысль о том, что эта конкретная деревня, а в ее лице и российская глубинка, обречена на угасание. Естественно автор со своими земляками были против такой ее судьбы. В рассказе вольно или невольно выяснилась суть прорабатывающейся государственной политики «неперспективности» и свертывания тысяч таких деревень.

Публикация рассказа последовала сразу после ноябрьского 1962 г. Пленума ЦК партии, где под эту политику уже подводилось обоснование. Реакция на публикацию в «Новом мире» была неоднозначной. Известный писатель-деревенщик, уроженец Архангельской области, друг А. Яшина Федор Абрамов об обстановке вокруг «смельчака, накатавшего «Вологодскую свадьбу», вспоминал так: «В печати появились разночтенные статьи и рецензии, стали прорабатывать на разного рода собраниях и совещаниях, напустили земляков, от имени которых в газетах были напечатаны так называемые открытые письма... Яшин тяжело переживал проработочную бурю... Ведь еще недавно его носили на руках, чуть ли не со звоном встречали и местные власти и земляки, а сейчас все отвернулись, хамство на каждом шагу» [16]. По словам Е. Евтушенко, по рассказу и его автору открыли «снарядную пальбу». «Тогдашнее вологодское начальство велело снять фронтовую, простреленную шинель Яшина из краеведческого музея» [17]. В областной прессе прошла серия материалов о «клеветнических записках на вологодскую деревню» под заголовками: «Нет, не прав Яшин», «Вы смотрите через темные очки, тов. Яшин!» (открытое письмо писателю-земляку), «За объективное отражение действительности» [18] и т.д. И в эти же дни в печати публикуется доклад первого секретаря Вологодского обкома партии А.С. Дрыгина с областного совещания передовиков сельского хозяйства, где было заявлено: «Многие колхозы приняли по Уставу сельхозартели положение о бригадных хозяйственных центрах, решения о запрещении нового строительства в мелких деревнях и хуторах» [19].

Почти через десять лет после «Вологодской свадьбы» и через пять лет после смерти ее автора, в 1973 г. ученик А. Яшина и к тому времени один из лидеров «деревенской прозы» Василий Белов публикует в журнале «Наш современник» свою пьесу «Над светлой водой» [20].

Она появилась в кульминационный период осуществления политики «неперспективных» деревень. В этом небольшом произведении автор пытался поднять голос в их защиту. Пьеса была поставлена в театрах Москвы, Ленинграда, Орла, Котласа. Позже, на одной из встреч с читателями на вопрос: «Что послужило причиной написания пьесы?» – писатель ответил: «Было и собственное ощущение утраты родины, когда в деревне моей из двадцати трех домов уцелело лишь шесть. Селение малых деревень... Эту горечь людей я отношу и к себе... Когда написал пьесу, некоторые косо на меня смотрели, считая, что раз идет концентрация

производства, то надо сселять и деревни... С ликвидацией малых деревень поставлен крест не только на них, но и на земле: заросли покосы, луга, поля. Дети в город бросились, а старики к детям подались...» [21].

В январе 1981 г. В. Белов выступил в газете «Призыв» Харовского района со статьей «Еще о нашей деревне» [22]. Это не было обращением к органам власти. Если рассчитывать на их поддержку, то писать надо было бы в центральную печать. Но в центральной прессе вероятность критики официального курса просто исключалась. Поэтому статья В.Белова в своей родной районке – это обращение к самим сельчанам, своим землякам. Но публикация даже в районной прессе об оценке произвола, который творился в деревне, была, по существу, открытым протестом. Рассматривая этот документ как исключительно важный, приведем из него некоторые выдержки.

Начинается статья со следующих слов писателя: «Хотя я и прописан в Вологде, но фактически моя прописка в Сохте, в моей деревне, от которой осталось пять домов, пять из двадцати четырех, да и то пенсионных». Далее писатель анализирует положение в российской глубинке, противопоставление «перспективной» и «неперспективной» деревни, подвергает сомнению, «с позиции здравого смысла, всю прогрессивность происходящего». «Давайте, однако, разберемся, что такое подобный прогресс? Сидя в Москве, учены-демографы дают безапелляционные рекомендации нашим планирующим органам, придумывают термин: «бесперспективный населенный пункт». Лукавство его сразу и не разглядишь. Оно кроется за необходимостью концентрации производства. Кстати, тоже надо еще подумать о степени этой концентрации, где она полезна и где вредна. Столичные демографы, объявив «неперспективными» тысячи деревень, демагогически ссылаются на то, что мол нынешний крестьянин не станет пахать без теплого нужника. Поймите меня правильно, я вовсе не за то, чтобы в Азле, или в Шапше, или в Пусторамене не строить дома с канализацией и паровым отоплением... Я даже скажу, что строим еще мало и слишком робко. А вот объявить неперспективными сотню деревень у нас почему-то хватает смелости и находчивости. Но что значит «бесперспективная» деревня, которая стояла на земле полтысячи лет? Что там, земли нет? Или воды?... Все есть. И земля, и вода, и люди, и дома».

Далее писатель ставит вопрос так: «развивать, обустраивать эти деревни действительно сложно, проще их ликвидировать, и не будет никаких проблем. Дайте мне на два часа кресло председателя райисполкома, и я за два часа сделаю бесперспективными всю Катрому и Азлу с Межурками. Как? Очень просто, я сказал бы руководителям колхозов и совхозов, что внутриколхозные дороги – это ерунда, их не надо и строить. Позвонил бы заведующему рено, что все дети района будут учиться в двух-трех интернатах, и школы в колхозах больше строить не будем. Тем более начальные. Сказал бы главврачу, чтобы он прикрыл с десяток медпунктов, Нечего гонять старух за шесть-восемь километров на уколы. Я

дал бы указание в отдел культуры, чтобы закрыли с десяток сельских клубов... Связался бы с райпотребсоюзом, порекомендовал бы укрупнить пять-шесть сельпо, как это сделали с Шапшей, Азлой и Кумзером. Заодно закрыл бы мелкие пекарни, ликвидировал все лавки и магазины, которые не справляются с планом... Через неделю половина Харовского района окажется бесперспективной... Намеренную ликвидацию мелких населенных пунктов я считаю безнравственной и по отношению к памяти погибших и по отношению к живым престарелым людям... Сселение же средних населенных пунктов под видом заботы о людях и под видом необходимости концентрации производства на деле оказывается неоправданным, потому что в таком случае сельскохозяйственные угодья нередко вообще исключаются из хозяйственного оборота, а торопливая ликвидация мелких ферм приводит к сокращению поголовья скота, несмотря на строительство крупных животноводческих комплексов». Говорится в статье и о повальном пьянстве в деревне, и о дефиците невест, и других проблемах. «Мы должны, наконец, развеять миф о деревенской неполнопочтиности... Любовь к Родине, к своему дому, к своей деревне в интернате не воспитать. Ребенок должен жить в семье со своими родителями, учиться в своей родной школе, а не где-то за тридевять земель».

Это было эмоциональное, даже сумбурное, обращение писателя к своим землякам. Но по существу этим выступлением (а оно получило резонанс) на Вологодчине был сделан прорыв из зоны умолчания: в том же году в «Известиях» было опубликовано открытое письмо о судьбе малых деревень Грибцовского сельсовета Вологодского района [23]. В феврале 1982 г. В. Белов выступил уже с официальной трибуны областной комсомольской конференции перед молодежью. Говорил о последствиях политики «неперспективных» деревень, о проблемах молодежи на селе: «Сейчас самое главное для Нечерноземья – проблема семьи. А если говорить еще более определенно, то это проблема невест... Молодые люди без любви, без невест начинают пьяствовать, очертя голову бросаются по городам, женятся на ком попало. Тут уж не до выбора! Иные снова возвращаются в деревню. Правда, без жен, зато с исполнительными листами на алименты. Большинство же пристраиваются где-нибудь в леспромхозе или в райцентре. А тем временем в родных местах закрываются клубы и магазины, ликвидируются школы, пекарни, медпункты, исчезают целые деревни. Сторонники излишней централизации и селения деревень ни слова не говорят о том, что вместе с ликвидацией деревни ликвидируются и фермы, сокращается поголовье скота. Зарастают покосы и посевные площади. Но что толку от строительства крупных комплексов, если общее поголовье скота не увеличивается, поскольку фермы с поголовьем 80-100 голов в бригадах ликвидируются» [24].

О неравной борьбе писателей-«деревенщиков» за спасение деревни литераторовед В. Чалмаев в «Литературной газете» писал: «“Деревенская проза” – одно из тех центральных, общезначимых литературных течений,

которое активно противостояло процессу раскрепощения и отчуждения человека от земли, предупреждало о возможном кризисе морально-нравственных ценностей в атмосфере застоя, утопических мечтаний... И не вина «деревенской прозы», что она как бы «проиграла» свое длительное противостояние бесчувственной, победившей слово командно-административной системе, не предотвратила ни ликвидации тысяч «неперспективных» деревень, ни многих экологических катастроф. Никто как будто не услышал страстного, словно голос самой измученной земли, призыва и предостережений «деревенщиков»: «Повалится деревня, зачернеет и город!» [25].

Политика «неперспективных» деревень, представляя собой волонтеристскую попытку форсированной глобальной переделки исторически сложившейся системы расселения, имела долговременные и отрицательные последствия в самых различных сферах северного российского села. Она привела к ускорению темпов сокращения сельского населения, к запустению, либо исчезновению сотен поселений, к сокращению сельхозугодий.

И еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Европейский Север это регион многовекового проживания коренных народов: карел, русских, коми и других. Северная деревня – традиционная среда их обитания. Разрушение этой среды нанесло невосполнимый ущерб этническим корням этих народов. Так, карельский этнограф Е.И. Клементьев особо отмечает, что «нарушение территориальной компактности расселения карел, исстари сложившихся традиционных условий бытия нарушило нормальный ход этнокультурного, в том числе языкового развития, содействовало утрате тех многих материальных и духовных ценностей, традиций, которые придают каждому народу свое неповторимое этническое «лицо» [26]. По его данным за межпереписной период с 1959 по 1989 гг. численность деревень с преимущественно карельским населением сократилась в 3,5 раза по сравнению с уменьшением общего числа сельских поселений в 2,3 раза [27].

Созвучны этим мыслям и размышления русского писателя с Вологодчины В. Белова в книге «Лад. Очерки о народной эстетике»: «Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад... Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, все это отсеивалось временем. А то, чего недоставало в этом всегда стремившемся к совершенству укладе, частью постепенно рождалось в глубинах народной жизни, частью заимствовалось у других народов...». Такое состояние жизненного уклада для северной русской деревни писатель определяет как «лад и ритм»: «Жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частностях была ритмичной. Любое нарушение этого ритма – война, мор, неурожай – лихорадило весь народ, все государство... Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность... Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне цело-

го или же явиться вне очереди... Ритмичность была одной из самых удивительных принадлежностей северного народного быта» [28]. Можно констатировать, что в результате политики «неперспективных» сел северная деревня из этого «ритма и лада» выбилась.

Вологодские исследователи Н.В. Солдатова и Е.А. Скупинова, оценивая ситуацию по конкретным районам Вологодской области, пришли к такому выводу: «Изменения, затронувшие сеть сельского расселения области за последние десятилетия, вошли в противоречие с естественным её развитием. Они привели в конечном итоге к необратимым нарушениям как в самой системе населенных мест, так и в демографических характеристиках населения». И далее: «Без сомнений, главная причина, приведшая к исчезновению большей части сельских поселения – это волевые решения. Шло плановое разрушение традиционной для Севера системы расселения, формировавшейся веками как наиболее рациональной...» [29].

В процессе разрушения системы расселения они выделяют две государственные послевоенные программы: укрупнение колхозов и совхозов и, особенно, переселенческие мероприятия из «неперспективных» деревень. Свои выводы вологодские исследователи основывают на анализе «Материалов полного обследования сельских населенных пунктов Вологодской области 1982 года», проведенного институтом «Вологдагражданпроект» [30].

Трудно не согласиться с этими аргументированными оценками, приведенными относительно Вологодской области. Здесь лишь только необходимо отметить, что в других административно-территориальных образованиях Европейского Севера (Архангельская область, Карельская и Коми республики) процесс разрушения поселенческой системы нешел столь далеко. Во-первых, потому, что в них широко не практиковался такой радикальный метод реконструкции расселения, как «сселение» сельских жителей, а применялся более «мягкий» вариант – определение поселений «не подлежащих дальнейшему развитию». Во-вторых, эти районы являются традиционно лесозаготовительными, на сокращении поселенческой сети здесь отразилась усилившаяся в эти годы ликвидация лесных сельских поселков после выработки лесных массивов в местах их дислокации. Понятно поэтому, что аграрная подсистема Вологодской области понесла наиболее ощущимые потери. На нее приходится почти 2/3 сельхозугодий всего Северного экономического района [31].

1. Красный Север. 1963. 3 февраля.
2. Другов В.И. Край разбоженный Октябрем // Социалистические преобразования северной деревни. – Вологда. 1970. С. 38.
3. Дрыгин А.С. Заветы Ленина претворяются в жизнь // Там же. С. 11.

4. Гребенюк И.С. Некоторые проблемы социально-экономического развития сельского хозяйства Вологодской области // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. – Вологда. 1973. С.27-29.
5. Показатели социального развития села Вологодской области. – Вологда: Статуправление Вологодской области. 1991. С. 11.
6. Правда Севера. – 1971. 19 февраля; 20 февраля.
7. НАРК. Ф. 1515, оп.1, д. 135, л. 1-12.
8. Чупров В.И., Сметанин А.Ф.. Попов А.А. Усть-Цильма – край Печорский. – Сыктывкар. 1991. С. 146-147.
9. Красная Печора. 1980. 25 сентября.
10. Там же. 1989. 13 апреля.
11. Там же. 1987. 6 октября.
12. Правда Севера. 1971. 19 февраля; 20 февраля.
13. Там же. 1971. 28 ноября.
14. Там же. 1976. 13 января.
15. Яшин А. Вологодская свадьба // Новый мир. 1962. № 12.
16. Абрамов Ф. Семь верст до небес // Земляки помнят: Александр Яшин в воспоминаниях северян. – Архангельск. 1988. С. 72-74.
17. Евтушенко Е. Поэтическая антология: Александр Яшин. // Огонек. 1988. №34. С. 9.
18. Вологодский комсомолец. 1963. 25 января; Красный Север. 1963. 26 января; 1 февраля; 16 февраля.
19. Красный Север. 1963. 3 февраля.
20. Белов В. Над светлой водой. // Наш современник. 1973. № 1.
21. Красный Север. 1981. 2 декабря.
22. Белов В. Еще о нашей деревне // Призыв. 1981. 6 января.
23. Сашаева В., Головяцкин А., Соколова Т. И нарекли село Неперспективным. // Известия. 1981-15 мая.
24. Вологодский комсомолец. 1982. 26 февраля.
25. Чалмаев В. Трудная земля // Литературная газета. 1989. 15 ноября.
26. Клементьев Е.И. С учетом настоящего. // Карелы. Финны. – М., 1992. С. 109.
27. Клементьев Е.И. Карелы: этнографический очерк. -Петрозаводск. 1991. С. 48.
28. Белов В. Лад и ритм // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Перев. с англ. / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. С. 229-230.
29. Солдатова Н.В., Скупинова Е.А. Эволюция и динамика современного расселения Вологодской области. // Сельское расселение на Европейском Севере России. – Вологда. 1993. С. 105-108.
30. Там же. С. 103-104.
31. Сычев М.Ф., Белых Н.И. Об особенностях перехода к рыночной экономике в аграрном секторе Европейского Севера // Крестьянское хозяйство: история и современность. 4.2. – Вологда. 1992. С. 68.

Сведения об авторах

Вокуева Т.Д., председатель московского отд. Общества «Русь Печорская»

Волкова Т.Ф., к.ф. н., доцент каф. русской и зарубежной литературы СыктГУ

Габов П.В. – начальник отдела Министерства национальной политики Республики Коми.

Герасимова Е.И., директор Усть-Цилемской Централизованной библиотечной системы

Дронова Т.И., к.и.н., ст. н. сотр. Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Жеребцов Игорь Любомирович, д.и.н., зам. директора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Канева Т.С., к. ф. н., доцент, руководитель центра фольклорных исследований СыктГУ

Карманова Н.А. – ст. н. сотр. научной библиотеки СыктГУ

Кучеренко Л.П., к.и.н., доцент, зав. каф. истории древнего мира и средних веков исторического факультета СыктГУ

Мелихов М.В., д.ф. н., профессор, декан филологического факультета СыктГУ

Милохин Д.В., к.и.н., советник по науке Главы Республики Коми

Мяндина С.В., заместитель директора Усть-Цилемской централизованной библиотечной системы

Носова О.С., выпускница СыктГУ, учитель средней школы с. Усть-Цильма

Першина Ю.В. – студентка филологического факультета СыктГУ

Попов А.А., д.и.н., профессор, зам. директора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, председатель Коми регионального экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда

Рожкин Е.Н. – к.э.н., первый заместитель министра национальной политики Республики Коми.

Сметанин А.Ф., к.и.н., доцент, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Чупров Владимир Иванович, д.и.н., профессор, гл.н.с. Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Чурсанова М.И., потомок И.С. Мяндина, сотрудник архива муниципального района «Усть-Цилемский»

Содержание

От редакции	3
Приветственные слова участникам конференции	4
I. И.С. Мяндин и традиционная культура Усть-Цильмы	
<i>Малышев В.И.</i> Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в.	6
<i>И.С. Мяндин</i>	21
<i>Вокуева Т.Д.</i> Родовые корни Мяндиных и происхождение фамилии	33
<i>Чурсанова М.И.</i> Потомки И.С. Мяндина	
<i>Волкова Т.Ф.</i> Усть-цилемский книжник И.С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия	52
<i>Карманова Н.А.</i> Печорские списки новеллы о нечестивых монахах из Великого Зерцала	66
<i>Носова О.С.</i> Сказание об Иверской иконе Богоматери в составе печорских рукописных сборников	81
<i>Першина Ю.В.</i> Сочинения Ефрема Сирина в печорской рукописной традиции и его Слово о Иосифе Прекрасном.	100
<i>Дронова Т.И.</i> Отношение к книге староверов-беспоповцев Усть-Цильмы (на примере рода Исааковых-Бабковых)	109
<i>Канева Т.С.</i> История Усть-Цилемского края в устной традиции (по результатам системного описания)	116
<i>Герасимова Е.И., Мяндина С.В.</i> Миссия Усть-Цилемской центральной библиотеки в развитии чтения и популяризации краеведческой книги	124
<i>Рожкин Е.Н., Габов П.В.</i> Роль Межрегионального общественного движения «Русь Печорская» в культурно-просветительской работе	126
II. История Усть-Цилемского края	
<i>Чупров В.И.</i> Социальный протест крестьян с. Усть-Цильма во второй половине XIX в.	131
<i>Жеребцов И.Л.</i> Материалы о повседневной жизни нижнепечорского крестьянина начала XX в. в Государственном архиве Архангельской области	134
<i>Мелихов М.В.</i> Жизнь печорских крестьян начала XX века в автобиографических записках старообрядца С.А. Носова	138
<i>Кучеренко Л.П.</i> Великая Отечественная война в дневниковых записях уроженца Печорского края	144
<i>Милохин Д.В.</i> Развитие животноводства в колхозах Коми АССР в 1940-е – 1953 гг.	152
<i>Сметанин А.Ф.</i> К анализу современного состояния деревни Республики Коми	159
<i>Попов А.А.</i> Писатели-«деревенщики» о судьбах российской северной деревни второй половины XX в. (по материалам политики «неперспективных деревень»)	163

Редакционный совет

Коробов Валерий Иванович, министр национальной политики Республики Коми.

Забровская Белла Леонидовна, председатель Комитета Государственного Совета по бюджету, налогам и экономической политике, председатель Сыктывкарского отделения межрегионального общественного движения «Русь Печорская».

Чупров Александр Филиппович, руководитель администрации Муниципального района «Усть-Цилемский».

Рожкин Евгений Николаевич, к.э.н., первый зам. министра национальной политики Республики Коми.

Азаров Олег Иванович, зам. министра культуры Республики Коми.

Сметанин Александр Франсович, к. и. н. доцент, директор Института языка,

литературы и истории КНЦ УрО РАН.

Попов Александр Александрович, д. и. н. профессор, зам. директора Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН.

Чупров Владимир Иванович, д. и. н. профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН.

Дронова Татьяна Ивановна, к. и.н., старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН.

Мелихов Михаил Васильевич, д. ф. н. профессор, декан филологического факультета СыктГУ.

Волкова Татьяна Федоровна, к. ф. н. доцент каф. русской и зарубежной литературы СыктГУ.

Канева Татьяна Степановна, к. ф. н. доцент, руководитель центра фольклорных исследований СыктГУ.

Герасимова Елена Ивановна, директор Усть-Цилемской централизованной библиотечной системы, председатель Совета межрегионального общественного движения «Русь Печорская».